

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ВАРЯЖСКАЯ ПРАВДА

Варяг

Место
для битвы

Князь

Александр Владимирович Мазин

Варяжская правда: Варяг. Место для битвы. Князь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8370649

Варяжская правда: Варяг. Место для битвы. Князь: Астрель; Москва;

2012

ISBN 978-5-271-45391-5, 978-5-9725-2384-9

Аннотация

Десятый век. Становление Руси. Время легенд. Время героев.

Это не фантастика. Это подлинный мир Истории. Мир жестокий, чуждой и завораживающе прекрасный. Таким увидели бы его вы, если бы смогли заглянуть в прошлое.

Варяг

Сергей Духарев не собирался заглядывать в прошлое. Просто однажды он проснулся там, в десятом веке, в мире, где у чужака только два варианта будущего: или раб или покойник.

Сергей нашел третий путь.

Место для битвы

Последний год княжения великого князя Игоря. Сергей Духарев – командир летучего отряда варягов-разведчиков в

Диком Поле. Хазары, печенеги, ромеи – все хотят сделать эти ковыльные степи своими. Они – чтобы разбойничать, другие – чтобы торговать, третьи... Третьим, ромеям, все равно, кто будет владеть Степью. Лишь бы этот «кто-то» не угрожал Византии. Поэтому ромеи платят золотом, чтобы стравить русов и печенегов, венгров и хазар. Это выгодно кесарям, ведь это золото все равно вернется в Византию... если не потеряется по дороге.

Воин не выбирает: сражаться ему или нет. Он будет биться, потому что война – это его жизнь, его предназначение.

Но место для битвы настоящий воин выбирает сам.

Князь

Сергей Духарев – воевода и наставник молодого князя Святослава, князя-воина, покорившего великую Хазарию и Булгарское царство, расширившего пределы Киевского княжества от Каспия до Черного моря. Равного ему полководца не рождалось со времен повелителя гуннов Атилы...

Содержание

Варяг	8
Часть первая	8
Глава первая,	8
Глава вторая,	15
Глава третья,	21
Глава четвертая,	27
Глава пятая,	34
Глава шестая,	38
Глава седьмая,	43
Глава восьмая,	51
Глава девятая,	53
Глава десятая,	57
Глава одиннадцатая,	61
Глава двенадцатая,	68
Глава тринадцатая,	76
Глава четырнадцатая,	80
Глава пятнадцатая,	84
Глава шестнадцатая,	89
Глава семнадцатая,	93
Глава восемнадцатая,	99
Глава девятнадцатая,	106
Глава двадцатая	112
Глава двадцать первая,	116

Глава двадцать вторая,	121
Глава двадцать третья,	130
Глава двадцать четвертая	135
Глава двадцать пятая	143
Глава двадцать шестая,	152
Глава двадцать седьмая,	155
Глава двадцать восьмая,	160
Глава двадцать девятая,	166
Часть вторая	171
Глава первая	171
Глава вторая	179
Глава третья	182
Глава четвертая	186
Глава пятая	190
Глава шестая,	196
Глава седьмая,	199
Глава восьмая	206
Глава девятая	209
Глава десятая,	217
Глава одиннадцатая,	221
Глава двенадцатая	224
Глава тринадцатая	228
Глава четырнадцатая	233
Глава пятнадцатая,	235
Глава шестнадцатая	241
Глава семнадцатая	244

Глава восемнадцатая	249
Глава девятнадцатая	252
Глава двадцатая	255
Глава двадцать первая	260
Глава двадцать вторая	263
Глава двадцать третья	265
Глава двадцать четвертая	270
Глава двадцать пятая	278
Глава двадцать шестая,	282
Глава двадцать седьмая	286
Часть третья	289
Глава первая	289
Глава вторая	293
Глава третья,	301
Глава четвертая,	309
Глава пятая	311
Глава шестая,	316
Глава седьмая,	321
Глава восьмая,	326
Глава девятая,	333
Глава десятая	338
Глава одиннадцатая	346
Конец ознакомительного фрагмента.	352

Александр Мазин

**Варяжская правда: Варяг.
Место для битвы. Князь**

© А. Мазин, 2007

© ООО Астрель-СПб, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Варяг

Часть первая Кулак как орудие выживания

Глава первая, *в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки*

«Эх, сейчас бы кружечку пива, – подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз. – Всего одну кружечку, и – как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту, цвирканье птичек...

«Мать моя... – подумал Серега. – Чего это они расчирились среди зимы? И почему спине неуютно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился

вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все, – подумал он обреченно. – Крыша тютю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Сереге с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? – подумал Серега. – Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? – подумал Серега. – Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере – без бутылки пива. А лучше – двух.

Последним воспоминанием Сереги была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Серегу с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может,

это Вовка? Вовка – еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

– Эй! – гаркнул Серега. – Хорош дурить!

Единственный результат – возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

– Я пить хочу! – громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: – И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густющий малинник. В самой середине малинника шуровал какой-то мужик.

– Здорово! – крикнул, подходя, Духарев. – Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова остолбенел. То есть

он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул – только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

– Во! – сказал он больше для самоуспокоения. – Человек – это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и поchapал дальше. Направление выбрал – чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

– Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! – громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию. – Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах – черным и красным – широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним

словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загродили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» – подумал он.

– Хау-ду-ю-ду, мужики! – сказал он. – Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

– Не пойдет, – покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем, в чем, а «насчет подраться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

– Ну-ка! – гаркнул Духарев, шагнув вперед. – С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул – и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным маваше, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне тер-

моядерная бомба, и он выпал из странной действительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

– И зачем дрался, дурачок? – спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зацем дрался, дурачок?» – но безусловно русская.

– Денег нет, – продолжал между тем разочарованный панк. – Одежка дрянь, – он пренебрежительно дернул линялую джинсину, – обувька – дрянь, – пинок обутой в кожаный сапожок по десантной бутсе Сереги, – оружия нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

– На, дурачок! – На живот Духарева упала монетка. И уже своим: – Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с

монеткой на пузе. И чувствовал он себя без всякого преувеличения, как обосранный.

Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку – металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекладной, вроде виселицы. На другой нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо. Бивали его и сильней. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

Глава вторая,
*в которой почти ничего не происходит,
зато у Духарева появляется
ощущение, что у кого-то поехал
шиффер: или у него самого, или у
всего окружающего мироздания*

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородатых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набычился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через двадцать остановилась.

– Эй, паря! – окликнули его. – Куда ноги несут?

– Никуда! – буркнул Духарев, тоже останавливаясь. – Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

– Давай к нам!

Духарев помотал головой.

– Не бойся, дурень! – крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого – желтая. Вот и все различие. –

Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусилась дальше.

– Тя как кличут? – спросил рыжебородый.

– Сергей.

– Диковинное имя. Ты че, хузарин?

– Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескается! – вмешался желтобородый.

– Ну, всяко бывает, – отозвался рыжий. – Я вот Голомята. А умник этот – Терщок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

– Ничей, – Серега энергично работал челюстями.

– А где ж такие лбы растут? – ехидно осведомился Терщок. – Ты, часом, не дедки Водяного внук?

– Нет, – кратко ответил Духарев.

– А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

– А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

– Попадались, – сказал Терщок. – То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

– Что смешного? – буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

– Нас не трогают, – пояснил Трещок. – Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

– Токо Горазд все одно девку не отдаст, – сказал Голомята. – Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника – ни в жисть.

– Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был, – поведал Трещок. – Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! – отстраненно подумал Духарев. – А может, и не поехала? Может, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

– Че-т, одежка на тебе чудная, Серегей, – желтобородый Трещок пощупал духаревскую рубаху. – Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

– Нет, – буркнул Серега.

– А все ж, откель сам будешь, паря? – Желтобородого снедало любопытство.

– Издалека, – отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое – и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрее пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще ка-

кого-нибудь Перши.

Сергея попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодилось меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепашке – и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.

Дорога вильнула и вывернулась на опушку. Теперь слева зеленел луг, а пониже, за камышами, блестела речка. На речке чернели лодочки. Мирная такая картинка.

Впереди Серега увидел высокий черный забор. Из-за забора поднимался дымок и доносился мерный звон. Будто кто-то лупил ломиком по рельсе. Телега миновала черные ворота, подпрыгнула на досках, перекрывших небольшой ручей, и покатилась дальше.

Спутники Духарева перестали болтать. Трещок задремал, а Голомята кривым ножом выстругивал лошадку, занимался,

так сказать, народным промыслом. Живая лошадка бежала сама по себе.

Спустя некоторое время впереди открылся холм, а на холме – городок. Поселок сельского типа: деревянные домики с черными крышами, на макушке холма – дома покрупней. Что-то типа монастыря, только почему-то без крестов. Еще Серегу прикололо, что вокруг поселка – высоченный забор. Опасливо живут старoverы.

– Слышь, Голомята, а речка ваша как называется?

Мужик отложил лошадку, ответил обстоятельно:

– Речка наша Сулейкой зовется. А впадает в Двину, что к граду Полоцку течет. Бывал?

Серега помотал головой.

– Откуда ж ты идешь, паря? – удивился Голомята. – Лицом ты вроде наш, из кривичей, а говор мне незнакомый. – И добавил с важностью: – Дивно это мне, бывалому...

Пока Голомята неспешно рассуждал о местных диалектах, Духарев безуспешно пытался соединить реальность с невозможностью. В географии Серега спецом не был, но где течет река Двина, знал прекрасно. И где город Полоцк стоит – тоже знал. Он еще мог поверить, что в какой-нибудь дикой Сибири есть места, не тронутые цивилизацией. Но не по эту сторону Уральских гор! Ни машин, ни линий электропередач...

Серега потрогал затылок. Шишка. Вполне реальная и довольно болезненная. Какой там сон! Значит, шифер все-таки поехал?

Повозка подкатилась к воротам. У ворот голый лохматый парень точил топор.

– Здорово! – крикнул ему Голомята.

– Здорово, – флегматично ответил парень.

Качок. Даже не качок – боец. Мускулатура у парня – не накачанное мясо, а реальная железная мышца. Как у покойника Брюса Ли.

Голомята покопался в сумке, выудил монетку, бросил парню. Тот поймал.

– Как съездили? – спросил он.

– Не в убытке.

– А это кто с вами?

Сергея не сразу понял, что речь – о нем.

– По дороге прибился. Его Перша ободрал.

Парень отложил топор, встал.

– Ох доиграется Перша! – посулил он, оглядел Духарева, констатировал: – А ниче парниша! Здоровый. Не пропадет.

Кличут как?

– Серегей! – вместо Духарева ответил Голомята.

– Ишь ты! – удивился парень. – Чего умеешь, Серегей?

– Зубы выбивать, – мрачно ответил Духарев.

Парень ему не понравился. Наглый, как тамбовский бычок.

Парень, впрочем, не обиделся. Или намека не понял.

– Коли так, Голомята, вези его наверх. Может, сгодится в княжьи люди?

– Дело, – согласился Голомята. – Свезу.

И хлестнул лошаденку.

Трещок так и не проснулся.

Дорога шла узкая, между заборов. По обе стороны – деревянные тротуары. Лошаденка топала не спеша, гоняла хвостом мух. Все вокруг было такое настоящее... слишком настоящее для самого крутого глюка...

Сереге почесал стриженую макушку, поскрипел мозгами... и принял все как есть. Ничему не удивляться, не возмущаться. И не борзеть. По крайней мере, пока ситуация не прояснится. А пока рассматривать ее как приближенную к боевой. Провоевал Духарев совсем немного, но успел усвоить накрепко: главное – выжить. Те, кто удивляется, возмущается и умничает, возвращаются домой за казенный счет, под номером «200». Не борзеть. Однако и клювом не щелкать.

Глава третья, в которой выясняется, кто крут, а кто – не очень

Улочка виляла, как уклейка, но упорно карабкалась вверх, пока не добралась до местного рынка.

Тут было шумно, толкался разный местный народ, и выглядел этот народ настолько чуждо для глаз питерского парня Сереги Духарева, что тот совсем растерялся.

– Слазь, – скомандовал Голомята. – Тебе туда! – Он махнул рукой вправо, где между домами видно было пустое пространство. А за ним – высокий забор.

– Спасибо, – Серега соскочил с телеги.

– Удачи, паря! Не робей!

Трещок так и не проснулся.

Духарев пошел в указанную сторону и минут через пять оказался у архитектурного ансамбля, который украшал вершину холма.

Первым внимание привлекал могучий забор: ряд толстых, тесно пригнанных, заостренных сверху кольев, обмазанных какой-то сизой дрянью. Кое-где над частоколом возвышались деревянные же башенки, а в одном месте ограда вытягивалась кишкой и сходилась к воротам. Над воротами тоже возвышались башенки, а сами ворота выглядели весьма солидно: высокие, окованные железом. Под старину. Впрочем, тут все было – под старину. А и в самом деле – может, это какой богатенький новорус в историю балуется? Была вроде такая мода?

Створки были приоткрыты, поэтому Духарев решил, что можно войти без стука.

По ту сторону ворот оказался довольно узкий коридор, мощный булыжником. Камни мостовой были подогнаны очень тщательно, а вот забор изнутри выглядел совсем непрезентабельно: какие-то лесенки, балки... Как будто его еще не достроили.

Никем не остановленный, Духарев миновал узкий проход и оказался на просторном, тоже мощеном дворе, с колодцем и несколькими строениями. Жемчужиной этого деревянного зодчества, вне всяких сомнений, можно было назвать особнячок в два этажа с башенками и красной крышей. Симпатичный особнячок, стильный. За особнячком высилась каланча высотой метров десять, с крохотными окошками. Предположение насчет играющего в «историю» новоруса еще более укрепилось.

По двору задумчиво бродила свинья, и явно маялся от безделья белоголовый парень лет двадцати, прикинутый, по местной моде, в ярко-синие сапожки, которые время от времени ласково поглаживал. Видно, нравилась ему собственная обувь.

На Серегу парень глянул, но вскользь. Без малейшего интереса. Свинья же Духареву вообще внимания не уделила.

Пока он топтался у входа и размышлял о том, что предпринять, за спиной раздалась ругань, чья-то рука довольно бесцеремонно отпихнула Духарева в сторону, и мимо протопали трое. Вернее, двое – в куртках с нашитыми железками, при мечях – проволокли третьего, босого, в длинной серой рубахе и перепачканных в грязи штанах с завязочками внизу.

Белоголовый парень встрепенулся.

– Поймали? – обрадовался он.

И пронзительно свистнул.

Свинья, безуспешно пытавшаяся выворотить одну из булыжин, укоризненно поглядела на белоголового.

Резные красные двери особнячка распахнулись, и на крыльцо вывалило сразу человек десять. Духарев с легкостью выделил главного: коренастого мужика лет под сорок, с вислыми усищами и стрижкой «а-ля запорожский казак». Только прикинут мужик был не в пример лучше, чем братва на известной картине Репина.

– Ага, – буркнул «запорожец». – Этот?

– Он, батька, не сумлевайся! – заверил один из тех, кто приволок босоногого.

– Мужики его, слышь, прям с бабы стащили! Ну а тут и мы!

– Ага. – «Запорожец» подумал немного. – Что ж ты, злодей, чужих баб топчешь? – спросил он.

Мужик не ответил.

Вислоусый махнул рукой. Двое тут же заломили мужику руки так, что он рухнул на колени. Белоголовый закинул руку за спину и вдруг выдернул из-за плеча длинный меч. Встал над мужиком, откинул тому волосы с шеи и с короткого замаха играючи отсек склоненную голову. Отрубленная голова мячиком покатила по булыжнику, встала на ровный обрубок шеи и остановилась. Фонтан крови, бивший из обезглавленного, иссяк. А в животе Духарева образовалась противная холодная пустота. Гипотеза о богатом любителе старины растаяла, как мороженое на горячем асфальте.

Белоголовый вытер меч о рубаху убитого, оглядел придиричиво сапоги: не брызнуло ли? Кивнул удовлетворенно – чистые! – и отправил меч обратно за спину, в ножны.

Вислоусый обратил внимание на Духарева.

– Кто таков? – спросил он.

Сереге расправил плечи. Шире, чем у него, здесь плеч не было.

– На работу возьмешь? – спросил он. «Запорожец» нахмурил брови, не понял.

– Драться за тебя хочу, – пояснил Духарев. – Как эти. – Он кивнул на мужиков с оружием.

– В грядни? – Вислоусый нахмурился еще больше. – А где ж зброя твоя?

– Нет у меня зброи! – нагло заявил Сереге. – Без нее возьмешь?

Как ни странно, его дерзость «запорожцу» понравилась.

– Ничего, – помягчел он. – Всяко бывает. Ладно... Мороз!

– Чего, Скольд? – спросил белоголовый.

– Проверь молодца.

Белоголовый пригладил бесцветные усики, усмехнулся, поискал глазами, нашел какой-то шест, легко переломил пополам, одну половинку бросил Сереге, своей помахал в воздухе:

– Давай, братко!

Давай так давай. Духарев махнул обломком, целя белоголовому по ногам...

Оп-па!

Жердина как-то непонятно вырвалась из рук, а белоголовый, оказавшись рядом, больно ткнул Серегу палкой в живот. Духарев разъярился и пробил белоголовому между глаз, однако тот, ловкач, ухитрился нырнуть... и тут-то его ждало духаревское колено! Зубы белоголового звонко ляснули, но в следующее мгновение Серега оторвался от земли, полетел через голову белоголового и грянулся оземь всеми своими килограммами. Нет, упал он грамотно, только руку немного ушиб. Тут же вскочил на ноги, перекатом... И услышал, как гогочут парни. Над ним, кстати, гогочут. Белоголовый, ухмыляясь, встряхнул палкой и изобразил, будто меч в ножны вкладывает. Остальные заржали еще громче. Обидно, однако.

– Нет, паря, – сказал с усмешкой «запорожец» Скольд. – Не возьму я тя в гридни. Иди-ка ты лучше к скоморохам, на торгу народ веселить.

Повернулся и пошел в особнячок. Остальные – за ним.

Останки казненного уже куда-то уволокли. Как и голову. Скособоченный дедок посыпал кровавую лужу песочком, а красный песок лопаткой собирал в корзину.

Серега Духарев вздохнул, повернулся и вышел вон. Спасибо, хоть голову на плечах оставили!

Глава четвертая, в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз

Поскольку идти было некуда и в желудке бурчало, опечаленный Серега отправился на рынок. Из местной валюты у него имелся «сувенирный» грошик. Да еще несколько российских рублей мелочью завалилось в карманах. Может, какой-нибудь местный валютчик... Нет, вряд ли.

«Хорошо хоть лето, – подумал Духарев. – Тепло».

И едва не вступил в теплую навозную кучу. Выругался. Проходившая мимо женщина звонко рассмеялась. Духарев глянул на нее мрачно, и она засмеялась еще громче. Крепкая бабенка, щеки – как яблоки, грудь... хм-м... в общем, не маленькая. Тут Духарев вспомнил, как срубили голову мужику, и быстренько отвернулся. Может, за разглядывание чужих женщин тоже полагается что-то нехорошее?

Рынок был самый натуральный. Местный народец торговал всякой всячиной. Жратвой, барахлом, живностью.

Серега двинул между рядов. Торгаши им особо не интересовались. Он уже понял, что по местным понятиям вид у него не шибко крутой. Безденежный вид, одним словом.

– Молодец добрый, красивый, скушай калачик!

Тетка, поперек себя шире, в высокой, обшитой бисером шапке и металлических висюльках на непомерной груди, протягивала ему витую булку.

Сереге сглотнул слюну. Угощение сердобольных попутчиков уже давно переварилось.

– Сколько? – спросил он.

– Грошик, молодец! Ах какой калачик! Нынче они мне особо удались!

Сереге порылся в кармане, нашарил российский рупь:

– Пойдет?

Тетка оглядела монету.

– Это где ж такие красивые чеканят? – удивилась она. – Конечно, сгодится, молодец! Кушай на здоровье! – Тетка сунула Сереге калач и потопала вперевалочку, но быстро-быстро.

– «Переплатил», – подумал Сереге и вгрызся в булку.

Булка оказалась пресноватой, хотя вполне съедобной. На вид и запах лучше, чем на вкус.

Сереге брел между рядами, приглядываясь. Торговали тряпьем, довольно тусклым, какими-то железками. А вот кожа была хороша! И меха. Похоже, сплошь натуральные. В холщовых мешках возились поросята. Мемекала привязанная к колышку коза.

Целый ряд занимали торговцы овощами. Капуста, репка, морковь.

«А картоха где?» – подумал Сереге.

Может, неурожай у них тут? Сомнительно.

Морды у всех – что у торгашей, что у покупателей – как на подбор: гладкие, румяные, народ почти сплошь блондинистый. И ни одной «кавказской» физиономии.

«Куда ж я все-таки попал?» – опять вылезла загнанная было в подкорку мысль.

«Цыть!» – прикрикнул на нее Серега, и мысль убралась обратно в подсознание.

– А ну кто смелый да не боязливый! – раздался звонкий крик. – А ну кто – попытать силушку богатырскую!

Серега обернулся на голос, подошел поближе.

На свободном месте образовался кружок из любопытствующих аборигенов.

Посреди кружка топтался босой детина в серой подпоясанной шнуром рубаше с засученными рукавами. Чуть подальше стояла палатка, а у палатки колотил в бубен тощий парнишка. Он и кричал.

Детина топтался в пыли, тряс связанными в хвост волосами, густой бородищей, охлопывал себя по бедрам. Шея детины наводила на мысль об африканских буйволах. Толстая и грязная.

– Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – надрывался тощий парнишка. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Серега присмотрелся к «силачку». Детина был примерно его веса, чуток попрземистей. Зато лапы – как совковые ло-

паты.

Местный народец обступил борцовский пятак, но Серега, с высоты своего роста, мог без проблем ози­раться окрестности. Среди зрителей обнаружилось несколько вполне привлекательных девичьих мордашек. Особенно одна Духареву приглянулась: черненькая, шейка тоненькая, глазенки – как спелые турецкие сливы. Э­такий темный ирис среди местных пышных георгинов.

Зазывала опять разразился воплями. Голос у него был зычный и довольно противный.

Еще утром Серега, из лихости, может, и вылез бы на пятак, похвалился удалью. Но здешние крутые ребята успели научить его скромности. Если этот бычара окажется так же ловок, как белоголовый Мороз, Духареву опять придется жрать пыль. По новой опозориться не хотелось. Тем более на виду у черноглазки.

Между тем на утоптан­ный пятак выбрался соискатель, крепкий мужик в черной рубахе. Отстегнул пояс с ножом, стащил сапоги, закатал рукава, плюнул на ладони...

Сошлись. Без особой ловкости: сгребли друг дружку, потискали, детина изловчился, напрягся, сдавил противника, хакнул и шваркнул оземь. Мужик в черной рубахе плюхнулся всей спиной, как опрокинутая тумбочка, но поднялся сам, кряхтя, застегнул пояс, забрал сапоги и свалил. Застеснялся, должно быть.

Победитель, бахвалясь, напрягал мускулы, тряс волосаты-

ми кулачищами.

Сергея с удовольствием разглядывал черноволосую малышку и подумывал – как бы это поделикатней с ней познакомиться.

Зазывале надоело драть глотку. Теперь он просто выстукивал марш на доньшке призового котелка и обменивался репликами с публикой.

Минут через десять появился еще претендент на призовую фонд. Помоложе. Прodelал ту же операцию: скинул ремень, сапоги, поплевал на ладошки. Но сгрести себя не дал, увернулся и смачно треснул Сычка по роже. Тот в долгу не остался, размахнулся и вlepил парню кулачищем в грудь. Парень охнул, но не умер и даже не упал, а с молодецким возгласом заехал детине по уху. Сычок даже не качнулся, только ухо порозовело. Кулачищем размером с боксерскую перчатку звезданул претендента в лоб, и на этом поединок практически закончился. Претендент «поплыл», Сычок спал противника за грудки, поднял и шваркнул оземь в уже виденной Духаревым манере.

Два-ноль.

Могуч, спору нет. Но в общем-то ничего особенного. Хорошо держит удар, кое-какие навыки уличной драки, но движется абсолютно неграмотно, атакует бесхитростно, как молодой бычок.

«А! – залихватски подумал Духарев. – Была не была!»

Поймал взгляд черноглазки, подмигнул и полез в круг.

Зрители одобрительно заворчали.

Ремень Серега снимать не стал. Чтоб джинсы не потерять.

Просто разулся, прошелся по теплой земле.

Сычок глядел на него с любопытством.

– Ну, давай! – кивнул ему Серега. – Поехали!

Тот медлить не стал, сразу полез хватать. Серега смахнул его руки, зашел сзади, врезал пяткой под колено. Дитина тут же плюхнулся на задницу.

«Ну это же совсем другое дело!» – подумал Духарев.

Дитина встал. Он был удивлен. Снова попытался сграбастать Духарева. Тот перехватил руку и швырнул местного удальца через бедро. Тут же отметил, что упал его соперник совсем не так, как давешние кандидаты в чемпионы. Не мерзлой тушкой, а грамотно, упруго.

Третий заход. Противник применил хитрость, сделал вид, что собирается схватить, а сам левой рукой попытался захватить Духареву по роже. Счас! Разбежался! Из-под такого замаха Серега ползком уйти успеет! Нырок – и очень конкретный прямой в челюсть. Ай, молодец!

Дитина принял удар с крестьянской простотой, но устоял. Правда, глазки затуманились.

Серега гуманно дал противнику чуток отдышаться, а когда тот отвел кулачище в могучем замахе, Духарев пробил серией: в нос, в солнечное сплетение и в челюсть. Иппон! Дитина закатил глазки и рухнул.

Кто-то из зрителей одобрительно вякнул, но большинство

– молчали.

«Что-то не так?» – насторожился Духарев, наткнулся взглядом на знакомую рожу: один из тех стражников, что приволокли мужика.

Вояка поймал Серегин взгляд, усмехнулся, повернулся и пошел прочь.

У Духарева отлегло от сердца.

Детина завозился на земле, встал. Из носа его текла кровь.

Серега вспомнил про приз и подошел к тощему пареньку.

– Котел оставь себе, – сказал он. – А деньги я возьму.

– Обойдешься! – сердито буркнул парень. – Денежки в откуп пойдут.

– Какой еще откуп? – удивился и рассердился Духарев.

Детина подошел, встал рядом. На Духарева он глядел с интересом бультерьера, обнаружившего новую разновидность кошки.

– За кровь! – отрезал парнишка и показал на разбитый нос детины.

– Ну ни хрена себе! – рывкнул Серега, чуя, что его кидают.

Кидалова Серега не любил. Очень не любил! Просто зверел сразу...

– Ну-ка, гони бабки, козел! – гаркнул он. – Живо! Пока башку не оторвал!

Детина шумно вздохнул. Паренек сунул руку за пазуху...

Беньк! Что-то хряснуло по многострадальной духаревской головушке, и Серега выпал в осадок.

Глава пятая,
***в которой говорится о местных
законах, судопроизводстве, правах
граждан и бесправии всех остальных***

Свет сочился из щелястой стены. В свете плясали пылинки. Серега лежал на чем-то твердом, и мягкая ручка ласково ворошила его волосы.

– Б-блин!

Ничего себе – ласково! Больно, однако!

– Терпи, молодец, терпи! Попечет – перестанет! – проговорил нежный голосок. – И головой не верти, мешаешь.

Серега скосил глаза. Она. Та самая. Черноглазая.

– Привет, – сказал Духарев. – Меня Серегой зовут.

Немножко иначе он представлял себе их знакомство.

– Лежи тихо, Серегой, – попросила девушка.

– Лежи, не дергайся, – вступил мальчишеский ломкий тенор. – Ранка пустяшная. пожалел тебя Чифаня.

– Угу, – буркнул Духарев. – Я б его тоже пожалел. Раз три по почкам.

– Все, – сказала девушка, и Серега сел. Потрогал голову. На макушке – липкая тряпочка. Серега понюхал испачканные пальцы.

– Это что?

– Мед, – ответила девушка.

Или девочка.

Такая лапушка! Шейка нежная, пальчики тонкие, ресницы – веера, кожа бархатная, губки... Нет слов!

Под его взглядом девочка смутилась, отчего понравилась Духареву еще больше.

Сергея огляделся. Так себе сарайчик. Пол земляной, присыпанный сеном, на веревках – пучки трав. Духарев снова посмотрел на девушку, решил: ей лет шестнадцать, не больше. А пацан – еще моложе. Нахальный такой пацан, вихрастый, в веснушках. Волосы цвета соломы, еще светлей, чем у Духарева, на девушку абсолютно не похож.

– Спасибо, милая, за заботу! – поблагодарил Сергей. – Как тебя, красавица, зовут?

Девушка еще больше смутилась.

– Сладислава.

Пацан хихикнул.

– Сладой ее кличут, – сообщил он и снова хихикнул. – А меня – Мышом. А ты, значит, Серегой?

– Сергей! – Духарев подчеркнул ударение на последнем слогe.

– Ну, я и говорю, Серегей, – кивнул пацан. – А сестренку мою не дразни. Она хорошая.

Духарев не очень понял, что мальчишка имеет в виду, но спорить не стал.

– Говоришь, пожалел меня твой Чифаня? Вместо денег по

башке саданул! Чем это он, кстати?

– Да вот этим же! – Парнишка извлек местное оружие.

Духарев пригляделся. Нехитрая штука. Шар сантиметров пяти в диаметре с грубой железной петлей. Сквозь петлю продет ремешок. Просто, но эффективно.

– Чего уставился? Битки не видел?

– Представь, не видел! – заявил Духарев.

– И откуда ж ты такой дурной взялся? – вздохнул мальчишка. – Битки не видел, ножик твой... токо рыбу чистить.

– Дался вам мой ножик! – сердито буркнул Духарев. – А взялся я оттуда же, откуда все, понял? А Чифаню твоего я еще поймаю.

– А чего его ловить? – удивился пацан. – Он завсегда здесь, на торжке. Токо ты с ним лучше не ссорься. Он тебе худого не сделал.

– Да ну?

– А че? Откуп за кровь взять – его право. Да и плата – малая. Скольд мог и больше присудить. А стукнул тебя – тоже по праву. Тихонько, чтоб не зашибить. А мог бы и до смерти. Ты ж, как я вижу, одинец. Родичей нет, головничество спрашивать некому. Был бы ты княжий человек, тутошний свободный или хотя холоп чей, Скольд бы за тебя виру князю назначил. А ты – чужой. Так выходит – пришиб бы тя Чифаня – и остался по Правде чист!

– Хорошая у вас правда! – усмехнулся Духарев.

– Хорошая, – кивнул пацан.

– А если бы, скажем, я его убил?

– Платил бы виру и головное, до двадцати гривен серебра – сколько посадник скажет. Или князь, если по случаю заедет. Но лучше б тебе не платить, а сразу из городка бежать. У Чифани родня сильная, кожемяки. – Мальчишка покачал головой. – Прибьют. А отобьешься – опять платить.

– А им, значит, можно?

– А им – чего? Они твою кровь за кровь родича невозбранно брать могут. В своем праве.

– А если у меня денег нет?

– Продадут в холопы. Или в яму – пока не заплатишь.

– М-да, – только и мог сказать Серега.

Закончики здесь еще те!

– Ты – чужак безродный, так? – развивал тему пацан.

– Выходит, что так, – согласился Духарев.

– Не купец, не воин, не ведун, не волох... – перечислял парнишка.

– Нет.

– Значит, ты никто, Серегей, и звать тя никак. И цена тебе – грошик дырявый.

– Зачем тогда подобрали меня? – желчно осведомился Духарев.

– Да вот она попросила, – пацан кивнул на сестру. – Не то на что ты нам сдался?

– Глупый ты! – сердито бросила девушка. – Не чужой он нам! Я это еще на Торжке поняла. Сердцем. А теперь точно

знаю, что брат он нам. И не болтай!

Теперь настала Серегина очередь удивляться.

– И откуда же ты это знаешь? – спросил он, улыбаясь ласково.

Вместо ответа девушка сунула руку под вырез рубашки и вытянула маленький крестик на тонкой золотой цепочке. И вихрастый Мыш тоже полез за пазуху и вытащил такой же желтый крестик.

Сергея открыл рот... и закрыл. Как бы чего сдуру не ляпнуть!

– Ты наш брат во Христе, – торжественно произнесла девушка. – Господь же велел братьям в беде помогать!

И добавила что-то по-гречески. Что по-гречески, Духарев догадался только потому, что прошлым летом провел пару приятных недель на греческом побережье.

– Матушка наша во младенчестве крещена, и батюшка наш крещеный... – девушка вздохнула, – был. И нас крестил. Еще в Доростоле.

Глава шестая, *в которой Серега Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом*

– Батька наш – из болгар, а мамка наша родами померла, – сообщил Мыш.

– Он ее не помнит, – сказала Слада. – Маленький был.

А теперь вот мы и вовсе вдвоем, и иной родни у нас нет. И братьев-христиан здесь тоже нет. Только в Киеве.

– Той зимой варяг с князем приезжал. На полюдьё, – сказал Мыш. – Тож христианской веры. Но ты – не варяг. И не нурман. Слышь, Серегей, а давай мы с тобой побратаемся? – Пацан необычайно оживился. – Тебя ж так и так убьют...

– Это почему же? – возмутился Духарев.

– Да обычаю не знаешь! – отмахнулся Мыш. – И бестолковый. Тебе без разницы, а мне за тя виру дадут!

– Так сестра твоя говорит: мы и так братья.

– Не-е! Это мы по-христиански – братья. А по Правде – чужие. Ну, побратаемся? Я с Чифаней погутарю – он видаком будет и Сычку скажет. Сычок, коэшно, дурень, да глаза и у него есть. По рукам?

Духарев усмехнулся:

– По рукам. Беги за своим Чифаней.

– Прямо сразу? – удивился пацан. – А и верно! Чего нам тянуть? Вдруг тя седни и убьют! – И пулей вылетел на улицу.

– Шальной, – улыбнулась Слада. – А ты, Серегей, правильно решил. Мыш – он хороший. И слову верный, хоть и малец еще.

– А может, я не из-за него, а из-за тебя? – улыбнулся Духарев. – Может, я такой красивой девушки, как ты, еще не встречал?

Ресницы Слады вдруг задрожали.

– Не дразни меня, Серегей, – проговорила она отвернув-

шись. – Нехорошо это. Стыдно тебе!

«А что я такого сказал? – изумился Духарев. – Может, по здешним правилам девушек хвалить нельзя?»

Следующие полчаса прошли в грустном молчании.

От нечего делать Духарев разглядывал сарайчик. Ничего особенного, если не считать отсутствия железных деталей. Гвозди, штырьки, крючки – все сплошь деревянное. Рядом, прислоненное к стене, стояло какое-то приспособление, вроде доски с «сережками» на изогнутой ручке, «хвост» которой был отломан. На доске с большим тщанием были вырезаны фигурки: всадник, странное животное вроде верблюда, но с человеческой головой, башенка... Целая картинка, одним словом.

– Это чего? – поинтересовался Серега.

– Прялка, – с удивлением ответила Слада. Поглядела на Духарева, который вертел «прялку», пытаюсь сообразить, как это можно использовать. – Сломанная.

В сарайчик вихрем ворвался Мыш.

– Договорился! – крикнул он. – Пошли! – И, ухватив Серегу за рукав, потянул наружу.

Сарайчик располагался на краю рынка. В ряду таких же скромных строений.

За дверью ждал тощий парень, съездивший Духарева по чайнику. Над парнем нависал переминавшийся с ноги на ногу квадратный грабастый Сычок.

Солнце уже висело над самыми верхушками деревьев по

ту сторону реки. Вечер. Рынок опустел.

– Двинулись! – нетерпеливо потребовал Мыш и чуть ли не бегом устремился вниз по деревянному тротуару.

Духарев вопросительно взглянул на Чифаню.

– Мы на тебя обиды не держим, – сказал тот. – Не бойся.

«Однако!» – подумал Духарев, но спорить не стал, двинулся за Мышом. Чифаня не отставал. Замыкал шествие Сычок, под ногами которого доски тротуара жалобно поскрипывали. Нет, ошибся Серега, этот здоровяк его килограммов на пятнадцать потяжелей будет.

Компания вышла из городка через уже знакомые Духареву ворота. Сейчас при них сидел уже другой сторож: бородатый улыбочивый дядя лет сорока. Сторож поздоровался с Чифаней и Сычком, видно, не прочь был поболтать, но Чифаня отмахнулся: мол, спешим.

Шли не очень долго. Сначала – мимо зеленеющих полей, потом – лесом, на горку. Поднялись по утоптанной тропинке, затем по каменистому склону, вдоль ручейка – до плоского камня с загадочными значками. Из-под камня выбивался родник, который наполнял выложенную камешками ямку. Над ямкой толклись мошки. Вода, вытекавшая из ямки, и давала начало ручью.

Серегини спутники остановились. Зачерпнули ладонями воду, выпили. Серега – тоже. Вода пахивала сероводородом, но пить можно.

Поднялись повыше. На взгорке, широко раскинув круче-

ные ветви, стоял дуб. Вокруг дуба имелась невысокая ограда из черных камней, а внутри, сбоку от могучего ствола, – врытый в землю столб с грубо вырезанной мордой. Рот истукана был в темно-коричневых потеках.

Мышь остановился. На веснушчатой физиономии – невероятная торжественность. Вынул из-за пазухи деревянную посудину типа миски. Ручки у посуды были резные – повернутые друг к другу лосиные головы, сделанные, надо отметить, с большим искусством. Мышь вручил посудину Сычку. Тот соскочил с обрывчика, зачерпнул воды, ловко, как обезьяна, вскарабкался обратно и поставил чашку на землю.

Чифаня извлек здоровенный тесак, передал Мышу.

Тот засучил рукав.

– На! – он протянул тесак Сереге.

Духарев, сообразив, аккуратно чиркнул по тощему предплечью мальчишки, тоже засучил рукав и передал нож. Через несколько секунд вода в чашке замутилась от смешавшейся крови.

Мышь поднял чашу, сделал глоток, протянул Духареву. Тот тоже отпил. Делов-то, еще и не такое пивали. Мышь выплеснул остаток на утопанную землю. Жидкость моментально впиталась в песчаную почву.

Серега бросил взгляд на Чифаню... и неожиданно осознал, что это совсем не детская игра, а нечто действительно важное. И что этот малец, с которым он познакомился час назад, чья белобрысая макушка не дотягивает до Серегиного

плеча, в глазах вполне взрослых Чифани и Сычка *действительно* стал Серегиным братом.

Повинуясь наитию, Духарев расстегнул рубашку, стянул через голову золотую цепочку и протянул пацану.

Тот на миг замешкался, потом сообразил, снял собственный крест и передал Сереге. Затем потянулся к нему, а когда Духарев наклонился, пацан обнял его и прошептал ему на ухо:

– Имя мне – Момчил.

– А мое – Дух.

Ничего лучше собственной кликухи Сереге в голову не пришло.

Духарев разомкнул объятия, поглядел на пацаненка и понял, что ему хорошо. Братьев у него раньше не было. И не думал, что когда-нибудь будут.

– Славно! – громко и торжественно произнес Чифаня.

Духарев ощутил, что отношение парня к нему тоже изменилось. Потеплело.

– Славно! – пробасил Сычок. – Айда мед пить!

Глава седьмая, *где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство*

Парусиновый навес над головами. Толстые чурбаки вместо стульев. Вместо столов – еще более толстые чурбаки, на

которые уложены широченные доски. Степенные мужики с деревянными кружками глянули на вновь пришедших, кто-то поздоровался. Сереге обстановка сразу напомнила знакомый пивняк в Питере.

«Интересно, какое здесь пиво? – подумал Духарев. – И где представительницы прекрасного пола? Или у них – как в Азии?»

– Садись, – сказал Мыш. – Я сейчас.

Серега опустил на чурбак. Рядом плюхнулся Сычок. Чифаня отошел к другой компании.

Серега приглядывался к местным жителям. Внешность у аборигенов разнообразием не отличалась: коренастые, волосатые, скуластые. Правда, у одних – патлы до плеч, а другие, например, трое мужиков в обшитых бляхами куртках, стрижены покороче, скобкой. Но бородаты все поголовно.

Серега потрогал подбородок: щетинка еще только пробивалась. Его бритая морда в здешнюю моду явно не вписывается.

Вернулся Мыш, приволок бурдюк литров на шесть и четыре кружки, вырезанные каждая из цельного куска дерева. Ручки у кружек, изукрашенные по здешнему обычаю резьбой – переплетающимися змейками.

Мыш наполнил кружки, позвал Чифаню. Сычок алчно облапил свою кружку, но не пил, ждал, преданно глядя на Чифаню.

– За вас, братья! – строго сказал Чифаня, плеснул чуток

на земляной пол, после чего с достоинством выпил.

Остальные медлить не стали. Сычок, как и Чифаня, тоже плеснул на землю, а Мыш – нет. И Серега – не стал.

«Надо будет спросить, что за обычай такой», – подумал он.

Это было не пиво. Сладковатое пойло, пряное от трав, слабенькое, как джин-тоник.

– Чифаня, я кушать хочу! – заявил Сычок, теребя рыжеватую бороду.

Чифаня вытащил кожаный мешочек, вытряс на стол содержимое: кусочки светлого металла, вероятно, серебра, монетки разные, даже парочка золотых. Чифаня выбрал из серебряных кусочков самый маленький, дал Сычку:

– Отдай Белке. Пусть накидает каши, сколько не жалко.

Кашу Сычок притащил в большущем котелке, литров на пять. У Сереги немедленно забурчало в животе. Трое его приятелей достали ложки... У Духарева ложки, ясное дело, не было.

– Удивительный ты человек, Серегей, – вздохнул Чифаня. – Даже ложки у ты нет.

– Я ему вырежу, – с готовностью заявил Мыш. – А пока моей поест.

Чифаня пожал плечами и зачерпнул кашу.

Каша напоминала перловку. Соли маловато, зато много сала. В первый раз за сегодняшний день Серега наелся от пуза.

Стемнело. На дворе кто-то разжег костер. Налетели комары. Никто, кроме Духарева, не обращал на них внимания. Бурдюк опустел, и Чифаня отправил Сычка за новой порцией.

Чифаня и Мыш обсуждали какого-то Шубку. Шубка этот зимой намеревался идти на некие Черные Мхи. Охотиться, как понял Духарев. Чифаня думал пойти с ним, но опасался. Все знают: два года тому на Черных Мхах лесная нечисть побила охотничью ватажку. Мыш же утверждал, что побила ватажников не нечисть, а лихие людишки. Мехов, добытых в зимнике, не нашли, а нечисти меха – без надобности. Она сама мохнатая.

Чифаня возражал: Мыш по-людски рассуждает, а нелюдь потому и нелюдь, что понять ее невозможно.

О нелюди и нечисти друзья говорили так, как Серегины питерские кореша под водочку толковали, скажем, об американцах. Дескать, по-русски не понимают, потому хрен поймешь, чего им надо. Одно ясно – ничего хорошего не жди.

Под навесом появилась новая компания. Человек десять, и тоже одни мужики. Возглавлял ее рослый, немного огруженный мужчина со шрамом на лбу, коротко стриженными волосами и лопатообразной бородой. На поясе у него красовался не нож, как у большинства здешних, а настоящий меч с самоцветом на оголовье. Золотая цепь на шее в полкило весом, золотые браслеты. Местная крутизна, одним словом. Остальные перед ним явно лебезили. В одном из этих, лебе-

зых, Серега опознал знакомого – Голомяту. Голомята тоже узнал Духарева, помахал рукой.

Новая компания заняла целый стол, а через некоторое время от нее отделился парнишка, подошел к Духареву:

– Слышь, чужак, тебя Горазд зовет.

Серега вопросительно поглядел на Мыша, а тот в свою очередь – на Чифаню. Чифаня же пожал тощими плечами; мол, иди или не иди – дело твое.

Духарев решил подойти. Хоть позвали его, мягко говоря, неуважительно, но Голомята обошелся с Духаревым по-человечески. Нехорошо после этого его хозяину отказывать.

Сергей остановился в паре шагов от стола, который был явно побогаче, чем тот, за которым он сидел. И блюдами, и напитками.

Горазд – густая борода, челка с проседью, плечи минимум на пятьдесят четвертый размер – повернулся к Духареву, но не поднялся, остался сидеть, упершись ладонями в широко расставленные колени. Шаровары у Горазда, похоже, были из натурального шелка, красные, того же цвета, что и камень в оголовье положенного на лавку меча. Золотая цепь грузно свисала с купцовой шеи. Мощная цепка – машину буксировать можно.

– Сам откуда? – спросил купец.

Голос – бас. Сочный, глубокий.

– Издалека, – уклончиво ответил Духарев.

Лицо у Горазда – жесткое, глаза темно-серые, цвета ап-

рельской Невы. Серега мог их хорошо разглядеть, потому что посреди стола горела толстая белая свеча.

Купец молчал, и тусовка его тоже. Духарев чувствовал: для Горазда он – вещь. Сейчас вещь оценят и либо купят, либо отпихнут пинком, как перестоялый гриб. И все же была в купце некая привлекательность. Харизма. Серега осознал, что ходить под началом такого сильного человека ему было бы лестно.

– Что, побил тебя Скольдов оплечник? – произнес купец.

Духарев счел за лучшее промолчать.

– То-то, – удовлетворился его молчанием купец. – Служить ко мне пойдешь?

– А что делать? – спросил Духарев.

– Да все! – весело отвечал Горазд. – Что скажу – делать. Ты тута чужой, чего нам с тобой рядиться? Иди по-хорошему, зря обижать не стану. Не такой я хозяин! Хоть у кого спроси!

– Да, да! – оживились его шестерки. – Горазд – хорош! Горазд – добрый хозяин! Горазд...

– Без ряду не ходи! – пискнул появившийся сбоку Мыш.

– Кыш, землеройка! – добродушно проговорил Горазд.

– Не иди к нему в холопы, Серегей! – звонко крикнул Мыш. – Не иди!

– Да я в холопы и не собираюсь! – Духарев даже удивился. – Разве он меня в холопы зовет?

– А куда ж еще! – возмутился Мыш. – Служить без ряду – значит, в полные холопы! А-а-а! Да ты ж наших законов

не разумеешь!

– Ну-ка уберите этого пискуна, – распорядился Горазд. – Да надавайте по шеям, чтоб в большой разговор не лез.

Однако команду купца его подручным выполнить не удалось. Духарев перехватил двоих сунувшихся, бить не стал, одного оттолкнул так, что тот впился спиной в столб, второму захватил кисть на болевой.

– Уй-уй-уй! – завопил подручный, и на выручку ему сунулись сразу четверо.

– Ша! – рыкнул Горазд, и купцовы люди остановились, а тот, кому Духарев руку выкрутил, перестал орать, только морщился.

– Отпусти его, – приказал купец, и Духарев подчинился.

– Много себе позволяешь, чужак, – проворчал Горазд. – Захочу – так тебя возьму.

– Не возьмешь! – запальчиво выкрикнул Мыш. – Он брат мне!

– Не свисти! – усмехнулся Горазд. – Голомята! Чужак те че о брате говорил?

– Не-а! – потряс лохматой бородой Голомята.

– Не брат!

Это сказал подошедший Чифаня.

«Предатель!» – подумал Духарев, но поторопился с выводами.

– Не родный брат, побратим! – продолжал Чифаня. – Я тому видок! Мыш по отчине – из княжских людей, вольный.

И Серегея ты под себя взять не сможешь, коли он против. А не то – пусть Скольд рассудит!

– Во! Пусть Скольд! – поддержал Чифаню Сычок. И встал рядом с Духаревым. За их спинами маленький Мыш совсем потерялся.

– Обойдемся без Скольда, – буркнул купец.

Серега видел: Горазд раздосадован. И еще он видел, что народ в «закусочной» притих: все внимательно слушают их спор. Купец глянул из-под насупленных бровей, потом скосил глаза на лежащий на лавке меч.

«Схватит – я ему врежу! – подумал Духарев. – И будь что будет!»

Горазд меч не тронул.

– Ладно, – проворчал он. – Припомнится.

Мыш потянул Серегу за рукав: пошли.

Духарев зуб дал бы: не будь вокруг других людей, Горазд так просто не сдался бы. Показал бы силу.

– Нехорошо вышло, – сказал Чифаня, когда они вернулись за свой стол. – Горазд на обиду памятливей.

– Да чего он тебе сделает! – запальчиво крикнул Мыш.

– Мне – ничего. А вам с Серегеем – может. Пошли спать, что ли?

Глава восьмая, в которой Серега Духарев размышляет о мистическом

В соломе шуршало, в стенах скреблось и поскрипывало. Зудели комары. Снаружи, где-то на реке, орали лягушки. Ночь. Летняя ночь. Обычная летняя ночь. Только вот Серега отчетливо помнил, что его предыдущая ночь была зимней. И мелкий снег вихрился перед лобовым стеклом, неприятно снижая видимость. И никаких комаров.

Серега загадал: «Вот сейчас мигну – и снова окажусь в салоне Вовчиковой тачки!»

Не получилось. Все та же темная избенка, комары и лягушки. Спит на лавке, завернувшись в холстину, славная девочка Слада. Посапывает на соломенном тюфяке Мыш. А Сереге не спится, хотя день у него был длинный-предлинный и запутанный, как чужой сон. Ну, уже не совсем чужой. И точно не сон.

«А может, лежу я сейчас в дурдоме на коечке...» – мечтательно подумал он.

Был у Сереги школьный кореш, тоже Серега, и прикалывался на всякой мистике. И гнал всякие телеги типа, что все, что мы видим, – лабуда и дым. К примеру, идет навстречу девчужка на каблучках, с загорелым животиком, а вовсе это не животик, да и не девчужка, а просто *ничто*, на которое

навесили ярлычок: клевая девочка. И по этому ярлычку ты собираешь всю картинку. А как это все на самом деле, видят только грудные младенцы. Потому что их еще не приучили «собирать картинки». И ежели этот «способ сборки» помечать, то вполне окажется, что не город вокруг, а красная пустыня, а ты не двуногое прямоходящее и пивопьющее, а какой-нибудь хвостатый ящер о шести головах.

По молодости Серега эти темы слушал с интересом. Не то чтобы верил, но... любопытно. Но экспериментировать не тянуло. И правильно. Вон тезка экспериментировал – и доигрался. То ли кислоты пережрал, то ли грибочков, но шифер у него съехал капитально, вторая группа инвалидности. Тем не менее в идеи одноклассника духаревская тема укладывалась. А возможен был и совсем простой вариант: никакой такой «прежней жизни» у Сереги не было, а просто здешние молодцы дали ему крепко по башке, и память у Духарева отшибло, да и навеялось ему, что жил он когда-то в Питере, учился в универе, бегал на лыжах... Или, к примеру, вселился в Духарева нехороший бес... В общем, идей было много, но все – «кислотные».

«Буду-ка я лучше спать», – сказал себе Серега.

И уснул.

Глава девятая, в которой не происходит ничего существенного

Проснулся Серега оттого, что Мыш пощекотал ему пятку.

– Ну здоров ты спать! – заявил названный брат. – Солнышко

уж без малого на самую маковку забралось.

Серега сел, пощупал затылок; нормалек. Почти не больно.

И тут же дернулся: прямо по его ноге ползла змея!

Тьфу ты, пропасть! Обычный уж!

Серега смахнул его на пол.

– Эй, ты что! Не обижай! – сердито проговорил Мыш.

Подхватил ужа и отнес к миске с молоком. Как кошку.

– А Слада где? – спросил Духарев.

– Да в лавке, где ж ей быть, – пожал плечами Мыш и похвастался: – А я по рыбку ходил. Во! – Паренек махнул связкой окуньков и лещей. – Будет на жаренку!

– А искупаться в вашей речке можно? – осторожно спросил Духарев.

– Да почему ж нельзя? – удивился Мыш. – Пошли!

В воде отражались синее небо и зеленая листва. Мыш быстренько скинул с себя все, кувыркнулся в траве, вызвав переполох в племени кузнечиков, вскочил...

– Ух ты! – воскликнул он, восхищенно взирая на Духарева.

Сергея решил было, что причина восторга – его атлетическая фигура, но оказалось, что фигура ни при чем. Предмет, потрясший воображение названного брата, – Серегины ярко-алые трусы-плавки с вышитым орлом на кармашке.

Мыш с огромным уважением пощупал тонкую ткань.

– Это кто ж те спрял такое? – поинтересовался он.

– Да я откуда знаю? – ответил Духарев. – В фришопе купил. Здесь глубоко? – Он кивнул на текущую двумя метрами ниже воду.

Вместо ответа Мыш разбежался и сиганул вниз.

– Давай! – заорал он снизу.

Сергея отошел на пяток шагов, разогнался, взметнулся вверх ласточкой, описал идеальную дугу и чисто, как нож, вошел в теплую воду. Песчаное дно ударило по подставленным рукам, течение мягко потянуло за собой. Сергей вынырнул и пошел поперек струи мощным кролем, наслаждаясь собственной силой, скользкой вдоль кожи водой и тем, что Мыш наверняка глазеет на него и, очень может быть, восхищается им самим, а не турецкими плавками.

Оказалось, что наблюдает за ним не только названный брат. Когда Сергей достиг противоположного берега, до которого было всего ничего, меньше сотни метров, то обнаружил деревянные мостки, а на мостках – трех аборигенок, занимавшихся постирушками.

Ради Серегиного заплыва они сделали перерыв и глядели теперь с любопытством на его стриженую голову.

Аборигенки были – как куклы барби. Не по внешнему виду, а по сходству между собой: пшеничноволодые, скуластые, веснушчатые и фигуристые. Одна, видимо, побойчее, выпрямилась, не озаботившись, впрочем, освободить подол юбки, завязанный узлом намного выше колен.

– Ай да молодец! – воскликнула она, подбоченясь. – Я б такого потискала в дажьбожью ночь!

Икры у аборигенки были загорелые, а ляжки белые, как молоко.

Сергея приветливо махнул рукой, повернулся и обратно поплыл уже не кролем, а баттерфляем. Что, по его мнению, смотрелось еще круче и при духаревской ширине плеч на противоположный пол действовало, как прямое попадание в БТР: взрыв, огонь и полная гибель. Не то чтобы ему очень хотелось понравиться этим сочным бабенкам: с точки зрения Духарева, Слада была куда симпатичней; но Сергей любил произвести впечатление.

Метрах в двадцати от своего берега Сергей нырнул, а вынырнул уже прямо под Мышом, подхватил мальчишку за ноги и подкинул вверх.

– Ну ты, Серегей, ну ты плавать! – фыркая и отплеываясь, крикнул названный братишка.

Сергея достиг берега и вытянулся на теплом песочке. Мыш плюхнулся рядышком.

– Слышь, Серегей, – спросил он. – А ты, часом, не нурман?

– С чего ты взял? – удивился Духарев.

– У нас так не плавают.

– Как – так?

– Да как ты. Нурманы, рассказывают, у тюленей плавать учатся. Рассказывают, нурман может полный день плыть, да не в такой воде, а в ихнем море. А там вода хол-ло-одна!

– Нет, – покачал головой Серега. – В холодной я не могу.

Он вскочил на ноги и быстро и гибко раскрутился в атакующей связке, тройном развороте с хлесткими ударами рук и ног, а закончил высоким прыжковым «ван-даммовским» уро-маваши, малоэффективным в реальном бою с равным противником, но весьма зрелищным.

– Это у тебя че за танец? – поинтересовался Мыш.

– Это не танец, – слегка обиделся Духарев. – Это боевое искусство!

– Чаво?

– Боевое. Искусство! – Серега ребром ладони срубил древесный сучок.

Но эта демонстрация резкости на Мыша не произвела впечатления.

– В бою зброя нужна, – авторитетно заявил он. – Кулачком шелом не прошибешь.

Духарев спорить не стал. Он знал, что были воины, способные пробить «пустой» рукой и доспех, и грудную клетку. Но Серега, неплохо бившийся и на татами, и на улице, вполне мог перебить противнику ключицу ударом сюто, а вот сру-

бить, как Ояма, рог у быка даже и попробовать не стал бы. Так что в отношении Духарева Мыш был абсолютно прав. Ну и ладно! Танец так танец!

Глава десятая, *где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея*

Прошло три дня. Будучи под неусыпным присмотром Мыша, Серега, полный лох в местных понятиях, тем не менее успешно избегал неприятностей. И знакомился со своей новой средой обитания. Главным образом, с той частью этой среды, где обитал Серегин названный братишка.

Первым делом Духарева ознакомили с «недвижимостью», которой владели его новые родственники: одноэтажной избушкой с примыкающим сарайчиком, хлевом емкостью примерно в полторы коровы и двором шагов десять в поперечнике. В хлеву обитали две козы. Еще в собственности новой Серегинной семьи оказалась лавка на рынке, который у аборигенов именовался Торжком. Кстати, сам поселок тоже именовался Торжком, вернее, Малым Торжком, потому что был еще и Большой – на Двине, немного повыше места, где в нее впадала здешняя речка Сулейка. Имелись у Мыша со Сладой и земельные владения за пределами городка – огород примерно в пять соток.

Возможно, Мыш рассчитывал, что его новоприобретен-

ный братец будет полезен в хозяйственных делах, но тут парнишку ожидало разочарование. Не то чтобы у Духарева руки из задницы росли. Мог он и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара, но только в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным. А уж к земледелию Духарев был абсолютно не годен: ни мотыгой, ни тяпкой не владел совершенно, равно как и не способен был даже отличить сорняк от петрушки. И, соответственно, был абсолютно бесполезен в сборе целебных растений.

Поверить в то, что такой здоровенный облом, как Серега, по жизни ни хрена не умеет, Мышу было трудно, поэтому пацан на время от Духарева отступился, но продолжал размышлять, куда бы приспособить двухсаженного братца, чтобы хоть жрачку свою окупал. Не то чтобы Мышу было жаль кормить брата, но в его белобрысой головке как-то не укладывалось понятие безделья. Духарев тоже размышлял над тем, куда приложить мускулистые руки, но отыскать некавалифицированную работу было непросто. Пару раз Серега помог приезжим купцам перекидать мешки, но профессия грузчика здесь считалась неподобающей для свободного человека и оплачивалась довольно скудно. Свободному человеку полагалось пахать, ремесленничать, торговать или воевать. Ничего из этого списка популярных профессий Духа-

реву не подходило. В ученики же его наверняка никто не взял бы. Хорош ученик – на голову выше мастера!

Основной доход Слады и Мыша проистекал от продажи всяческих лекарственных трав и корней, а также мелких лекарских услуг, оказываемых Сладой населению. Когда умер их отец, Торжок остался без настоящего лекаря. Был знахарь-коновал, лечивший равно людей и скотину, была бабка-повитуха. Зашить рану или вправить сустав, в принципе, мог любой Скольдов гридень. Серьезную медицинскую помощь – вроде лечения трахомы или грыжи – мог оказать какой-нибудь волох, жрец местного бога с тем же именем. Волохи время от времени навещали Торжок. Но в их отсутствие больного приходилось доставлять на Волохово капище, до которого пешком два дня идти.

К Сладе больные обращались не очень охотно. Во-первых, чужая. В Торжке родни нет. Во-вторых, девка. Была бы замужняя да рожалая, доверяли бы больше, – поведал Сереге Мыш.

– Только кто ж ее замуж возьмет, безродную? Была бы еще красива, тогда другое дело. А так... – Мыш разочарованно махнул рукой и еще энергичнее заработал ножом.

Духарев, который почти с восхищением наблюдал, как из липовой чурочки рождается ложка, только головой покачал, в очередной раз услышав о том, что Мыш считает сестру дурнушкой.

Клочок серой тряпки, флажком выющийся на ветру, на-

помнил Духареву одну детскую забаву.

– Мыш, ты змея когда-нибудь пускал?

– Куда? – спросил Мыш.

– В воздух.

– Ах вот ты про какого! – пробормотал парнишка. – Ты, Серегей, это... Ну, мы, ясно, христиане, но про Горюныча лучше не болтай. Накличешь!

Духарев засмеялся:

– Не бойсь, пацан! Сейчас я тебе покажу.

Клок старой тряпки, шесть прутьев, конопляная бечевка. Стянуть, укрепить, выгнуть «спинку», чтоб лучше ловился ветер...

Мыш, не забывая стругать, с любопытством наблюдал.

Готово! В довершение Духарев угольком нарисовал на ткани круглый глаз, сильным движением метнул поделку вверх, дернул бечевку, и змей, трепыхнувшись пару раз, поймал ветер и начал уверенно карабкаться ввысь.

Мыш глядел с открытым ртом. Недоделанная ложка валялась на земле.

Серега свободной рукой хлопнул мальчишку по плечу:

– Держи!

Змей трепетал на ветру метрах в десяти. Духарев еще немножко стравил бечевку.

– Держи, говорю!

Мыш не очень уверенно перехватил поводок... И едва не упустил.

– Ой! – пискнул он. – Чуть не улетел!

– Не улетит, – успокоил Духарев. – Если отпустишь – он свалится.

Мыш дергал бечеву – змей наверху приплясывал, ныряя носом и снова поднимаясь. Мыш даже повизгивал от восторга.

– А как его обратно достать? – крикнул он.

– Сейчас, – Серега перехватил бечеву, выбрал ее, подхватил потерявшую опору игрушку.

– Серегей, слышь, а давай Чифане покажем? – с надеждой предложил Мыш.

– Давай покажем, почему бы и нет?

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами

На рынке текла обычная рыночная жизнь. Серега уже знал, что большая часть продавцов и покупателей – не торжковские. Земледельцы из окрестных огнищ, отвоеванных у леса клочков земли, промысловики. Торговля шла вяло. Мыш ему уже объяснил, что главный торг бывает ранней весной, когда составляются караваны на юг, а речка Сулейка мало что не запружена свежесработанными челнами. Или осенью, после сбора урожая, когда всего много и возвращаются с заморскими товарами широкие купеческие лоды. Хотя,

говорил Мыш, лучшие купцы, те, что ходят «гостями» под княжьей рукой в дальние края, не ждут, когда вскроются реки, а тянутся через болотистые леса, зимниками, к югу, в Киев. Когда князь киевский пойдет торговать булгарам да ромеям собранную зимой дань, «гости» пристроятся к нему. А княжит нынче в Киеве Игорь, сказал Мыш. Но это не такой сильный князь, каким был князь Олег. И Скольд, торжковский наместник, так говорит, хотя по смерти Олега новому князю клятву давал. А Скольд – муж великий, потому что это с ним отец Мыша в Торжок пришел.

За пару дней необычные одежды местного народа Сереге примелькались, и ему уже не казалось, что он – на маскараде. А вот на него люди поглядывали. Не из-за одежды. Одежка у него была – аккурат по меркам здешних нищих. Или рабов-холопов. Всякий тутошний знал, как должно одеваться уважающему себя человеку. По прикиду определяли социальный статус и меру достатка. Мыш уже не раз намекал, что готов раскошелиться на приличную одежду для названного брата. Серега отказывался. Он считал, что не к лицу ему принимать подарки у юной девушки и мальчишки. Тем более что отдариться ему пока нечем. Так и ходил «оборванцем». Правда, когда «оборванец» в сажень ростом да почти полсажени в плечах – его особо не дразнят.

– Ай люд честной! Кто тут молодец удалой! Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – зычно провозгласил Чифаня. – Выходи, не бойсь, силушке мо-

лодецкой удивись!

Сегодня вокруг снова толпился народ. Вчера Сычок с Чифаней оказались вне общественного интереса. Публику сманили два бродячих скомороха. Но попозже скоморохов зазвали в Детинец и так там напоили, что поутру скоморохам не то что плясать – ходить не хотелось.

– А вот кто смелый-небоязливый! Выходи смеряться силой! – гаркнул Чифаня, и тут же какой-то мужичок из пришлых, подбадриваемый зрителями, полез распоясываться да разуваться.

Сычок повозился с ним немного, хотя (Сергея это видел) мог бы скрутить и кинуть на счет раз. Силища у Сычка была невероятная. Но Сычок очень редко боролся в полную силу. Ему Чифаня не разрешал. Во-первых, чтоб не зашиб кого. А во-вторых – не отпугнул возможных соперников.

– Во! – Мыш толкнул Духарева локтем. – Хабар идет!

К ним приближалась компания из полудюжины мужчин. Возглавлял ее средних лет – бородища до пояса – купчина. А среди его людей выделялся пузатый, пудов на восемь, бугай, чья бородища уже была расчесана надвое и аккуратно подвязана. Рожа у пузатого была абсолютно дебильная.

– Древляни! – азартно проговорил Мыш. – Счас в заклад бороться станут!

Это была основа Чифаниного бизнеса. Когда какой-нибудь богачей выставлял своего борца против Сычка.

«Надо бы ему идею тотализатора предложить», – подумал

Духарев.

Сговорились. Древлянин выложил три витые серебряные гривны. Чифаня – столько же по весу, но слитками.

Сошлись...

И Серега мгновенно определил, что Сычку этого кабана не завалить при всей своей немереной силище. Обхватить его Сычок просто не мог; такую, с позволения сказать, талию вдвоем не обнять. Подсечь или кинуть противника, который килограммов на пятьдесят тяжелее тебя, можно, но трудно. В данном случае у Сычка явно не хватало квалификации. Сычок попробовал кулачную технику: врезал борову в грудь, затем в живот и, увидев, что противник оба удара совершенно проигнорировал, вlepил древлянину в лоб. На лбу осталось красное пятно. Больше – никакого результата. А потом толстяк врезал сам, с размаху, да попал прямо в солнечное сплетение, поскольку Сычок не потрудился ни сблoкировать, ни уклониться. Серега увидел, как набрякло болью и удивлением лицо Чифаниного ставленника. А толстяк широко размахнулся, даже слегка подпрыгнул – и достал Сычка в висок.

Иппон!

В толпе заорали. Чифаня возмущенно закричал. Купец тоже завопил, но противоположное по значению. Толстяк глупо ухмылялся и ждал. Когда Сычок поднялся на колено, древлянский борец попросту хряснул его по макушке, и Сычок рухнул.

Духарев подался вперед: он так и не познакомился с мест-

ными правилами, и если по этим правилам толстяк может добивать проигравшего, то Серега ему этого не позволит. По крайней мере, постарается. Сычок встал с Серегой рядом, когда возник конфликт с Гораздом. Поэтому Духареву насрать, что там у них за правила. Калечить кореша он не даст!

К счастью, толстяк больше бить не стал: прохаживался, выпятив бочкообразную грудь.

Серега протолкался к самой площадке. Мыш вцепился в ремень названного брата, чтобы не оттерли.

Чифаня и древлянин орали друг на друга. Суть сводилась к тому, считать ли удар в висок запрещенным или нет. Купец кричал: раз не сговаривались, значит – нет.

Чифаня орал: эдак и по детородным органам, выходит, можно бить, если не сговаривались?

Голос у Чифани был звонкий. У купца – раскатистый бас. Язык у обоих подвешен будь здоров. Хороший дуэт, одним словом. Толпа вокруг густела.

Поорав минут пять, спорщики сошлись на том, что поединок следует повторить. Сычок к этому времени поднялся, но глаза у него были мутные. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этого бойца следует снять с соревнований. Тем не менее Сычок собирался драться.

Духарев положил ладонь на Чифанино плечо.

– Чего? – недовольно спросил тот.

– Прекращай. Он проиграет, – уверенно сказал Серега.

Чифаня замотал головой.

– Тогда давай я встану.

Чифаня сначала презрительно скривился, потом – вспомнил.

– Ну что ж, давай, – согласился он.

Сергея начал разуваться, а Чифаня отошел проинформировать противника о замене.

Противник не согласился. Вернее, согласился, но потребовал удвоить ставку. Причем в одностороннем порядке, мол, Чифанин борец уже проиграл. Еще пять минут крика – и ставки удвоили обе стороны.

– Что мне нельзя с ним делать? – быстро спросил Сергей у Мыша.

– Как это – нельзя? – опешил тот.

– Ну, нос ему разбивать нельзя, это я уже знаю. Что еще?

– А-а-а... Руку или ногу ломать нельзя. За это – три гривны. Пальцы ломать можно. Зубы выбивать нельзя. Тоже три гривны. Но это ты не бойсь, как выйдет. На кону – больше. За бороду не хватай. За причинное место. Еще плевать в лицо нельзя. Песок в глаза сыпать...

Чифаня, сговорившись, подошел, заглянул снизу в Сергеины глаза.

– Смотри! – сказал. – Не сдюжишь – будешь мне три гривны должен.

– Я тебе и так должен, – усмехнулся Духарев. – Не бойсь, братан! Я его завалю.

Толстяка смена противника нисколько не смутила, равно

как и то, что Серега был на полголовы выше. Семенящим шажком древлянин подобрался к Духареву и, подпрыгнув, попытался врезать Сереге по морде. Должно быть, у толстяка это был коронный номер.

Но Духарева целостность собственной физиономии весьма заботила, поэтому от летящего кулака он уклонился и мощно пробил в могучее пузо. Ощущение было такое, словно кулак угодил в боксерский мешок, обернутый ватой. Толстяк слегка покачнулся и вцепился в Серегин рукав. Духарев блоком смахнул захват, но рукав при этом порвался.

«Вот сука!» – озлобился Сергей, откатнулся назад, пропуская перед собой еще один молодецкий мах, и вlepил, уже совсем не стесняясь, в полный контакт, с «волной», прямо в «солнышко». Раздался чмокающий звук. Рот толстяка открылся буквой «о». Есть попадание! Несмотря на могучее сложение борца-сумоиста, по-сумоистски держать удар «кабана» не учили. Дать возможность противнику отдышаться было бы гуманно, но Духарев никогда не считал себя гуманистом. В лоб бить можно – и Серега пробил в лоб. Как по деревяшке. И звук такой же. Деревяшки Серега ломал кулаком. Кость оказалась крепче, но глаза толстяка сошлись к переносице, и «кабан», покачнувшись туда-сюда, рухнул пятакон в пыль.

– Все, – удовлетворенно произнес Серега. – Снимай шкуру, пока теплая.

**Глава двенадцатая,
где оказывается, что Серега Духарев
заработал на хлеб с маслом,
а Чифаня понятия не имеет о
том, что такое тотализатор**

– Твое, – Чифаня вручил Сереге три гривны, три широких обруча из серебряной проволоки.

– Да не надо мне... – пробормотал Духарев, но Чифаня даже и спорить не стал. Повернулся и пошел.

– Ну и что теперь с этим делать? – спросил Серега у Мыша.

Спросил в общем риторически, но оказалось, что у Мыша есть вполне конкретные мысли по использованию выигрыша.

– Одну на шею повесь, – распорядился он. – Пусть видят: ты человек свободный и не побирушка. Вторую дай сюда, это нам на хозяйство. А на третью пойдем тебе сапожки справим. Это ж срам один, что у тебя на ногах.

Сапожки из серого сафьяна скроили у Сереги на глазах, по мерке. Были сапожки совершенно одинаковые, что на левую, что на правую. Двое подмастерьев тут же принялись дырять и стягивать выкройку кожаными ремешками, промазывая швы белым вонючим клеем. Сапожник забрал у Сере-

ги обруч-гривну, выдав взамен пригоршню серебра: монет и обрезков, по весу, в три четверти гривны. Еще две четверти Серега будет должен отдать при получении обуви. Ни расписок, ни квитанций Духареву не выдали. Все – на честном слове.

Среди монет одна особенно заинтересовала Серегу, поскольку надпись на ней была сделана арабской вязью. Духарев показал монетку Мышу, но тот, повертев ее в руках, не заинтересовался. Серебро как серебро.

– Пошли, может, Чифаню поищем? – предложил Сергей.

– А чего искать? – удивился Мыш. – Они домой пошли.

Полдничать.

Кожевенный квартал удивил Духарева нездешней силы вонищей. Словно в родной Дерптский переулок вернулся. Мыш тоже сморщил нос, процедил:

– Кожемяки...

Родной дом Чифани стоял за крепким забором. Солидные дубовые ворота им не отперли, только махонькую калиточку. Во дворе воняло еще пуще, чем на улице. Тощий парень в ошейнике наподобие собачьего спросил:

– Чего надоть?

– Чифаню позови! – скомандовал Мыш.

Парень нехотя повернулся и поплелся к дому. Мыт догнал его и довольно сильно пнул под зад. Парень, к удивлению Сереги, вместо того чтобы повернуться и отвесить сопляку затрещину, припустил рысцой.

– Червяк ленивый! – буркнул Мыш.

– А что это у него на шее за украшение? – спросил Духарев.

– Ярмо холопское, что ж еще? – проворчал недовольный Мыш.

– Это если бы я к Горазду в холопы попал, на меня такое же надели бы? – осведомился Серега.

– Не, не такое. Железное. Ты ж не рожденный холоп, можешь и откупиться.

Два мохнатых пса с рычанием тянули в разные стороны обгрызенную рыбину. Наконец запас прочности у рыбины иссяк, и псы покатались в разные стороны – каждый со своим куском. Клычищи у псов были очень солидные. Оставалось надеяться, что собачки не заинтересуются посторонними, проникшими на их территорию.

Мыш достал нож и недоделанную ложку.

Наконец появились Чифаня с Сычком, работа была завершена, а ложка вручена Сереге. Торжественно. Еще один шажок в духаревской адаптации. Вероятно, здесь человек без ложки – все равно что новорус – без спутниковой «трубки».

– А вы не спешили! – заметил Духарев.

– А что, в твоём роду пристойно уйти с общей трапезы? – укоризненно произнес Чифаня.

– У меня в роду не принято, чтоб голодный гость во дворе топтался! – парировал Духарев.

– Гость ты иль нет – не мне решать, – возразил Чифаня.

Сергея поймал укоризненный взгляд Мыша и решил тему больше не развивать.

– Пошли куда-нибудь, где перекусить можно. И поговорить заодно.

Постоялый двор под городскими воротами отличался от того, где у Сергея вышел конфликт с Гораздом. Длинный зал с низким закопченным потолком, длинный стол – во всю длину помещения.

Запах чего-то кислого смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Народу было много, но места на лавках пока хватало.

– Будь здрав! – молодой парень с только пробивающимися усами приветственно махнул рукой. Не Чифане или Мышу, что характерно, а Сереге.

– И тебе того же! – откликнулся Духарев.

Парень – из тех, что были с древлянским купцом.

Разместились. Мыш сбежал к печи, приволок горшок с кашей и кувшин со сладеньким пойлом.

– Слушай, а там мужики случайно не пиво пьют? – спросил Духарев.

– Какие мужики? – удивился Мыш.

– Да вон те!

– Ты что, умом тронулся? – воскликнул названный братишка. – Свободных людей мужиками назвать!

– А что плохого? – удивился Духарев.

– А то! Это ж все равно как за бороду дернуть!

– А в этом что плохого? – снова удивился Серега.

Мышь только головой покрутил от такого непонимания жизни.

– Погоди, – вмешался Чифаня. – У них же в роду совсем другие обычаи.

– Назвать свободного мужа мужиком, – произнес он, поворачиваясь к Духареву, – это, ясное дело, лучше, чем бабой, но слово все равно стыдное. На него не только свободный, даже закуп может обидеться.

– Да что в нем плохого? – никак не мог врубиться Серега.

– Ну... – Чифаня пошевелил пальцами. – Мужик – это почти как муж, только... это... маленький. Понял?

– Вроде бы, – кивнул Духарев. – А с бородой что?

– А с бородой, Серегей, я те так скажу: чужую вовсе не трогай, а ежели твою кто тронет – бей как умешь. Хоть кровь пусти. Никто с тебя виры не стребует. Понял?

– Вполне, – подтвердил Сергей. – А теперь скажи мне: вон те мужи, они случайно не пиво пьют?

– Пиво, – подтвердил Чифаня.

– А здесь его подают?

– Да ну его! – вмешался Мышь. – Горечь одна!

– Вон там, – показал Чифаня, – бочонок. Скажи хозяину – он те нальет. Токо нам не бери. Мы его не любим.

Пиво, впрочем, оказалось очень даже ничего. Вкусное. Под него и каша веселей пошла. Мышь с Серегой умяли ее в две минуты, а Сычок с Чифаней тем временем оприходовыва-

ли бурдючок.

– Эй, ты ложку так не клади! – заметил Мыш. – Нынче богов кормить не время!

Сергеа безропотно забрал инструмент, облизал и спрятал в карман. Это действие ни у кого нареканий не вызвало.

– Поел? – спросил Чифаня.

– Вполне.

– Тогда говори, зачем звал?

– Скажу, – согласился Духарев. – Но сначала ты мне расскажешь, почему вы с Сычком борьбой развлекаетесь. Вы же не скоморошьего племени, верно?

– Верно, – Чифаня вздохнул. – Тут вишь какое дело... Не способен я к родовому ремеслу. Здоровьем не вышел. А в дармовых нахлебниках жить не хочу. Я и придумал. Старшие мне Сычка вот отдали. Он – из Нового города, там на кулачках драться да бороться выучился. Да и силушка при нем. Бывает, конечно, и его побьют, как вот сегодня. Да редко. А чтоб случайный какой смерд Сычка заломал – такого не было! – гордо завершил Чифаня.

– Значит, не для удовольствия ваша борьба, а для заработка? – еще раз уточнил Духарев.

– Ясно, для заработка.

– Тогда слушай, как этот заработок увеличить, – заявил Сергеа и изложил невинным торжковцам систему ставок.

Вначале Чифаня усомнился: чего это вдруг народ начнет об заклад биться не за своих, а непонятно за кого. Или, к

примеру, если и так ясно, кто победит. Духарев объяснял терпеливо, что человек по природе своей азартен, что спорить можно не только на победу, а на то, что кто-то из борцов устоит на ногах какое-то определенное время. Кроме того, если минимальная ставка – куна и если десять ставят на Сычка, например, а двое против, то ставящие против могут проиграть всего лишь куну, а выиграть целых пять.

– А какая моя выгода? – усомнился Сычок.

– А такая, что из каждых десяти поставленных кун – одна твоя. За труды.

В общем, говорили они долго, приговорили еще пару кувшинчиков с медом и изрядное количество пива. Последнее – исключительно Духарев. Договорились. Чифаня обещал подыскать второго борца и договориться с местным рыночным людом, чтобы делали ставки для разгона. А Мыш – организовать рекламу силами местной молодежи.

Уже изрядно окосевшие, друзья выбрались на свежий воздух, облегчились... и тут Мыш вспомнил о змее. Надо же, совсем забыл, для чего они с Серегой Чифаню искали!

Игрушку собрали. Серега дал Мышу конец веревки: беги! Мыш вприпрыжку поскакал к воротам, Духарев подкинул змея, и тот взмыл в воздух. Сычок загоготал от восторга, а у Чифани даже челюсть отвисла. Змей забрался повыше, его подхватил верховой ветер, бечева натянулась струной.

Мыш промчался через ворота, прибежал обратно. Он был счастлив.

– Занятно, – сказали у Сереги за спиной.

Духарев оглянулся и увидел гридня, который побил его в Детинце. Белоголового.

– Сам придумал? – спросил белоголовый.

Духарев покачал головой.

Гридень свистнул, поманил Мыша:

– Покажи-ка.

Мыш осторожно опустил змея. Белоголовый зажал его между ладонями, оглядел.

– Понятно, – сказал он. – Полезная вещь. Если в яркий цвет покрасить – не хуже дыма будет, – задумчиво проговорил он. – Добро! – вернул змея Мышу и зашагал прочь.

– Ни здрасте, ни до свиданья! – сердито сказал Серега.

– Да ты что! – воскликнул Мыш. – Это ж Мороз! Он же двух нурманов зарубил! Ему ж сам Скольд...

– Ладно, проехали, – буркнул Серега. – Со змеем побаловались, что теперь?

– Может, еще медком побалуемся? – с надеждой спросил Сычок.

Глава тринадцатая, в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок

Чифаня сработал по высшему разряду. Во-первых, нашел Сычку достойного противника – Ишку-угра, холопа со двора Жердяя, старшины гончарного конца. Во-вторых, раззадорил самого Жердяя, и тот самолично явился на рынок вместе со своими родичами и челядью. В-третьих, Чифаня дал несколько кун Мышу, а тот, в свою очередь, раздал малышам, чтобы те кричали на своих и чужих дворах про будущий кулачный поединок... Короче, когда солнце коснулось верхушек деревьев, и, стало быть, наступил назначенный для схватки час, чуть ли не пол-Торжка уже теснилось на рыночной площади. Наиболее шустрые залезли на крыши лавочек, прилавки, навесы над рядами. В результате один навес, не выдержав, рухнул. Никто, к счастью, не покалечился.

Почетные места – на принесенных лавках – были отданы старшине Жердяю и деду Чифани, костлявому высокому старику с желтой бородой, глазами философа и молодым именем – Любим. На почетное место посадили также старшин кузнецов и плотников и богатого огнищанина с того берега реки.

Дед Чифани и старшина гончаров, как водится, заложились. Каждый – на своего борца. Когда Чифаня предложил всему честному люду сделать ставки, его сначала не поняли. Чифаня разъяснил смысл предложения еще два раза, а затем по знаку Мыша несколько подговоренных заранее парней полезли вперед с деньгами. Их ставки были оговорены и проплачены. Деньги принял Духарев и громогласно объявил расклад: на Сычка – одна куна, на Ишку – три. Публика не въехала. Чифаня растолковал: ежели победит Сычок, тот, кто ставит на него куну, – получит три, а ежели Яшка, то поставивший на него получит треть своей ставки. Но десятую долю победителю в любом случае придется отдать организаторам турнира.

Кто-то заорал: несправедливо! Почему это за Сычка – втрое, а за Ишку, считай, ничего? Но кто-то более расторопный уже полез ставить на Сычка. Через полчаса ругани и столпотворения Духарев, делавший пометки на берестяном листке, огласил новые результаты. Одиннадцать против одного на Сычка. Теперь заорали ставившие на бойца кожевников. Жердьяй и Чифанин дед, с удовольствием поглядывавшие на растущую кучку серебра (старшине гончаров тоже была обещана доля), при первых же признаках беспорядка дали знак, и плечистые родичи сомкнулись вокруг организаторов представления. Наиболее рьяных возмутителей угомонила рыночная охрана, Скольдовы отроки. Опытный Духарев уговорил Чифаню отстегнуть им заранее и посулить

дать еще в случае успеха предприятия. Чифаня, у которого глотка была натренирована ежедневной практикой, вскоре сумел переорать крикунов и еще раз растолковал простое правило. Поставленные на кон деньги будут поделены между всеми, кто ставил на победителя. В соответствии с личными ставками. Разобрались. Серега опять начал принимать деньги, причем обнаружил, что среди тех, кто ставил теперь на Ишку, оказалось немало уже поставивших на Сычка.

«Какой славный народ!» – подумал Духарев, торопливо царапая бересту. Просто записать ставку и имя оказалось недостаточно. Одних только Малов в списке оказалось шестеро. Приходилось вносить особые приметы; «рыжий», «рыжий маленький», «рыжий, маленький, без половины уха»...

– А я и не знал, что ты грамоте учен! – с уважением проговорил Мыш.

Духарев глянул на брата удивленно: взялся бы он иначе принимать ставки у тучи незнакомого народа!

В общем, когда подготовительная часть закончилась, солнце уже скрылось за лесом.

Начали.

Широкий белобрый Сычок против такого же широкого чернявого Ишки.

Сегодня днем Серега попытался втолковать обоим: не торопитесь. Дайте людям полюбоваться зрелищем. Идея, понятная любому здешнему скomoroxу. Но у этих двух дурач-

ков все наставления вылетели из головы, едва они встали друг против друга. Налетели, сцепились и стали давить друг из друга масло. Какое там зрелище – одно медвежье пыхтение. Публика орала. Каждый считал своим долгом подбодрить своего борца. Сычок изловчился, присел, подхватил угра под колено и бросил. Вернее, угр упал, а Сычок свалился на него. Побарахтались в пыли, встали. Разочарованный исходом силовой борьбы Сычок перешел к кулачной: размахнулся – аж позвоночник скрипнул – и влепил Ишке в скулу. Звук – будто резиновой дубинкой по деревяшке. Угр ухнул, схватил Сычка за рубаху и влепил ему башкой в подбородок. Подпрыгивавший рядом с Духаревым Мыш в азарте шлепнул Серегу по спине. Духарев восторга названного брата не разделял. С его точки зрения, это не борьба, а позор один. Уж Сычок мог бы работать поинтереснее. Опыт есть, да и Серега успел показать ему пару-тройку приемов.

Бац-шмяк... Угр ухитрился вцепиться Сычку в шею и теперь просто и незамысловато душил противника. Впрочем, душить Сычка была не такая уж и простая работенка. С его-то шеищей. Руки у угра были длиннее, чем у Сычка, зато у последнего длиннее были ноги, и Сычок принялся лупить пяткой по голени противника. Ишке это не понравилось, он отвлекся, и Сычку удалось оторвать его пальцы от собственного горла. Р-раз... И он наконец применил то, что ему показывал Серега: передняя подножка с одновременным толчком в грудь. Угр полетел на спину, Сычок подпрыгнул и при-

землился пятками Ишке на живот. Пробил. Угр раззявил рот – зубов у него был явный дефицит – и безуспешно пытался вдохнуть. Вряд ли этому способствовало то, что Сычок уселся ему на грудь и, оскалившись, сдавил глотку угра железными пальцами кожемяки.

Пятки Ишки забарабанили по земле...

Духарев вскочил с места и бросился выручать угра...

Но раньше него поспел Чифанин дед.

– Сычок, кабанье семя! А НУ ОТПУСТИ ЕГО! – взревел Любим, на миг перекрыв вой и ор толпы.

От хозяйского голоса увлекшийся победитель аж подпрыгнул, коlobком скатился с угра, выпрямился и уставился на старшину взглядом нашкодившего пса.

Глава четырнадцатая,
в которой в очередной раз доказывается,
что напиться можно чем угодно,
даже слабым домашним пивом.
Главное – выпить побольше

Серегу Духарева пригласили к чужому столу. Его и Мыша. Старейшина Любим лично снизошел. Без поклона, правда, как только что звал гончарного старшину, но уважительно. Как сообщил позже Чифаня, Духарев поразил деда быстротой, с которой просчитал и распределил выигрыши между

полусотней счастливых. А ведь кое-кто не поленился и перепроверить Серегины расчеты по местной системе. Быстро, сказал тоже! Серега, пока считал, изматерился про себя. Ему бы паршивенький китайский калькулятор! Но деда Любима, выходит, он и без калькулятора очаровал. Вероятно, изрядная куча серебра тоже способствовала очарованию. Богатый город – Малый Торжок. И народ разошелся воодушевленный. Выигравшие – прибылью, проигравшие – надеждой на отыгрыш. Было объявлено, что через три дня состоится следующий чемпионат. И участвовать в нем будут уже не двое, а четверо. Третий борец будет от кузнецов, а четвертым сам вызвался пришлый – молодой купец Тишка. Последняя кандидатура вызвала у Духарева сомнения, но Чифаня и Сычок уверили его, что недостаток веса кандидата вполне компенсируется происхождением (новгородец) и профессией. Купец, по здешним понятиям, всегда воин. Иной купец князьего отрока стоит. А то и гридня. Участие же представителя высших сословий поднимает престиж чемпионата.

В общем, все довольны – и отлично. Пошли ужинать.

Ужинать? Ха! Вечерняя трапеза в доме Любима – это что-то! Длиннющий стол, за которым уместилось человек сорок. Мужчин. Женщинам полагалось прислуживать, а есть – когда мужчины наедятся. Впрочем, засидевшихся можно и поторопить.

Кушали из одной миски – на двоих. Чинно. Перед каждой переменной Любим особой ложкой отстегивал пайку «пред-

кам» – кидал в открытую печь, где горел огонь. В «столовой» было жарко, дымно и поначалу относительно тихо. Ели молча. Даже не ели – вкушали. Это уже потом, наевшись и подвыпив, кожемяки оживились и загалдели.

Серегу дед Любим посадил поближе, рассчитывая потом расспросить. Любознательный оказался дедушка. И властный. Домочадцев своих держал в ежовых рукавицах. Сыновья, здоровенные, с проседью уже мужики, отцу в рот смотрели. О прочих и говорить нечего.

Конечно, правды деду Сереге рассказывать не стал. Правду он и Мышу рассказать не решился. Наплел про затерянное в горах племя, про страны заморские... В общем, в лучших традициях отечественной фантастики. Потом уж и сам не помнил, что врал. Кто-то шепнул Любиму, что гость неравнодушен к пиву, и приставленная к Сереге девчонка без устали подливала в его кружку. Скорее всего, дед Духареву не поверил: пара-тройка заданных старшиной вопросов показала, что старик в местной географии разбирается неплохо, а «странник» Серегей – ни в зуб ногой.

Короче, отужинав, взяли с собой пива да меда и удалой компанией потащились на реку. Городские ворота оказались закрыты, но за кувшинчик пива сторожевой отрок отпер им калиточку и пообещал впустить обратно – еще за один кувшинчик.

– Во! – заявил Чифаня, когда они отошли подальше. – Сразу видать, что Скольда в кремле нету!

Домой братья вернулись затемно, пьяные и веселые. Серега порывался петь песни типа «Вновь по выжженной земле иду, гермошлем защелкнув на ходу, мой „фантом“...» и так далее. Братан Мыш тянул тоже что-то неподобающее про «милку задасту да титясту». Ввалились в избу, что-то перевернули, запалили свечу, разбудили Сладу. Серега спьяну полез к ней обниматься. Девушка вывернулась молча и яростно. От этого молчаливого отпора Духарев сразу отрезвел, пробормотал:

– Прости, Сладушка, дурака пьяного! Я ж... Ничего плохого, слово!

Девушка только глазами сверкнула, так же молча загасила свечу. Серега услышал, как она улеглась: скрип досок, шуршание, шорох одеяла. Духарев постоял в темноте, покачался с носка на пятку... Слада, сонная, сердитая, желанная до невозможности, стояла у него перед глазами... «Ну ты, урод, даже и не думай!» – приказал он сам себе, вышел во двор и сунул голову в бочку с водой. Следом за ним выполз Мыш и принялся блевать в компостную яму. «Не дело это, такому мальцу пить!» – сердито подумал Духарев. И вспомнил, как лет восемь назад в одной деревушке к их столу подошла восьмилетняя девчонка и попросила портвейна. Серега ужаснулся было, но его местная подруга, девчонкина сестра, сказала: «Налей!» Он, на автомате, налил, девчонка выхлестала залпом двести граммов дрянного портвешка и ушла играть в куклы. И не блевала, это точно.

«Куда ж это я все-таки угодил?» – подумал Серега.

Этот вопрос он задавал себе каждый вечер. Но утром – никогда. Серега Духарев воевал совсем немного, однако, пока воевал, успел усвоить очень многое. Например: живи, пока живется, и, если можешь, получай от этого удовольствие. Хотя бы от того, что – живой. Иначе – абзац.

«Куда же я все-таки угодил?» – спросил себя Серега и поплелся в сарай, на сеновал. Спать.

**Глава пятнадцатая,
в которой внешний вид Сереги
Духарева наконец-то приводится в
соответствие со здешними нормами**

Денег, заработанных вчера, новой семье Сереги хватило бы на годовой прокорм. Так подсчитал Мыш. И еще оставалось. Вот с этим «оставалось» они отправились на рынок. Спустя час Серега перестал выглядеть оборванцем. По местным меркам. Ему купили удобные свободные штаны со шнурочком и крючками, на которые можно было повесить, к примеру, кошель. Это, видно, для того, чтобы постороннему человеку удобней было его снять, ведь из кармана тащить – не всегда сподручно. Да и не додумались до карманов местные портняжки. Мыш, впрочем, объяснил брату: понимающие люди носят кошель не снаружи, а изнутри, в штанах. За

веревочкой-гашником. Толково. Жаль – доставать неудобно. Еще Сереге купили рубаху с замысловатой красной вышивкой. Вышивка, как выяснилось, не просто украшение, а оберег, которому предназначено защищать Серегу от стрелы и огня. А вот от борца да кулачного бойца нужен особый оберег, заявил торговец, который, как выяснилось, присутствовал и на вчерашнем ристалище (проиграл половину нурманской марки), и в первый день, когда Серега побил Сычка. Особый оберег у торговца, ясное дело, имелся. И стоил пустячок. Полгривны. Учитывая, что гривна и марка были примерно в одном весе – граммов двести серебра, торговец, вероятно, решил компенсировать вчерашний проигрыш. Не вышло.

– Вот мой оберег! – заявил Духарев, показав кулак.

Кулак у Сереги был поменьше, чем, например, у Сычка. Но зато пользоваться им Духарев умел не в пример лучше. Торговец это знал и больше не настаивал.

Вышли из лавочки вполне довольные. Особенно Мыш, который торговался отчаянно и на каждой вещи ухитрялся скинуть самое малое треть стоимости.

С рынка отправились за город, к кузнецу. Мыш заявил, что дешевле купить прямо в кузне, чем на торжке. Тем более кузнец, или, как говорил Мыш, – коваль, – дружил когда-то с Мышовым отцом.

Кузнечный двор был тот, мимо которого Серега проезжал в первый день с Гораздовыми приказчиками. Кузнец, му-

скулистый мужик в прожженном фартуке, особого восторга не выразил. Флегматично кивнул, выбрал заготовку, махнул Духареву, чтоб стал к мехам. Серега сначала не понял, как с этой штуковиной обращаться, помог Мыш. Заготовку раскалили, затем принялись обстукивать молотами: мастер – средним, а подмастерье, широкогрудый и длиннорукий, как горилла, – насаженной на рукоять чушкой в полпуда весом. Грохот, искры... Ничего интересного. Серега вышел во двор, где еще двое подмастерьев подковывали коня. Один держал ногу, второй загонял гвозди прямо в живое копыто. Серега раньше никогда не видел, как подковывают лошадей, на миг представил, как ему самому в кость вбивают железный гвоздище... Но коню, похоже, было не больно. Хозяин держал животное за узду и успокаивающе охлопывал.

Лязг молотков стих. Кузнец вышел во двор, вынес, держа в клещах, новенький нож, сунул в бочку с водой, подождал, вытянул, оглядел, кивнул удовлетворенно.

Через полчаса Сереге был вручен уже насаженный на рукоять, вполне приличный нож длиной сантиметров тридцать. У основания клинка имелось крохотное клеймо – кружок с рожками.

Серега махнул пару раз обновкой – вроде нормально. Держать удобно. Работать ножом Духарева учили. Не так чтобы очень, но порезать жилы не очень крутому противнику он мог бы. И попасть в столб с десяти шагов – тоже. Столб имелся. Серега метнул. Попал, не опозорился.

Мышь расплатился, и они отправились обратно в городок. Нож Духарев нес в руке.

– Ножны Чифаня даст, – заявил Мышь.

Прожив на новом месте почти неделю, Духарев уже неплохо ориентировался. Правда, только на левом берегу. На правом, в выселках, он еще не бывал. Только когда плавал от берега к берегу.

Малый Торжок занимал стратегически удобную позицию. На холме. В этом был наверняка еще один плюс. Во время весенних разливов Сулейка не подмывала городских стен.

Городок был сплошь деревянный – от внешних стен до детинца-кремля. В стене – двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за пятнадцать. А состоял он именно из «концов». По ремеслам. А концы, в свою очередь, – из дворов, тоже огороженных и по сути – крепостей, только маленьких.

Большой крепостью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок. Вместить-то мог, но пришлось бы тесниться. Впрочем, это мало кого смущало. Жить захочешь – потеснишься! Общественные припасы тоже хранились в кремле. На случай осады – и у княжьего наместника под присмотром!

Городские площади – вечерая и рыночная – располагались в непосредственной близости от кремля. И это Серега тоже оценил: ежели кто вознамерится штурмовать деревянные стены, то укрыться от разных острых предметов, коими на-

верняка начнут швыряться защитники, штурмующему будет довольно трудно.

Кроме дворов ремесленных имелись еще дворы купеческие. Например, двор Горазда располагался вплотную к рынку. Солидный двор. Тын – не ниже городских стен. Были еще дворы гостевые и одинцовые. Вроде того, что у новых Чифаниных родичей.

Вообще-то пришлые селились отдельно. На выселках. Чтобы поставить или купить двор внутри стен, требовалось одобрение городского старшины и разрешение наместника. Последний мог обойтись и без народного одобрения, но тогда пришелец селился уже в самом Детинце.

Законы и порядки Малого Торжка Серега выводывал очень настырно и старался хорошенько запомнить. Незнание «понятий» не освобождает от ответственности, но зато способствует освобождению от имущества, свободы и жизни.

Поспросив прохожих (здесь все знали всех), Мыш отыскал Чифаню с неразлучным Сычком, и все четверо отправились в Любимову лавку. Чифаня собственноручно подобрал чехол для ножа и повесил его на Серегин пояс: единственную, если не считать плавок, вещь, оставшуюся у него из прежней жизни.

– Дар! – солидно сказал Чифаня.

Лавочник-закуп, торговавший кожевенным товаром, не возражал. Чифаня был – из старших родовичей и мог распоряжаться родовым имуществом. Во всяком случае, на уров-

не чехла для ножа.

Разобравшись с вооружением, в складчину купили копченой свинины, лепех, огурчиков, квасу (Сычок намекал на что-нибудь покрепче, но ему не вняли) – и отправились на реку. Серега ощущал себя будто в отпуске. Для полного удовольствия не хватало только девочек.

Чтобы утрясти обед, Духарев слегка погонял Сычка, обучая разным приемчикам. Мозгов у Сычка было немного, но с остальным дела обстояли неплохо. А уж удар он держал – загляденье. И это – без всякой техники, исключительно на здоровье.

«Я из него сделаю чемпиона! – твердо решил Духарев. – По крайней мере – местного масштаба».

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев лично участвует в собственном шоу, а чуть позже делает два полезных вывода

Ишку-угра Сычок опять завалил. И кузнеца, этакую человекообразную машину с немереной мускулатурой, – тоже. Подбил ногу выученным у Сереги приемом, уселся сверху и взял на болевой. Кузнец взвыл и запросил пощады. Не будь у кузнеца такой могучей мышцы, не умеющий соразмерять силу Сычок вообще порвал бы сопернику связки. Третий про-

тивник, из купцов, по предложению Духарева сначала боролся с Ишкой и управился с ним на удивление легко. Раз-два – и угр уже воткнулся мордой в землю. С Сычком купчина провозился дольше, но потом исхитрился и кинул Сычка через себя. Классически – с упором стопы в живот. Картинка была замечательная: Сычок был килограммов на двадцать тяжелее худощавого и подвижного купчины. Кинул, перевернулся проворно и наступил пяткой на Сычково горло. Наступил и убрал ногу. Но оспаривать его победу никто не стал. Видно же, что пожалел лежачего.

Народ был в восторге. Эта публика, в отличие от публики древнеримской, а также – и от многих Серегиных соотечественников, кровожадностью не отличалась.

Духарев отсчитал победителю премиальные.

– Устал? – спросил он.

– Есть маленько, – признал купчина.

Красивый малый: глаза синие, волосы темно-русые, а борода – светлая.

– А завтра со мной бороться будешь?

– Гривна, – ни секунды не помедлил купчина. – А повалою тебя – две.

– По рукам! – согласился Духарев.

И оповестил Чифаню, чтоб тот, в свою очередь, оповестил народ.

Вообще-то Духарев не рассчитывал, что их шоу будет неизменно собирать аншлаг. И был приятно удивлен, когда

и по третьему разу набежала изрядная толпа. Нет, конечно, далеко не все ставили значительные суммы, да и вообще ставили не все. Многие просто пришли поглядеть зрелище.

«Мы у них теперь будем вместо вечернего сериала», – подумал Духарев.

На этот раз ставки собирал сам Чифаня. Он же дал команду начинать.

Купчина атаковать не торопился. Правильная тактика. Серега был для него темной лошадкой.

Серега попробовал его «развести»: имитировал атаку и тут же подался назад, провоцируя на нападение, – но купчина не «развелся».

Пришлось атаковать по-настоящему, хотя и сам Духарев немного осторожничал. Повредить противнику организм сверх необходимого – не самый лучший вариант.

Купчина из-под атаки ушел. Очень грамотно и четко. Духарев не мог не восхищаться: ни одного лишнего движения, уклоны ровно настолько, насколько требуется. Ни сантиметром больше. А вот контратака у купчины явно хромала. Резкие, но легко видимые удары по ногам, захваты слабые, удары проносные, расхлябанные. Великолепный бросок, которым купчина метнул через себя Сычка, с Серегой не прошел бы никогда. Тот просто не позволил бы себя схватить. Лягался купчина сильно и больно. Но почему-то целил всегда по ногам, так что предугадать его движения было несложно.

Убедившись, что держать удары противника – сущие пу-

стяжки, Духарев обнаглел, плюнул на защиту, оберегая только голову и все, что ниже пояса, – начал финтить и в конце концов достал купчину длинным, пробитым из-под руки май-гери. В последний момент противник попытался заблокировать летящую в живот Серегину ногу, но блок, быстрый и резкий, почему-то пошел сбоку, Серега вlepил прямо в «солнышко», и поединок закончился.

Только позже, анализируя весьма интересный поединок, Духарев понял, почему техника противника выглядела одновременно и искусной, и ограниченной. Словно бы чего-то ей не хватало. В общем, Серега понял, чего ей не хватало. Оружия. Будь у купчины даже не меч, а банальная палка – и финальный удар Духарева принес бы ему не победу, а разбитую голень.

«Ну, будь у него палка, я бы тоже иначе работал!» – успокоил себя Серега.

– Эй! – толкнул Духарева Сычок. – Ты че пригорюнился? Айда мед пить!

– Я – пиво, – машинально отозвался Серега.

– Пей что душа желает! – радостно заявил Сычок. – Куны есть!

– С вами алкоголиком станешь, – усмехнулся Духарев.

– Алкоголяк – это кто? – заинтересовался Сычок.

– На тебя похож! – ответил Духарев.

– Да будет тебе! – Сычок самодовольно ухмыльнулся. – Ты тоже на морду красен!

Духарев не сразу сообразил, что красивый и красный – для Сычка синонимы.

В общем, они отправились на полюбившийся постоянный двор и опять напились.

Но до этого Серега успел сделать два полезных вывода. Первый: до настоящего, по здешним меркам, бойца ему далеко, но в кулачных боях, именно из-за привычки народа к оружию, у Духарева преимущество. Это как с обученным солдатом, который на татами раз за разом пропускает удар в печень. Потому что привык: правый бок прикрыт прикладом автомата. Второй: в тех случаях, когда противник Сычку не по зубам, Сереге имеет смысл выходить самому. Два полезных вывода и одна идея: а кто, собственно, сказал, что противник должен быть один? Пусть их будет двое. Или больше. Серега любил и умел работать с группой. А зрелище от этого только выиграет.

Глава семнадцатая, *в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-что из классики*

Слада ухватом вынула из печи горшок. Вкусный запах тушеного с овощами мяса достиг Серегоного носа и вызвал неудержимое слюноотделение. Солнце, воздух и вода вызывают здоровый аппетит и кардинально снимают синдром абстиненции, в просторечии именуемый похмельем.

Слада поставила на стол три деревянные миски. Дома они с Мышом не соблюдали здешнее правило: женщины едят после мужчин. И пищу в огонь – божкам – не бросали.

– Кирие элейсон... – нестройно затянули Мыш со Сладой.

– Отче наш, иже еси... – по-русски вторил им Серега единственную молитву, которую помнил.

Помолившись, принялись за еду.

– Вкусно! – похвалил Серега.

– На здоровье, – Слада держалась с Сергеем очень вежливо, но какой-то кусочек теплоты, который возник между ними вначале, пропал.

Духареву от этого было грустно. Девушка ему очень нравилась, может, даже больше, чем просто нравилась. Но он совершенно не знал, как к ней подойти, как сказать, чтобы поняла: она Сереге очень даже небезразлична. Раньше у Духарева никогда таких проблем не было. Ну, по крайней мере, с тех пор, как сошли со щек подростковые прыщи. Когда какой-нибудь там Горазд называл Серегу чужаком, тот воспринимал это спокойно, потому что при этом чужаком себя вовсе не чувствовал. А вот со Сладой... Это было – как пропасть. Хуже, чем другой язык. Это как если ты киваешь головой в знак согласия, а для другого кивок означает «нет». Серега помнил еще с занятий по психологии, что у каждого народа своя «дистанция близости». Одни чувствуют себя неудобно, если собеседник оказывается на расстоянии полутора метров, а другие – ближе вытянутой руки.

Едва Серега приближался к Сладе ближе этих самых полутора метров, как она тут же отходила назад. И что с этим делать, Духарев понятия не имел.

– Слада, а ты свой-то язык помнишь? – спросил он.

– Как это – свой? – влез Мыш.

– Болгарский.

– Булгарский, – поправил Мыш.

– Пускай, – не стал спорить Духарев. – Так вы можете говорить по-булгарски или уже забыли?

Мыш засмеялся, а Слада спокойно ответила:

– Мы и говорим по-булгарски.

Мыш поглядел на Духарева и захихикал.

Серега подобрал отвисшую челюсть.

– А я на каком языке говорю? – спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

– На нашем, ясное дело! – ответил Мыш. – Ну, говор у тебя нездешний, ну так и у нас нездешний, дык когда мурома какой-нито говорить начинает, так его и совсем не поймешь. А ты... К нам нурманы Князевы той зимой прибежали, так у них выговор похожий, но ты лучше говоришь. Видно, что смалу по-нашему болтать выучился. А по-нурмански можешь?

– Нет, – покачал головой Серега.

– А еще по какому-нибудь?

– It was many and many a years ago,

In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabe Lee; —
Than to love and be loved by me...¹ —

прочитал Духарев.

Почему именно это стихотворение пришло ему на ум, Серега не смог бы ответить. Пришло, и все тут.

– Это ты по-каковски? – заинтересовался Мыш.

– По-английски.

– А как это по-нашему будет?

– С тех пор пролетели года и года.

У моря, где край земли,
Вы, может быть, девушку знали тогда
По имени Аннабель Ли, —
Друг другу сердца отдав навсегда,
Мы расстаться на миг не могли...²
– А дальше? – жадно спросила Слада.

Серега хотел сказать, что не помнит: читать стихи вслух он не любил. Но лишь глянул в сияющие глазенки и продолжил:

– Мы были как дети, она и я,

¹ Edgar Allan Poe. Annabel Lee.

² Перевод А. Оленича Гнененко.

У моря, где край земли,
В то давнее, давнее время, когда
Жила здесь Аннабель Ли, —
И ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли.

И вот почему из тучи тогда,
У моря, где край земли,
Ветер холодный смертью дохнул
На прекрасную Аннабель Ли.
И богатый сородич пришел за ней,
И ее схоронили вдали,
В пышной гробнице ее схоронил,
У моря, где край земли.
Да! Ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли —
И вот (все это знали тогда
У моря, где край земли)
Ветер дунул из туч ночных,
Сгубил мою Аннабель Ли.

Но самые мудрые никогда
Любить так, как мы, не могли,
Сильнее любить не могли.
И ангелы неба не смели тогда,
И демоны недр земли
Разделить, разлучить душу мою
И душу Аннабель Ли.

Сиянье луны навевает мне сны
О прекрасной Аннабель Ли.
Если всходит звезда, в ней мерцает всегда
Взор прекрасной Аннабель Ли.
Бьет ночной прибой – и я рядом с тобой,
С моею душой и женой дорогой, —
Там, в гробнице, где край земли,
Там, у моря, где край земли!

В глазах Слады блестели слезы.

«Не зря все-таки я в универе учился!» – подумал Духарев.

– А мы раньше тож у моря жили! – заявил Мыш. – Ну, не я то есть, а батяка наш. Слышь, Серегей, а ты про витязей истории знаешь?

– Знаю, – кивнул Духарев.

– Расскажи!

– Не сейчас, вечером, – сказал Серега.

Слада встала и начала убирать со стола. На Сергея она по-прежнему старалась не смотреть, но сейчас это его уже не огорчало. Теперь-то он знал, как растопить лед.

**Глава восемнадцатая,
в которой у Слады появляется
жених, а Серега Духарев совершенно
неожиданно для себя принимает
жизненно важное решение**

Мир, в который инкарнировался, переместился или... ну, в общем, как-то угодил Серега, понемногу обретал знакомые черты. Исторические.

Где-то на севере стоял Новгород – родной город Сычка. Где-то на юге – стольный град Киев, в котором мазу держал некий Игорь, который, говорили, княжил послабже, чем его предшественник Олег. В Киеве бывали многие, в частности Слада и Мыш. Мыш, правда, по младости лет почти ничего не помнил, а Слада утверждала, что город хороший, красивый, побольше самого Полоцка, не говоря уже о Малом Торжке. И земли на юге хорошие, родят хорошо, если с дождями задержек нет. Одно плохо: степняки время от времени наезжают: дани требуют, а то и просто жгут, режут да в полон тащат. Но это дело обычное. Вон две осени тому нурманы, что шли вниз, от волока, пристали в Торжке, да и решили, волчья порода, поживиться. Хорошо, Скольд с дружиной в кремле сидел, а нурманов было всего полтора десятка. Только грабить по дворам начали, Скольд со своими и уда-

рил. Ну и народ, конечно, помог. Побили нурманов. А нурманы, кстати, в Киев шли, отметил Мыш, Игорю киевскому служить.

Олег, Игорь, Киевская Русь... Знакомые слова. Правда, из истории Серега мало что помнил. То есть помнил, что есть такое «Слово о полку Игореве», где вроде этого, а может, и не этого Игоря побили хазары... Или не хазары. Нет, хазары, это про Олега. Чего-то там «...собирается вещей Олег отместить неразумным хазарам...» А потом его еще змея укусила. «Злая гадюка кусила его, и принял он смерть от коня своего». Интересно, правда это или байка?

– Мыш, а Олег, который в Киеве княжил, как он умер, не знаешь?

– Как же не знаю! – самодовольно отозвался Мыш. – Стрелой его побили. В поле.

Понятно. Либо история про коня и змею – из фантазии летописцев, либо это не тот Олег и, соответственно, не тот Игорь, а значит, знаниям Духарева о здешнем будущем – грош цена. Хотя им и так и так грош цена. Ничего он не помнит. 1242 год. Ледовое побоище вроде? Новгород, Александр Невский. Святой. Литпамятники. «Слово о полку Игореве». Это, может, и в тему, но от знаменитого «Слова» в памяти – одно название. А Игоря, кажется, древляне убили. Или не Игоря? А Владимир Русь крестил. Тысячу лет назад. То есть еще не крестил. Значит, тысячный год еще впереди.

«Вот и определились с хронологией, – мысленно усмех-

нулся Духарев. – Что тут поделаешь? Раз не гожусь в пророки, буду осваивать другую специальность».

С другой специальностью, то есть с квалифицированным мордобитием на радость кредитоспособной публике, все обстояло замечательно. Новый Торжок был бойким местом. Вниз по Сулейке, от волока в Двину, постоянно шли лодыи. А по дорогам, тоже сходящимся к Торжку, торопясь использовать сухое время года, ползли возы с добычей лесовиков, со всем тем, что не успели отправить до весны, когда здешняя земля превращалась в сплошную непроходимую топь. Часть добычи скупали торжковские купцы, часть – пришлые. Учтенная доля отходила князю. За этим присматривали Скольдовы приказные. Лесодобытчики закупали снаряжение на зиму. Но в любом случае в руках торжковских оставалась немалая толика серебра: азиатских дихремов, ромейских монет с профилями императоров, рубленых славянских кун, витых гривен, резанов – совсем крохотных огрызков всего лишь по несколько граммов весом. К некоторому удивлению Духарева, выяснилось, что ни молодой, только что вокняжившийся полоцкий князь Роговолт, ни киевский Игорь монет не чеканили. Серебро все брали по весу. Еще учитывали качество. Те, кто в этом разбирался. Золото было в ходу только у самых знатных. Расплачиваться золотом, скажем, за наконечники для стрел или лисьи шкурки никому в голову не приходило. И на кон тоже ставили в основном серебро, иногда – ценные вещи по цене, что, впрочем, Сере-

гу, Чифаню и остальных вполне устраивало. Кстати, наживались они в основном на пришлых. Торговые гости, скажем, из Плескова ставили своего борца и, соответственно, ставили тоже на него. Если пришлый борец оказывался Сычку не по силам (такое случалось все реже, но все-таки случалось), ставки удваивались, и в круг выходил Духарев. Серега же, вполне изучивший здешнюю народную манеру: «Дави сильней, бей размашистей, авось попадешь!» – «делал» соперников играючи. Именно играючи, то есть давал возможность противнику помахать кулачищами и даже создать иллюзию близкой победы. И заваливал соперника быстро и аккуратно. Эффектные броски и прочее он оставлял Сычку. Такая «экономная» техника частично скрывала Серегины возможности и создавала у зрителя ощущение, что победа Духарева – случайна. А значит, можно рискнуть и поставить против него еще раз, особенно если против Сереги выступали двое или трое одновременно. Труднее всего было, когда против Духарева становился не какой-нибудь кузнечный подмастерье, с пудовыми кулачищами, а соблазнившийся вой³ из торговой дружины или даже сам купец, обиженный тем, что его ставленника вываляли в пыли. Эти ребятки бились совсем по-другому, но и их было заваливать не так уж трудно. Привычка к оружию делала их ущербными к рукопашной. Некоторые даже настаивали, чтобы им разрешили пользоваться дубинкой или шестом. Дескать, это ж не меч, а так, пустяко-

³ Вой – воин не княжьей дружины, ополченец или купеческий охранник.

вина. Вот в том же Новгороде, когда концы стенка на стенку идут, дубинка или там кистень деревянный не возбраняются. Новгородец Сычок готов был пойти на уступки, но Духарев был тверд. Никаких предметов. И установка себя оправдывала. За все это время Серега не только ни одной травмы не получил, но и даже мало-мальски сильного удара не пропустил. Главное – не дать себя схватить. Какой-нибудь кожемяка с пальцами, как клещи, запросто мог кусок мяса из бока вырвать.

Дела шли хорошо. Бочонок в семейном подполе понемногу наполнялся серебришком. Слада ходила торговать в свою лавочку в самоцветных бусах, которые стоили дороже всех трав и зелий в лавочке, вместе взятых.

Серега бы и золотом Мышову сестренку украсил, но Мыш отсоветовал. Не по званию ей золото носить.

Вследствие ли бус или еще по какой причине, но у Слады вдруг объявился жених. И не кто-нибудь, а старый приятель Сереги Трещок. Причем с девушкой Гораздов подручник даже разговаривать не стал, а заявился к «старшему в роду», то есть Духареву.

Наслышанный о Серегиных вкусах, Трещок приволок бочонок, который они на пару с Духаревым в процессе разговора и приговорили. Набравшийся Трещок, у которого и по трезвяни язык был, что помело, бесхитростно выложил свои расчеты. Рассчитывал же он взять с родичей Слады хорошее приданое, поскольку «сами ж видите; девка что ни лицом,

ни телом не вышла», а он, Трещок, – мужчина видный. Может, и родит от него девка что-нибудь приличное. Тут Трещок самодовольно погладил бороду и приосанился. У Сереги появилось большое желание взять «видного мужчину» за бороденку и выкинуть за ворота. Но Духарев сдержался, решил дальше послушать. И очень скоро узнал, что внешность да худородность невесты жениха, конечно, смущают, но он готов с этим смириться, поскольку работница Слада не ленивая, да и лекарка. А для мужских утех и рожания крепких отпрысков у Трещка ведомая, то бишь главная жена имеется. Так что пусть Серегей не думает, что Трещок такой глупый. Ну, сколько Духарев отстегнет, чтобы с ним, Трещком, правильным купецким пацаном, породниться?

Наивная самоуверенность Трещка обескураживала. Духарев даже слегка растерялся. Трещок продолжал трещать, а Серега думал, как бы его, убогого, выставить, не зашибив.

Надумал.

– Значит, – произнес он, – ты думаешь, что мне с тобой породниться – честь?

– А то! – гордо подтвердил Трещок.

– А я думаю: это тебе со мной породниться – великая честь!

– Чаво? – от удивления Трещок даже протрезвел немного.

– Того! – отрезал Духарев. – Приданого я не дам. Хочешь Сладу в жены взять да мне родичем стать – плати пятьдесят гривен. Тогда бери.

Дар речи Трещок сумел восстановить только через пару минут. Наверное, это был рекорд молчания для бодрствующего Трещка.

– Ты это... ума лишился? – тихо спросил Гораздов подручный.

Сереге пожал плечами:

– Я сказал – ты слышал.

– Ага... Слышал.

Трещок подобрал с лавки шапку, поглядел на Духарева с жалостью, как на душевнобольного:

– Бывай здоров, Сергей!

И ушел.

– Эх ты! – в сердцах бросил Духареву Мыш, который подслушивал под окном. – Зачем справного жениха прогнал? Кто ж ее, непригожу да безродну, теперя замуж возьмет?

– Я, – сказал Сергей.

**Глава девятнадцатая,
в которой Сереге Духареву неоднократно
предлагается связать себя брачными
узами, Чифаня приобретает
транспортное средство, а в
заключение ставится под сомнение
славянское происхождение Духарева**

– Я, – еще раз, спокойнее, повторил Духарев. – Или вашим законом это не дозволено?

– По Правде? Нет, по Правде можно. Токо глупо это.

– Почему – глупо?

– Смыслу нет, – Мыш поглядел на названного брата снизу вверх, но – покровительственно. – Ты ж так и так наш родич. Вот ежели бы она была не сестра, а жена моя, а меня убили, – тогда ты б ее взял. По чести. А так – чего? Хошь жениться? – Мыш оживился. – Так я те вмиг невесту найду! Хошь – из Чифаниных сестер кого сговорим? Любиму ты по сердцу. Ну, по рукам?

– Ты лучше заткнись, Мыш, – тоскливо проговорил Духарев. – А то ведь не удержусь, врежу тебе пониже спины!

– Нет, ну ты дурной, что ли? – Мыш постучал себя по лбу. – Ну на что тебе на Сладке жениться?

– По-твоему, я хуже этого рыжего хвастуна? – набычился Духарев.

– Не, не хуже!

– Так в чем же дело? Или она – не твоя сестра?

– Сестра, – согласился Мыш. – Но ты-то – мой побратим!

Заявлено было так, словно этим все сказано.

– Все! – отрезал Серега. – Я решил. А ты... В общем. Сладе пока не говори, – заключил он. – Сам скажу, когда... когда... В общем, когда надо будет.

– Нет, правду сказал Трещок: ты точно ума лишился! – объявил Мыш. – Или его у ты и не было, ума-то? – и отскочил раньше, чем Духарев вознамерился отвесить ему подзатыльник.

Чифаня купил коня. Верхового. За две гривны. Просто так. Это считалось роскошью. Купить коня не для рабочей надобности, а для удовольствия. Конечно, собственные лошади были у многих. У огнищан. У купцов. У гридней. Хотя гридни коней покупали редко. Брали жеребенка подходящих кровей и приучали. К себе, к бою. К такому коню чужому человеку и подойти было рискованно: забьет.

Чифаня приобрел себе обычного серого в яблоках небольшого коника со смешным, обрезанным почти под луковицу хвостом. Кличка у животного была Шалун. Но продавец уверял, что конек необычайно спокойный.

И тут Серега обнаружил довольно странную вещь: отсутствие стремян. Серега, конечно, на крутого лошадики не

тянул: так, катался пару раз в Сосновке для развлечения, но отсутствия стремян не заметить не мог. Все остальное: седло, уздечка, подпруга – имелось. А стремян не было. При том, что у других наездников Духарев стремяна видел. Правда, далеко не у всех.

Чтобы усесться в седло, Чифане пришлось использовать помощь Сычка. Всадник из Чифани был – так себе. Сидел в седле примерно как... сам Духарев. Но вид у Любимова внука был гордый донельзя. Тем не менее он разрешил и друзьям прокатиться.

Мыш воспользовался приглашением немедленно, однако, оказавшись в седле, проявил, скажем так, осторожность. Проехался шагом от одних городских ворот до других и обратно и не без облегчения слез. Серега, хотя и вспрыгнул в седло без посторонней помощи, тоже в галоп пускать конька не стал. И дал себе зарок: поучиться при возможности верховой езде. Конь, конечно, не автомобиль, но тоже средство передвижения. Для начинающего Шалун был конем идеальным. Послушным, спокойным. Любимый аллюр у него был: пощипывать травку.

Из четверых приятелей лучшим наездником оказался Сычок.

Обмывать приобретение отправились не на постоянный двор, а к Белке. Ее заведение имело то преимущество, что располагалось на открытом воздухе, а следовательно, хозяин мог, не вставая из-за стола, созерцать у коновязи свое четве-

роное приобретение.

Белка, рыжая бабища – минимум пятьдесят восьмой размер по кормовым обводам – лично подплыла осведомиться, довольны ли гости. При этом поглядывала на Серегу так многозначительно, что у Духарева возникли самые серьезные опасения на свой счет.

– А Белка-т на нашего Серегея глаз положила! – отметил Чифаня, когда хозяйка отплыла по хозяйственным надобностям.

– Ты давай, Сергей, не теряйся! – деловито сказал Сычок. – Баба справна, все при ей. Вдова, да не нища. Слы, Мыш, а давай мы его женим!

– А ты у него самого спроси! – фыркнул Мыш. – Хочет он женихаться к Белке?

– А чево? – удивился новгородец. – Сергей! Ты глянь, какая баба! – Сычок, раскинув руки, обозначил Белкины габариты. – Ну не молодушка, зато пива твоего любимого у ней – хоть залейся. Ну и нам, конечно, чего-нибудь перепадет. Женись, Сергей! Тут и думать нечего!

– Вот сам и женись! – отрезал Сергей. – На бочке с медом твоим любимым!

– Да она ж за меня не пойдет! – совершенно серьезно возразил Сычок. – Я ж Любимов закуп.

– Так откупись, – посоветовал Духарев. – Занять?

– Да есть у меня! – отмахнулся Сычок. – Че я, дурной, откупаться? Меня ж Любим враз со двора погонит. Так, Чи-

фаня?

– Это точно, – согласился Любимов внук.

– А тебе она не откажет, – продолжал напирать новгородец, которому идея халявной выпивки понравилась необычайно. – Ты парень видный!

Тут он был прав. Теперь Серегу уже никто не считал бы голытьбой. Прикинут он даже получше Чифани, ростом и плечами и раньше был не обижен, да и лицом, по местным меркам, вполне стал пригож, когда оброс светлой бородкой и сменил питерский синевато-зеленоватый цвет физиономии на здоровый торжковский румянец.

Сычок между тем продолжал описывать несравненные преимущества женитьбы на хозяйке харчевни. Когда он по третьему кругу принялся восхвалять достоинства здешних подвалов, Серега не выдержал.

– Все! Достал! – зарычал он. – Еще слово – и в глаз, понял?

Сычок моментально заткнулся, поглядев опасливо на Серегин сжатый кулак.

С кулаком этим Сычок был знаком достаточно близко и продолжать знакомство в условиях приятного отдыха совершенно не желал.

Через некоторое время к ним за стол подседа компания Чифаниных приятелей во главе с пушным добытчиком Шубкой. Шубка активно сколачивал ватажку, чтобы, как только подморозит, двинуться в некие Черные Мхи – на охотничий промысел. Собственно, ватажку он уже почти собрал. Оста-

лась мелочь – раздобыть денег на припасы и снаряжение. Будущие ватажники – парни brave, но, увы, в основном пришлые, безденежные. Сейчас половина этих парней трудилась на Чифанина деда – за кормежку и мелкую – не разбогатеешь – поденную плату. Промысловый инвентарь тоже можно было взять у Чифанина деда, в кредит, но – за третью долю. А третью долю Шубке и остальным было жалко. Вот ежели бы сам Чифаня с ними пошел, глядишь, Любим сделал бы скидку. По мере уменьшения количества меда планы ватажки становились все грандиознее.

Чифаня слушал и помалкивал. Присматривался.

Через некоторое время Духарев и Чифаня отошли от стола по естественной надобности, а на обратном пути Серега спросил приятеля:

– Чифань, помнишь, как ты меня в тот первый день ошарашил?

– Биткой, что ли? Ну, помню.

– Она у тебя с собой?

– Она всегда со мной.

– А врежь-ка мне еще раз!

– Что, всерьез? – удивился Чифаня.

– Ага!

Чифаня молча сунул руку за пазуху, кистень свистнул... и шарик оказался в ладони Духарева. Как он и предполагал, это оказалось совсем не трудно. Не сложнее, чем поймать на лету теннисный мяч.

– А еще?

Чифаня крутнул шар на цепочке, выбросил руку... И Духарев опять поймал битку. На этот раз он заметил, что Любимов внук его щадит: придерживает руку.

– Да не жале́й ты меня! – воскликнул он сердито.

– Ага, не жале́й! А зашибу – виру кто будет платить?

Чифаня огляделся. На лавке, рядом с одним из его приятелей, лежала войлочная шапка, вроде тех, что надевали под шлемы здешние ратники.

– На-ка, надень! – потребовал Чифаня.

Сереге нахлобучил войлочный колпак.

Чифаня отошел на шаг, размахнулся и ударил. Длинно, с вывертом... И с тем же результатом.

Минут десять Чифаня так и эдак пытался достать Духарева, но попал только один раз, по ребрам. Больно, но вполне терпимо.

– Все, – заявил он. И сунул кистень за пазуху.

Сереге повернулся к столу... и обнаружил, что вся компания глядит на них, пооткрывав рты.

– Слышь, Серегей, – проговорил Сычок. – А ты, часом, не нурман?

Глава двадцатая

Без названия, но зато с эпиграфом

*Маленький человечек
На узком карнизе башни.*

*Он засыпает вечером.
Видит во сне нестрашное.*

*А раз бояться нечего,
Можно и покапризничать...*

*Маленький человечек
Спит на узком карнизе.*

Автор

Серге снился Дом. То есть не его комнатуха в коммуналке на Дербях с видом на трамвайные пути. Просто Питер. Маленькая кафешка на Рижском проспекте, в которой они планомерно и систематически надирались с бывшим мастером спорта по биатлону, а теперь солдатом удачи Пашей Влакисом. Паша был старше Сереги на три года, и особой дружбы между ними не водилось. Больше того, Серегу уже выперли из универа, и армия ждала его, широко распахнув гноящиеся «горячими точками» объятия. Следовательно, будущий салабон Серега Духарев и профессиональный наемник Паша Влакис могли этак через полгодика сойтись по разные стороны «передка» в терпеливой снайперской дуэли. И победа в этой дуэли наверняка принадлежала бы Паше, а не Сереге, поскольку Паша стал профи еще в Молдове, а стрелял всегда лучше, чем Духарев.

Об этом не говорили. О войне сначала вообще не говори-

ли, потому что Паша сразу заявил: не будем. Но после литровой бутылки «Смирнова» разговор все-таки сполз на острую тему.

– Главное – не выеживайся! – Влакис глядел на Серегу налившимися кровью глазами. Он был пьянее Духарева, но заметно это было лишь по легкому прибалтийскому акценту, прорезавшемуся в его речи. – Сиди тише, зарывайся глубже. Вперед не лезь. *Никогда*. Тебе платят бабки за кровь.

Влакис забыл, что Духареву никто платить не собирается. Серегину кровь государство получит на халяву.

– Тебе платят бабки – вот и все. Какой-то козел наварирует грины на крови и платит тебе, чтобы ты жрал говнище вместо него. И ты жрешь. Потому что тебе платят. Но если ты при этом громко чмокаешь и просишь добавки, то ты – полный... Короче, давай! За жизнь! Чтобы она, сука, нас не динамила! – Они выпили, закусили горелыми котлетками – им было все равно, чем закусывать, – и Влакис продолжал: – Там, бля, так: чемпионов нет. Чемпионы в Думе заседают. А кто в броне жарится, тот всегда в ауте, понял? Попал в говно – не чирикай, понял?

– Понял, – сказал Серега.

– Молодец, – похвалил Паша. – Ты, главное, не выеживайся. И вперед не лезь. Назад тоже не лезь. В середине держись. Но не в куче. Один. По одному «градом» уютить не будут. То есть первое – выжить! Понял?

– А второе?

– Выжить!

– А третье?

– Выжить! Не сдохнуть! И первое, и сто, бля, девяностое!

Выпьем!

Выпили.

– Слушай, Паша, а на хрена тебе все это надо? – спросил Духарев. – Ты что, иначе не можешь деньги зарабатывать?

– Могу! – Влакис энергично кивнул. – Не, не могу! Не в смысле бабок! По фиг, дым! Это, блин... Короче, Серый, живем раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди все горело, а сзади, то есть позади, – все рыдало! А ты идешь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! Потому что вокруг все дымится и кишки на проволоке, но не ты горишь, и кишки – не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и все у тебя трясется, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь – и такой кайф, понял! Не, Серый, ты не поймешь! Короче, выпьем!

Как ни странно, но Серега понял. Не то чтобы въехал, но башкой уразумел. И выводы сделал. Свои. Нет, кайфа от сидения в говне или от чужих кишок на колючке он ловить не научился. Но принцип понял. Будешь страдать: как же это я так залетел? Как же это: меня – и убить хотят? Угодил в болото – не хлопай крыльями. Но и клювом не щелкай. Тогда выберешься. И грязь отмоешь. И если пуля не в башке застряла, а только по затылку чиркнула, то это тоже пруха. Но еще лучше башку под пули вовсе не подставлять. Все же

человек, а не змей Горыныч. Одна она у человека, башка-то!

Почему Сереге приснился Паша Влакис, которого он и не видел с тех пор ни разу? Кто ж это знает? Но проснулся Серега до петухов. Сна не было.

Серега вышел во двор, постоял, поглядел на белые игольчатые звезды, подышал чистым воздухом. Двор, забор, за забором – чужой странный город. За городом – река. На реке рыба плещет и лягушки квакают. Река – настоящая, это точно. Да и город, наверное, тоже настоящий. Наверное...

Серега медленно пересек двор, открыл калитку. За калиткой не было ничего. Пустая тьма...

Серега постоял немного, держась за столб, затем осторожно закрыл калитку, повернулся и пошел в дом.

Досыпать.

Глава двадцать первая, *из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка*

Серега взял у Мыша холстину и вытер взмокшую грудь. Зрители понемногу расходились. Те, кто ставил на Духарева, толпились вокруг Чифани. Таких было много: Серега стал признанным лидером. Против него закладывались только пришлые да еще такие, кто надеялся за грош получить гривну.

Круглощекая босоногая бабенка в кике⁴ с «рожками» протянула ему кувшинчик с квасом. Серега опростал его в три глотка.

– Спасибо, родная!

Бабенка загадочно улыбнулась, взяла его за руку и потянула за собой. Серега противиться не стал: ему было любопытно.

Любознательность Духарева была удовлетворена очень скоро. Бабенка увлекла его в какой-то сарайчик, сняла головной убор, под которым оказалась белая коса толщиной почти с Серегино запястье. Бабенка нежно улыбнулась и завалилась на спину, на сено, задирая юбки. Моды на нижнее белье в Торжке не водилось.

– А голову мне не отрубят? – осведомился Духарев.

– Дурачок! – Бабенка облизнулась. – Все видели, как я те испить дала! Ну давай же, давай!

Серега поглядел на раскинутые округлые ножки с грязными пятками, подумал: наверное, не стоит...

«Стоит, стоит! – не согласился Серегин организм. – Еще как стоит!»

Бабенка расшнуровала лиф, чтобы Духарев мог убедиться, что и сверху у нее тоже кругло, бело и аппетитно.

Процесс снятия штанов никогда не занимал у Сереги много времени.

– Ах! – воскликнула сочная блондиночка, увидав алые

⁴ Головной убор замужней женщины.

плавки.

– Ох! – выдохнула бабенка, когда он эти плавки снял.

Дальнейшее протекало в молчании, если не считать длинного глухого стога, испущенного инициативной красоткой, когда Серега проскочил первый этап дистанции.

Стоило ему привстать, как красавица проворно вышуршалась из-под него, сладенько потянулась, подтерлась подолом и принялась зашнуровываться.

– Эй! – удивился Серега. – Ты что, спешишь?

– А чего? – в свою очередь удивилась пышечка.

– А повторить?

Блондиночка нахмурила лобик, потом сообразила, расплылась в улыбке, снова расшнуровала лиф и завалилась на спинку.

– Нет уж, – заявил Серега. – Вариант: банкир-секретарша мы уже отработали. Давай теперь подойдем к делу ответственно.

Бабенка явно ничего не поняла, но, когда Серега взялся извлекать ее из одежек, противиться не стала. Одежду Духарев аккуратно разложил на соломе, чтоб не так колко было, хотя на этой самой одежде было столько плохо обработанного металла, что на подстилку она годилась с большой натяжкой. На шейке у блондиночки обнаружили аж три шнурка и тяжелая серебряная гривна. Гривну Сереге удалось снять, а при попытке освободить ее от прочих украшений: стилизованного медного петушка, мешочка с неизвестным содер-

жимым и золотого полумесяца с мизинец длиной – бабенка выразила бурный протест. Серега настаивать не стал, разложил милку на рабочем месте и принялся обрабатывать по всем правилам.

Блондиночка сначала похихикивала, но очень скоро хихиканье сменилось вздохами, постаныванием и прочими более подходящими процессу звуками. Несмотря на явную новизну ощущений, нежная красотка завелась быстро и круто и активно попыталась перейти к основной части шоу. Но Духарев торопить события не позволил и приступил к кульминации, только когда гладкокожая любительница приятных ощущений начала рычать и повизгивать. Но и в финальной фазе Серега любил разнообразие, а потому когда, после дюжины описанных классиками эротической литературы позиций, он наконец совершил то, ради чего природа и наделила мужчин и женщин сексуальностью, блондиночка совершенно охрипла.

Духарев, впрочем, тоже изрядно устал, повалился на солону и подумал, что было бы совсем недурно выкурить сигаретку. Вообще-то Серега не курил, но была у него невинная привычка: потрахавшись, выпить бутылочку светлого пивка и подымить стрельнутой у подружки какой-нибудь «кэм-эл-лайт».

Пока Духарев мечтал, блондиночка немного оклемалась и принялась со всей тщательностью вылизывать ему живот... и ниже. Причем именно вылизывать, а не... нечто большее.

Сергея не протестовал. В конце концов, он заслужил.

Одевала его блондиночка тоже собственноручно. Красные плавки попыталась заначить, но Серега не позволил. Где он другие возьмет?

Расставались они очень мило. Красотка, густо краснея, потупившись и с разными нежными словами типа «мой бычок», Духарев – сдержанно, поглаживая мягкую спинку.

Смущение красотки закончилось, когда она отперла дверь сарайчика и обнаружила добрую дюжину малолеток, не успевших отлипнуть от щелей в стенках.

«А я-то решил, что она выдохлась», – подумал Серега, не без восхищения наблюдая, как бабенка, взбивая пыль, размахивая подвернувшейся хворостиной, мчится за улепетывающей со всех ног любознательной молодежью.

«Делу время, потехе час», – подумал Духарев и отправился разыскивать Мыша, чтобы предложить названому братцу пообедать.

По пути Серега вспомнил о Сладе, о том, что городок маленький и велика вероятность, что о Серегиных «подвигах» могут рассказать и Мышовой сестренке. Почему-то от этой мысли замечательное настроение у Духарева стало чуточку менее замечательным.

Глава двадцать вторая,
*в которой подтверждается старое
правило: если дела идут хорошо – жди
неприятностей, если дела идут очень
хорошо – жди больших неприятностей*

Лафа кончилась. В город вернулся Скольд.
От Чифани примчался заполошенный пацаненок.
«Княжий наместник зовет!»

Пошли.

Чифаня, один, без Сычка, ждал у Детинцовых врат.

– Что стряслось? – спросил Духарев.

– Посыл ко мне прибежал от Скольда, – мрачно сообщил

Чифаня. – Желает, мол, наместник, чтоб явились пред его
очи устроители неподобающих игрищ.

– И что теперь? – глуповато спросил Серега.

– Поглядим, – буркнул Чифаня, отводя глаза. – Может, и
обойдется...

«Боится, – подумал Серега. – Мог бы сказать: во что ты
меня втянул? Не скажет. Гордый».

Деревянные стены Детинца уже примелькались Духареву,
стали такими же знакомыми, как месяц назад – площадь пе-
ред метро «Балтийская». А вот внутри он с того, первого,
раза больше не бывал.

Ворота, так же как и в тот раз, были приотворены. Их никто не охранял, в отличие от городских. Понятно почему. Большой вражеский отряд незаметно не подберется, а мало-го Скольдовой дружине бояться стыдно.

Ворота не охранялись, но на крылечке сидел незнакомый гридень: зрелый мужик с обвязанной серебряной нитью косой. Раз с косой – значит, с юга. Северяне кос не плели, а варяги и вовсе стриглись коротко, чтоб шлем носить сподручнее да живность всякая не заводилась.

– Кто такие? – не потрудившись встать, спросил гридень.

Друзья назвались.

Гридень кивнул, поднялся, свистнул.

Появился отрок. Молодой. Лет шестнадцати, но уже опоясанный мечом.

– Этих двоих – к батьке, – распорядился гридень. И Мышу: – А ты куда? За тебя никто не говорил.

– Я – с ними! – пискнул было Мыш, но гридень поймал его за шкурку. – Сказано – стой! А вы че ждете? Пинка под зад?

Сереге удержался от того, чтобы выразить свое мнение о Скольдовом воине вслух. И так ясно, что подарков им дарить не станут. И не стоит прямо с порога нарываться на скандал. Тем более что оперативность, с которой княжий наместник осуществлял наказание виновных, Духарев видел собственными глазами.

Отрок, в отличие от южанина, Чифане был знаком. Поэтому он рискнул спросить:

– Сам – как?

– Увидишь! – посулил отрок.

По его физиономии чувствовалось: приятного зрелища Чифане ждать не стоит.

Увидев, куда их привели, Чифаня, судя по всему, окончательно пал духом.

Длинный зал, хорошо освещенный, с высоченными стрельчатыми окнами. Свежий ветерок невозбранно гулял по обширному помещению. Летом это было приятно, а зимой, наверное, не очень.

«О чем я думаю! – одернул себя Духарев. – Да нас, похоже, сейчас судить будут!»

Собравшиеся в зале действительно напоминали трибунал.

Скольд, князев наместник, в блестящей броне, восседающий на высоком кресле. По правую руку от него – аскетического вида старик с гладкой белой бородой, увешанный всякими фенечками и прибабасами, с посохом, в колоритной шапке с желтыми оленьими рогами – тяжелый, должно быть, головной уборчик. Дед – наверняка жрец кого-то из местных богов. Скорее всего, Волоха. По левую руку от Скольда расположился городской старшина, тоже дедушка, заслуженный, из «гостей». «Гостями» же здесь называли купцов, что ходили дальше прочих. В Царьград, например. Очень важный дедушка и очень сердитый. Серега не ко времени вспомнил, как слышал от Мыша: дедушка этот трижды, через домощадцев, ставил на проигравших и влетел, вероятно, на при-

личные бабки.

«Надо было ему презент сделать!» – подумал Серега, но эта мысль явно припозднилась. Поздно пить боржом, когда почки отвалились.

Среди прочих важных персон Духарев углядел знакомого огнищанина, старшину деревянных дел мастеров (этот глядел с сочувствием) и... старого приятеля Горазда.

– Слыхал я, – начал наместник, – затеяли вы люд честной обирать по ромейскому обычаю?

– Почему по ромейскому? – удивился Духарев.

– Молчи! – прошипел Чифаня.

Наместник вроде и не услышал реплики.

– Людей обирать да в игры играть, что лишь в священных местах да во славу великих пращуров играть положено, – продолжал Скольд. – А дело это худое и большую беду кличет. Признаете вину свою?

– Да, – тихо проговорил Чифаня.

– Нет! – громогласно заявил Сергей.

– Чужак, он и есть чужак! – фыркнул Горазд. – Его это умысел! И богов отчих наших он хулил...

– Это как же, интересно, я их хулил? – возмутился Духарев столь явным поклепом.

– Да всеми деяниями своими непотребными! – усмехнулся Горазд.

– В огонь кощуна! – грохнул посохом длиннобородый.

Ни хрена себе! Он что, всерьез?

Сергея покосился на Чифаню. Тот стоял бледный и несчастный.

– Кто еще слово молвит? – грозно спросил Скольд.

– Я! – произнес старейшина плотников.

Сергея глянул на него с надеждой. Напрасно.

– Чужаку – смерть, – сухо сказал старейшина. – А за Любимова внука я так скажу. Соблазнил его чужак, потому негоже убивать парня. И Любима обидим: то ж родич его. Наказать нужно. Дюжину плетей дать – и ладно.

– Дюжину? – скривился городской старшина.

– Да не сдюжит он боле! – настаивал «деревянный» мастер. – Вишь – хлипкий! К работе родовичей не годный. Потому и к дурному пристал.

– Верно, – поддержал плотника огнищанин, которого Сергей пару раз видел на Любимовом подворье. – Дюжины хватит. А чужака Перуну отдать!

– Пускай, – согласился городской старшина. – Но хищенное обкраденным возвратить следует.

– Сначала – вира князю! – строго произнес Скольд.

«Да это же они наше имущество делят!» – сообразил Сергей.

– Чужака Перуну отдать не годится! – возразил Горазд. – Он – не добыча воинская и не рода нашего. Чужак, я слышал, белому богу поклоняется. Так? – Он обращался не к Духареву, а к Чифане.

– Так, – упавшим голосом подтвердил тот.

– Вот! Сей дар не утолит Перуна, а осквернит! – объявил Горазд.

– Огонь все очистит! – бухнул посохом фенькастый жрец. – В огонь кошуна!

«Ах ты пердун рогатый!» – подумал Серега. Поглядел на окна. Выскочить можно... Если стрела не догонит. А если не догонит – то дальше что? Куда бежать? И к кому? И где гарантия, что эти не решат на Мыше со Сладой отыгаться? За родича.

– Что Перуну угодно – мне решать, волох! – осадил дедушку Скольд. – Говори дальше, Горазд.

– Я вскорости в Киев на лодьях побегу, – сказал купец. – Чужака возьму и вместе с прочей челядью продам. Они за своих единоверцев добрый выкуп дают. А не дадут – так продам, но это вряд ли. Ихний он. Там в те ж игры играют. Осташ, ты к ромеям ходил: правду я говорю?

– Правду, – неохотно согласился городской старшина.

– А я говорю – в огонь кошуна! Иль кровь ему на священном месте отворить! – закричал жрец, вскакивая. – Накличешь беду, воин!

– Может, себе его возьмешь? – спокойно спросил Скольд.

– Мой господин крови не радуется. – Дед тут же успокоился и сел на место.

– Это мы знаем, – сказал один из княжьих воев. – Твой господин иное любит, да мы слыхали, чужак и в этом не промах.

Присутствующие заухмылялись. Напряжение в зале чуть-чуть спало.

Сереге, который все это время лихорадочно думал, как вывернуться из ситуации, кажется, отыскал лазейку.

«Была не была! – подумал он. – Терять мне нечего. Сожгут, зарежут или в рабство продадут. Хрен редьки не слаще!»

– А можно мне сказать? – крикнул он.

– Твоя вина установлена! – отрезал Скольд.

– А я не о моей вине говорить хочу!

– О чьей же?

– О твоей! – дерзко бросил Духарев.

В зале на несколько мгновений стало совсем тихо.

– Что ты сказал? – грозно сдвинув брови, осведомился наместник.

– Ты слышал! – с вызовом заявил Сергей. – Дашь мне говорить или как?

И как в их первую встречу, уловил в глазах воина нечто вроде одобрения: любил Скольд отвагу.

Горазд шевельнулся, порываясь что-то сказать, но не рискнул.

– Говори! – сурово произнес наместник.

– Помнишь ли ты, грозный в битве любимец великого Перуна, как я к тебе пришел однажды проситься в гридни? – спросил Сереге.

«Грозный в битве» и прочее пришло ему на ум только по-

тому, что он понятия не имел, как следует обращаться к военному вождю. А уж про Перуна он ввернул, чтобы опровергнуть Гораздово обвинение в богохульстве.

– Помню, – кивнул наместник, не догадываясь, куда клонит Духарев. – Только какой из тебя гридень! Смех один!

– А что ты мне сказал, бесстрашный сеятель вражьих погостов, помнишь?

– Ну речет! – вполголоса произнес один из княжьих воев другому. – Чистый нурман!

– Что я тебе сказал? – нахмурился Скольд, пытаясь вспомнить, что он такое наговорил чужаку. Нет, не вспомнить. Только ему и дел, что разговоры свои со всякими бродягами запоминать!

– А сказал ты мне так, гроза недобрых гостей... – Духарев сделал торжественную паузу: – «Иди-ка ты лучше на торгу народ веселить!» Не помнишь?

– А-а-а... – Лоб Скольда разгладил: он тоже вспомнил. – Да, я так сказал.

– И от слов своих не отказываешься?

– Я от своих слов не отрекаюсь, чужак! – Наместник снова грозно сдвинул брови. – Дальше говори, если есть что сказать.

– А я все сказал, – Серега изобразил крайнюю наивность. – Ты велел – я и пошел. На торг. Народ веселить.

Купец Горазд задрал бородищу и стукнул себя по колену: до него дошло.

До Скольда дошло мгновением позже, а Серега тем же невинным голосом продолжал:

– Вот я и веселил, как умел. А что кому-то не шибко весело было, так и это нормально. Веселых-то все равно больше. Можно хоть у народа спросить?

– Выходит, это я тебе велел непотребные игрища затевать? – осведомился Скольд.

– Выходит, ты, – ответил на чисто риторический вопрос Серега. – А уж если я что не так сделал – моя вина, это признаю! И виру заплачу, какую скажешь, без базара, то есть сколько назначишь – столько и заплачу!

Он очень надеялся, что сумма не окажется запредельной.

В зале повисла напряженная тишина. Серега гордо выпрямился. Собственная логика показалась ему безупречной. И не ему одному.

– Заплатишь, – грозно произнес наместник. – И немало. А теперь ступай отсюда! – Скольд наклонил голову, но Духареву показалось, что губы Скольда, спрятанные густыми усами, кривятся в улыбке. Нет, классный мужик этот Скольд!

– Выдр, убери его с глаз моих! – бросил наместник.

– Ступай! – отрок подтолкнул Серегу. – Слышал, чего велено?

А виру наместник назначил, точно, немалую. Ободрал как липку. Чифане еще и у деда занять пришлось. Вот такие дела.

Глава двадцать третья, в которой друзья строят планы на будущее

В общем, бизнесмен из Сереги не вышел. Ни там, ни здесь.

Кучка резаного серебра, пара-тройка заморских монет, одежда да нож в дареном чехле.

Вечером, как обычно, друзья собрались на постоялом дворе.

– Эх-хо! – горевал Чифаня. – Скоро ж летние Дажьбоговы празднества! Народу съедется – тьма.

– Брось, – махнул рукой Мыш. – На празднике княжи гридни биться будут да волохи чудеса чудесничать. Куда уж нам!

– Не скажи, Мышка! – возражал Чифаня. – На воев заклад не поставишь, а мы...

– Сычок, а как ты, новгородец, к Любиму в закупы угодил? – спросил Духарев.

– Как, как... Обычно! – Сычок отхлебнул меду, закусил румяным крендельком. – Подрядился купчине одному служить. Приехали сюда, расторговались. Я долю свою взял... Ну и погулял маленько... До заморозков. Че делать? Пошел к Любиму и продался. А Любим меня к Чифане приставил. Грит, внук у него умом востр, да телом слаб. Гляди, чтоб не

обидели. Ну я и гляжу.

– По своим не скучаешь? – спросил Духарев. Он знал, как трепетно местный люд относится к родичам.

– Скучаю, как не скучать, – согласился Сычок.

– А по дому?

– А че по нем скучать? – удивился Сычок. – Я – пятый сын. Век буду под старшими ходить да спину гнуть со света до ночи. Вот кабы меня Любим к чанам приставил – может, и скучал бы, что не на свою кровь тружусь. А так... Мне моя жисть нравится!

– А дальше – что? – не унимался Духарев. – Теперь, когда Скольд нам на торгу бороться запретил, что теперь делать станешь?

– То пусть Чифаня думает! – отмахнулся Сычок. – Он умный. Небось уже и надумал чего-нибудь.

Сычок оказался прав. Чифаня надумал. Податься из городка. Сразу после Дажьбоговых празднеств. Конь у них есть. Повозку, с верхом, он уже на своем подворье присмотрел. Ломаную, но починить можно. Если отправиться, пока дороги сухие, на прокорм да зимовку заработать можно. Скоморохи ж зарабатывают. Если Мыш с Серегой захотят – пускай присоединяются.

– Хотим! – тут же заявил Мыш.

– А Слада как же? – спросил Духарев.

– Так мы ж вернемся! – сказал он. – Побродяжничаем малость, а к урожаю – домой. Так, Чифаня?

– Можно и так. Поглядим, – солидно ответил Любимов внук.

– Это дело верное! – с энтузиазмом произнес Мыш. – Всяко лучше, чем с Шубкой на Черные Мхи идти!

Сергеа вышел во двор, по надобности, заодно поглядел на небо. Солнышко уже спряталось.

Вернувшись под крышу, он быстренько дохлебал пиво и встал.

– Счастливо, братки, я вас покидаю! – сообщил он. – У меня тут дельце одно.

– Знаем, знаем! Дельце с тельцем! Гы-гы-гы! – сострил Сычок.

Шутка, впрочем, была не его – Чифанина. Но Чифаня пошутил однажды, а Сычок уже раз десять.

Сергеа вернулся домой с первой звездой. Мыш был уже дома. После того как княжий наместник «закрыл» их «фирму», кореша не оставались за столом до полночи.

Брат и сестра сидели в дворике. Мыш – просто так, а Слада плела лечебный браслетик из собачьей шерсти. Темнота ей не мешала.

– Как потетешкался? – с ухмылочкой осведомился Мыш. Сергеа пихнул его в бок: болтай меньше.

Духарев еще не сделал Сладе официального, так сказать, предложения. И его отношения с юной девушкой были совершенно целомудренны: они даже не поцеловались ни разу. И все-таки...

– Мыш говорит: вы на заработки собрались? – спросила Слада.

– Есть такая идея, – без особой охоты подтвердил Духарев. – После ваших праздников.

– Это не наши праздники! – строго и важно поправила Слада. – Это буйство еллинское, дикое, христианам неподобающее.

– Ха! – воскликнул Мыш. – Это ромеям нельзя, а нам можно! Ты сама как, будешь травы в Сварожью ночь собирать?

– Так то травы, – смутилась Слада. – Про травы в книге ничего не написано.

– В какой книге? – заинтересовался Духарев.

– Мудрого святого Прокопия всеобщем лечебнике, – ответила Слада и повторила то же самое по-гречески, чего Серега, разумеется, не понял.

– У тебя есть эта книга?

– Нет, – огорченно ответила Слада. – Мы ее продали. Но я наизусть все помню, так что это ничего. А про травы там ничего не сказано. Зато про жертвы кровавые да игры похотливые – сказано: великий грех. А пастыря, чтоб исповедовал да прощение от Господа Христа даровал, – нет.

– А я слышал: в Киеве храм Господень строить будут! – вмешался Мыш. – Князь дозволяет.

– А сам князь – не христианин? – заинтересовался Духарев.

– Да ты че! – воскликнул Мыш. – Князь же воевода, первый Перунов жрец! Как ему христианином быть можно?

– А гридню можно?

– Среди княжьих варягов, из тех, что ромеям служили, многие – истинной веры! – вмешалась Слада.

– Значит, гридню можно! – сделал вывод Мыш. – Да тебе что, Серегей? Ты ж гриднем не будешь?

– Это почему? – слегка обиделся Духарев, который еще не оставил надежды примкнуть к воинскому сословию.

– Потому. А вот я мог бы, кабы меня Скольд в детские взял. Будь батька наш – из дружины, он бы меня точно взял. А ты, Серегей, уже не годишься. Старый. Поздно тебе ратному делу учиться. А я бы...

– Пошли спать! – решительно заявила Слада. – Мне до свету вставать. И тебя, Мыш, тоже подниму. Пойдешь репу полоть.

– Ну... – протянул Мыш, которому такая перспектива радости не доставила.

До сих пор он отлынивал от сельскохозяйственных работ под предлогом занятости. Но после запрета «тотализатора» оправдываться стало нечем.

Серегу тоже с утра ждала работа. Такая же неквалифицированная, как прополка. Чифаня «подписал» его и Сычка на строительные работы. Плотник из Духарева был никакой, зато спина здоровая, а бревна таскать можно и без специальной квалификации.

Глава двадцать четвертая

Канун Дажьбогова праздника

– А кто найдет папоротников цвет, тому все тайное откроется: клады, схоронки, дива лесные. А сам он невидим станет для людей и духов и даже самой Морены-Смерти... – Мыш закатил глаза и всей своей веснушчатой мордашкой изобразил ужас и восхищение. – А цветет он, папоротник то есть, единожды в тыщу лет и токо одну ночь. Такую, как седнишня.

Мыш и Серега сидели на берегу Сулейки с удочками. А в соседней роще вовсю кипела подготовка к празднику. Практически все население Малого Торжка, исключая разве младенцев да совсем ветхих старцев, готовилось к трехсуточному непрерывному веселью.

За три дня до этого Скольд собрал всех вольных мужчин, способных носить оружие, и увел вместе с дружиной на Перунов холм.

Духарева, как иноверца, не пригласили, чем он был, честно говоря, огорчен. Перуновы игры почитались тайными, сокрытыми от женщин и чужих. Вообще по старине полагалось, что каждый род творит их самостоятельно от прочих. Но в последнее время эта традиция претерпела изменения. Хотя бы потому, что первый воин Торжка и, следовательно, первый Перунов жрец был пришлым варягом, а не коренным

кривичем. По Перуновой Правде любой мог оспорить право Скольда, скрестив с варягом оружие пред его, Перуна, идолом. Кровь проигравшего считалась жертвенной, но ни один из торжковских исконных родовичей, даже совсем глупый и самонадеянный, не был самонадеян и глуп настолько, чтобы не знать совершенно точно, чьей именно кровью вымажут после поединка усы и губы идола. Только среди Скольдовых гридней были достойные противники князьему наместнику. Но гридень никогда не пойдет против «батьки».

В общем, пришлый варяг Скольд успешно насаждал принятую на юге традицию: за несколько дней до Дажьбоговых празднеств устраивал для будущего возможного ополчения военные сборы. Поселяне-кривичи относились к этому «новшеству» с большим неодобрением, поскольку предпочли бы вместо этого работать на своих полях. Вероятность же нападения врагов в полоцком княжестве была существенно ниже, чем на киевских землях, где до Великого Поля – рукой подать. Но «район» здешний был «промышленный», а не сельскохозяйственный, и Скольд мог не прислушиваться к недовольному ворчанию огнищан.

Зато к нему прислушивался Духарев и поэтому был неплохо осведомлен о том, что происходит на «тайных Перуновых Играх». Однако ж пойти к наместнику и попросить разрешения присоединиться к местным «партизанам»⁵ не рискнул. Потому что именно этого требовал волох на кня-

⁵ «Партизаны» – отслужившие, призванные на военные сборы (совр. жаргон).

жьем суде. А Скольд вполне мог внять просьбе христианина и взять его с собой... вместо одного из пяти рабов, которых назначили в жертву языческому богу. К роли же великомуученика Духарев пока не считал себя готовым.

Перьевой поплавок заплесал, и Серега проворно подсек и вытащил из воды рыбешку с мизинец длиной.

Мыш издевательски захихикал.

Серега отцепил малька и выкинул обратно.

– Это не рыбалка, а позор один, – сказал он. – Пошли лучше туда! – Он махнул в сторону роши.

– Иди, – отозвался Мыш. И добавил завистливо: – Тебе можно! Тебе Сладка ничего не сделает. А мне за еллински забавы голову оторвет.

– И ночью тоже будешь дома сидеть? – спросил Духарев.

– Не, ночью Слада уйдет травы собирать, я и сбегу. Буду папоротников цвет искать! – Мыш оживился. – Я уж и овражек один присмотрел! А то айда со мной! А то че я один, что ли, бессмертным стану?

– Спасибо, я лучше в другой раз. Ты лучше со мной каким-нибудь кладом поделишься, – Серега изо всех сил старался не улыбаться.

– Ну, ясное дело, поделюсь, – деловито ответил Мыш. – Токо сначала надо дом поправить, крышу перестелить. А еще я лодью купить хочу. Ты как, Серегей, не против? Купим лодью, будем гостями к ромеям плавать. Годится?

– Отличная идея, – согласился Духарев. – Удочку тебе

оставить?

– Оставь.

В рощу Духарев не пошел, а пошел он в город. Ворота были открыты, более того, воин-привратник, обычно располагавшийся поблизости, на сей раз отсутствовал. И сам городок опустел. Непривычно голые рыночные ряды, безлюдные тротуары, улочки, отданные в безраздельное пользование свиньям и курам.

Сергеа миновал лавку гончарного старшины Жердяя. Двери в лавке – нараспашку, внутри – никого. Заходи и бери, что нравится. Но в Торжке воров не водилось. Почему-то. Точнее, Серега никогда не слышал о том, чтобы кого-то наказывали за воровство. В городе. За пределами городских стен тебя могли обобрать запросто. Сумеешь доказать, что ограбили, и указать обидчика: с него взыщут по полной программе: украденное, моральную компенсацию, штраф в пользу князя... Еще и спину плетью отрихтуют. Так что молодцы типа встреченного Серегой в первый здешний день Перши Лебеды в городе не показывались. В лесу же, если разбойнички особо не зарывались и не свирепствовали, их не трогали. Серега подозревал: Скольдовым ребятишкам попросту лень шариться по здешним болотам. Захотели бы – нашли.

На соседнем дворе опять лаялись. Жили там два женатых брата-близнеца. Бондари. Пришлые с юга. Жены у обоих – тоже как близнецы: толстые, рыжие и горластые. Но люди хорошие.

Сергея распахнул калитку, подумал: надо бы собаку завести. Как-то это неправильно: двор без собаки.

Духарев подошел к колодцу, вытянул ведро, попил. Подумал немного, стянул рубаху и опростал ведро на голову. К луже тут же сбежались куры: купаться.

Слада была дома. Натягивала веревочки в сарае: для трав.
– День добрый, Серегей!

Духарев поморгал, привыкая к сумраку после яркого солнца.

Слада спрыгнула с лесенки, потащила ее к противоположной стене. Конец бечевки она держала в зубах.

– погоди! – Сергей присел на корточки. – Становись мне на плечи.

Слада подумала немного, скинула башмачки и вскарабкалась на предложенную «подставку». Сергей медленно выпрямился.

– Как там наверху? – поинтересовался он.

– Хорошо!

С вестибулярным аппаратом у девочки явно все в порядке.

– Привязала! – крикнула она сверху, и Сергей плавно двинулся к противоположной стене, придерживая Сладу за лодыжки, чувствуя мышцами, как она балансирует, удерживая равновесие.

– Нравится?

– Ага!

Серге тоже нравилось ощущать, как упираются в плечи эти смуглые маленькие ножки, нравилось чувствовать тяжесть... Хотя какая там тяжесть! Килограммов сорок пять от силы.

В сарае вкусно пахло сеном.

– Все! – звонко крикнула Слада. – Ой! – Серега присел слишком резко, девушка потеряла равновесие, но Духарев ее не уронил. Его ладони скользнули по ногам девушки, он обнял ее бедра, удержал...

М-да. Несколько смущенный, Духарев поставил ее на землю. Нижнее белье здесь еще не придумали.

Слада поглядела на него снизу, запрокинув голову. Кажется, она рассердилась.

– Ты нарочно, да? – выкрикнула она.

– Вообще-то нет, – Серега усмехнулся. Сердитая, она нравилась ему ничуть не меньше. – А даже если и нарочно, что с того?

– А то, что я тебе не эти... К которым ты бегаешь! Которые только и думают... Я...

Серега присел на корточки. Теперь уже он смотрел на нее снизу вверх.

– Я тебе... – по инерции повторила Слада.

– А я знаю, – спокойно и серьезно произнес Духарев.

Он подхватил ее на руки, отнес в угол, под окошко, где было сложено прошлогоднее сено, посадил на вязанки.

– Ничего ты не знаешь! – заявила Слада. – Ты думаешь,

отец наш был – просто лекарь, да?

– Мне не важно, кто был твой отец. – Сережа взял ее ножку – меньше его ладони – поцеловал, щекоча усами. – Мне важно, что ты – моя царица!

Слада молчала, но не пыталась освободиться.

Сергей ласкал ее ножки, целовал светлые, почти не загоревшие коленки.

– Ты – самая лучшая! Самая красивая!

Он заглянул ей в глаза.

– Ты правда так думаешь? – прошептала Слада.

– Да!

– А все говорят, что я уродка. Черная, тощая...

– Они дураки!

– Папа тоже говорил, что я красивая... Больше никто.

– И я.

– И ты. Ты тоже красивый. Только очень большой. И странный. К тебе привыкнуть надо.

– Ты привыкнешь.

– Да. Ты не думай, что я сержусь на тебя из-за этих... К которым ты вечерами ходишь...

– Знаешь, малышка, мужчине иногда надо...

– Знаю, – Слада оттолкнула его руку, соскочила вниз, развязала шнурок, на котором держались Серегины штаны...

Духарев настолько опешил от неожиданности, что с полминуты стоял столбом.

– Эй! – наконец воскликнул Сергей, пораженный ее уве-

ренными действиями. – Эй! Кто это тебя научил?

От его окрика Слада вздрогнула, быстро убрала руки, даже спрятала их за спину.

– Это нельзя, да? – девушка глядела на него испуганными огромными глазами.

Наверное, что-то такое отразилось на физиономии Духарева, потому что Слада вдруг попятилась и остановилась, только упершись спиной в стену.

– Прости меня, Серегей, – прошептала она. – Я не знала...

Духарев увидел, как щеки ее покрываются румянцем.

Испуганная, совершенно невинная мордашка.

Серега подтянул штаны.

– Разве я сказал: нельзя, – негромко произнес он. – Я спросил: кто тебя научил?

– Шорох, – Слада опустила глаза.

Однако!

– Что еще за Шорох?

– Я за ним ходила, – чуть слышно проговорила девушка. –

Он в отроках у Скольда был, потом к купцам нанялся, а тех нурманы побили. Шороху руки и ноги посекали да на дороге бросили. Его купцы витебские подобрали и домой привезли. Я за ним ходила, раны у него плохо заживали, особенно шуйцы⁶ культяшка.

– А что с ним теперь? – зачем-то спросил Духарев.

– Умер. От огневицы. Три лета тому.

⁶ Шуйца – левая рука.

– Да... – только и сказал Серега.

Мог ли он осуждать калеку за то, что тот использовал малолетку для того, что в УК РСФСР квалифицировано как развратные действия?

Да какие, на хрен, развратные действия! Духарев представил себя без рук, без ног...

Серега шагнул вперед, осторожно опустил ладони на хрупкие плечи.

«Что за ночь! – подумал он. – Что это будет за ночь – после такого дня! А-а! Гори все синим пламенем!»

– Сладка! – сказал он. – Выходи за меня замуж!

Глава двадцать пятая

Плохая ночь

Это было круто! Они бились на кургане, при свете костров, высоких – в человеческий рост. Голые по пояс, босые, без шлемов, без щитов, зато у каждого – по два меча. Лучшие клинки Скольда: Мороз, Ольдар, Жорх и Полич, южанин, скрутивший косу в узел, чтоб не мешала.

Это было круто! Курган над рекой. Внизу – безмолвная толпа, а наверху – огромный, как Ростральная колонна, черный идол на фоне неба. И высокое пламя, ровно рвущееся вверх, а между его языками – красные быстрые блестящие тела и еще более быстрые и блистающие – клинки.

Треск пламени, чистый звон металла, шелест рвущегося

воздуха, глухие удары ног – по утоптанной земле. Запах дыма, людей, воды и земли. Открытые рты, тяжелое дыхание...

Кто-то из бьющихся закричал тонко и пронзительно:
– И-и-и!..

Пламя взметнулось выше.

Общая дрожь прошла по толпе. Волна жара.

Сергея обнял прижавшихся к нему Мыша и Сладу, почувствовал, как их колотит. Вдохнул медленно и еще медленнее выдохнул. Дикое возбуждение сотен людей, скованное, не находящее выхода, физически осязаемое... Толпа, балансирующая на грани безумия...

Духарев изо всех сил старался обособиться. Не чувствовать, а наблюдать. Следить за поединщиками наверху, изучать их технику... Уму непостижимо, как эти парни ухитряются не развалить друг друга пополам! Это походило на дикую пляску... или на показательные выступления. Но каждый прыжок лишь на миг опережал шелестящий полет клинка.

В стоячем ночном воздухе плыл запах сотен человеческих напряженных тел.

Сергея выдохнул через стиснутые зубы. Он наконец понял, чего хочет. Быть там, на кургане, над рекой, над людьми, между жарких, пожирающих сучья костров. Чтобы волнами прокатывалась по телу Сила и трепетал отблеск пламени на острие клинка и на блестящей от пота коже...

Такое острое, нестерпимое желание невозможного...

Сергея так сжал челюсти, что слезы навернулись на глаза.

– Сергейей... – Прохладная ладошка Слады легла на его запястье. – Давай уйдем, Сергейей.

– Уйдем, – согласился Духарев и стал протискиваться назад. Впрочем, они стояли с самого края. – Мышь?

– Я остаюсь! – заявил его малолетний побратим.

И полез на дерево, где уже сидели несколько мальчишек. Сергей и Слада пошли по тропе вдоль реки. Звуки языческого праздника остались позади, постепенно затихли. Лишь однажды над рекой прозвенел высокий пронзительный крик. Слада перекрестилась и забормотала молитву. Сергею тоже стало как-то неприятно. Он вдруг осознал, что это не его ночь и не его праздник.

– Давай искупаемся? – предложил он.

Слада быстро замотала головой и даже сошла с тропы, словно он собирался столкнуть ее в речку.

– Тогда я сам, – Духарев дернул завязки рубахи. Темная теплая вода, подсвеченная луной, манила его... Как женщина.

– Нет! – Слада вцепилась ему в руку.

– Да что с тобой? – воскликнул Сергей, не делая, Впрочем, попытки освободиться. – Вспотел я! Сполоснуться хочу!

Нет, вовсе не поэтому Духареву так хотелось в воду, но Сергей намеренно назвал самую обыденную причину.

– Нет! – Слада изо всех силенок тянула его прочь от берега. – Сейчас нельзя, Сергейей! Там... Опасно!

– Ладно, ладно... – Духарев позволил увлечь себя подальше от реки. Когда ее уже нельзя было разглядеть между стволами, Слада немного успокоилась, остановилась. Серега уселся на пенек, притянул ее к себе, попытался заглянуть в лицо девушки. Не смог. Он вообще-то отлично видел ночью, но в лесу было намного темнее, чем у реки. Лунный свет не проникал сквозь плотные кроны.

– Что ты дрожишь, Сладушка? – прошептал он.

– Плохая ночь...

– Что ты! – Сергей, преодолев слабое сопротивление девушки, усадил ее на колени. – Чудная ночь! Сладкая, как ты!

Притянув ее к себе, маленькую, горячую, трепещущую, как испуганная птичка, он целовал ее губы, щеки, глаза, жилку на тонкой шейке...

– Серегей, не надо, не надо... – шептала девушка, отгаликивая его руки, отворачивая лицо.

– Сладушка, Слада... Хорошая моя... Ну что ты боишься? Я же люблю тебя, глупышка...

Сергей поставил ее на ноги, встал на колени, развязал тесемки юбки...

Слада больше не протестовала, перебирала пальчиками его отросшие волосы...

Бедра у нее были узкие, как у девочки-подростка, а талия такая тоненькая, что двумя пальцами можно обхватить.

Расстегнутый Серегин пояс тяжело упал на землю.

Крохотные сосочки, как ягодки, отвердели под его язы-

ком. Мягко-мягко Сергей опустил девушку на траву...

Внезапно расслабленные ее руки с силой уперлись Сергею в грудь.

Духарев мгновенно остановился. Нет, не потому, что не смог бы преодолеть сопротивление, а потому, что сразу почувствовал, что это уже не то «нет», которое означает – «да». Как всякий опытный мужчина, он умел улавливать эту разницу и никогда, даже совсем пьяный, не преступал границы между настойчивостью и насилием.

– Сергею-ей! – голос девушки сорвался. В нем был настоящий страх.

Духарев мгновенно развернулся, увидел темную широкую, как капот грузовика, фигуру, нависшую над ними...

Рука автоматически нашарила пояс, нащупала рукоять ножа.

– Что надо? – хрипло произнес Духарев.

Поза, на корточках, не выглядела угрожающей, но из нее он мог атаковать так же стремительно, как из любой высокой стойки.

– Мне... Ее...

Голос был гулкий, как из бочки. Страшный.

Темная фигура качнулась вперед.

Духарев распрямылся пружиной, врезал с левой в пах...

И за миг до того, как костяшки его пальцев соприкоснулись с врагом, осознал, что бьет не туда. Потому что в сложении противника была чудовищная неправильность. Пото-

му что, будучи раза в полтора шире Духарева и длиною торса ничуть Сереге не уступая, враг был значительно ниже ростом.

Кулак Духарева врезался в живот противника. Ощущение было такое, слово Серега ударил в макивару. А враг даже не покачнулся. Духарев уловил движение снизу, к горлу, отклонился назад... Недостаточно. Невероятно длинная клешня все равно достала его. Духарев успел прижать подбородок к груди, убережь горло. Шершавые пальцы ударили его в подбородок, обхватили... и сомкнулись на шее!

Инстинктивный ужас пробился сквозь панцирь холодного бойцовского опыта. Но не ослабил, а просто отпустил тормоза. Мощно, от бедра, Серега ударил правой, ножом – в непробиваемый живот и ощутил, как клинок, преодолевая сопротивление, погружается в плотное тело. Клещи на шее ослабли, Духарев невероятным усилием, одновременно разворачиваясь, привычно уходя от возможного удара в пах, выдернул нож и – раз-два – полоснул изнутри по длинным ручищам, вывернулся, отпрыгнул вбок, ни на секунду не забывая, что за спиной у него – Слада.

Приземистая туша врага медленно разворачивалась к нему. Духарев замер в низкой стойке, высоко держа нож, уравнивая дыхание... Дыхание... Серега слышал себя, слышал, как неровно, нервно дышит Слада... Его враг не дышал!

Блин! Только сейчас Духарев осознал, что запаха крови

он тоже не чувствует. А ведь брюхо у врага пробито, а из расплосованных вен кровь должна так и хлестать!

Слада что-то проговорила по-гречески. Громко и отчетливо. Ее светлая фигурка как будто светилась в темноте.

Тварь так же неторопливо повернулась к ней.

Сергея таращился во мрак, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, кроме неясного силуэта.

Силуэт сместился, шагнул к Сладе. Это движение привело Духарева в такую ярость, что он, не думая, ринулся вперед. Прыжок, мощный ки-ай⁷, короткий полет... И промах.

Сергея промахнулся, приземлился, заскользил по траве, удерживая равновесие... А враг уже убегал, громко топоча, с хрустом ломая кустарник. Всего несколько секунд – и топот и хруст растворились в ночной тишине.

Духарев потрогал лезвие ножа. Сухое. Не слабо.

Сергея, переводя дыхание, подошел к Сладе. Отвел ладошки, которыми она зажала уши.

– Ты права, маленькая, – сказал он. – Это плохая ночь. Давай одеваться, детка. Кстати, кто это был?

– Нежить, – чуть слышно проговорила Слада. – Пойдем домой, Сергей, хорошо?

– О чем речь, – напряжение понемногу отпускало Духарева, уходило, сменяясь радостным чувством победы. – Нет, ты слышала, как он ломанул? – со смешком спросил Духарев.

⁷ Ки-ай – мощный крик, выплеск силы, который сопровождает удар.

– Он крика испугался... – проговорила Слада, обматывая и завязывая юбку. – Ты так кричал... Как волох!

– Я могу, – самодовольно заявил Духарев.

Внутри него шевельнулась мыслишка, что все могло кончиться совсем скверно...

Но не кончилось же! И Серега прогнал зазорную мыслишку прочь. Но выводы сделал.

«Дурак ты, Дух! – сказал он сам себе. – Разомлел, как будто в каком-нибудь Репине за пансионатом на лужайке. А здесь, блин, медведи по лесам гуляют, и такие вот йети, и еще черт-те что! Хорошо хоть, дурак, Сладку послушался – купаться не полез. А то оторвал бы яйца какой-нибудь местный водяной!»

И опять прихлынуло неприятное чувство, что он здесь – чужой. И совсем не так крут, как хочет казаться. И в понятиях местных не разбирается, и вообще...

«Ничего, – успокоил он себя. – Какие наши годы! Прорвемся!»

Он застегнул пояс, и они пошли обратно. Сначала – к реке, потом по тропке вдоль берега.

На кургане догорали костры. С его верхушки сорвалось огненное колесо, покатило вниз, подпрыгивая, разбрасывая искры. Рядом с колесом прыгали и верещали крохотные человечьи фигурки. Колесо сорвалось с берега и ухнуло в реку. Фигурки с плеском и смехом посыпались следом. Эти совсем не боялись. Наверное, для них это была хорошая ночь.

Замечательная!

Курган они обогнули стороной. И священную рощу, где стояли идолы, тоже обошли по краю. Пару раз на них выбежали голые веселые люди с факелами, кричали что-то жизнерадостно и исчезали между деревьями. Каждый раз Слада крестилась и бормотала молитву. Ей было страшно.

Обойдя рощу, они снова спустились к берегу и у самой воды наткнулись на огромный шевелящийся ком из переплетенных мужских и женских тел. Серега приостановился, но Слада решительно потянула его прочь.

В городе не было никого. Даже собак.

В молчании Серега и Слада поднялись вверх, к дому. У калитки Слада отпустила Серегину руку, отошла в сторону и присела над канавкой. Серега тоже сделал пару шагов и развязал гашник. С точки зрения отправления надобностей, здешняя женская одежда была удобнее, чем мужская.

Спать пошли не в дом, а на сеновал.

Сладина головка уютно лежала на Серегиной руке.

– Слад, слушай... А как Мыш? Его никто не обидит?

– Нет, – сонно ответила девушка. – Он – с мальчишками.

– Ничего себе защита! – Серега вспомнил, как сдавили шею клешни уroda.

– Их пращуры оберегут, – пробормотала Слада. – А Мыш – с ними. Спи, Серегей, спи...

**Глава двадцать шестая,
в которой Серега Духарев изготавливает
страшное оружие, перенятое японскими
ниндзя у китайцев, а теми – у
дикарей Суматры, или – наоборот,
но очень скоро убеждается, что,
к сожалению, в существующих
условиях оно оказывается не более
эффективным, чем ТТ без патронов**

Трубка получилась хоть куда. Серега тщательно удалил перегородки, отполировал стебель изнутри. Стрелку изготовил из стальной иглы, насаженной на деревянный цилиндр. Цилиндр для плотности обмотал шерстяной ниткой. Набрал воздуха, прицелился... Бум! Прямо в точку!

После получасовой практики Серега наловчился попадать в мишень сантиметрового диаметра с расстояния в двадцать шагов четыре раза из пяти. Очень довольный, отправился на поиски Мыша. Похвастаться.

Мыша он нашел в лавке. Слада припахала его растирать какие-то зернышки. Сама она занималась изготовлением «бактерицидного лейкопластыря по-малоторжковски»: натирала мазью льняные лоскутки и развешивала внутри ко-

жаной коробки, чтобы уберечь от мух.

Увидев Серегу, Мыш оживился и отложил ступку.

– Это у тебя чего?

Духарев показал: всадил три стрелки в доньшко деревянной тарелки.

– Дай попробовать! – потребовал Мыш.

Попробовал.

– Мыш, ты что, закончил? – поинтересовалась Слада.

Ее брат погрузился, вернул трубку.

– Чифаня был, – сообщил он. – Сказал: через три дня уходим. Слышь, Серегей... – Он опять оживился, отложил ступку. – А давай во Фришоп пойдем!

– *Куда?!*

– Во Фришоп, – деловито повторил Мыш. – Ну, где ты твои эти, красные, купил.

– Хорошая у тебя память, – усмехнулся Духарев. – Только ничего не выйдет. Нет больше фришопа.

– Пожгли, что ли? Кто?

– Таможенники.

– Не слыхал. Должно быть, далеко отсель?

– Ох далеко! – Серега подмигнул. – Сладушка, а скажи мне, у тебя яда какого-нибудь быстродействующего нет?

– Зачем тебе?

– А вот для этого, – Серега показал на стрелку. – Чтобы попал – и наповал.

– Нет.

Серегина идея Сладе явно пришлась не по душе.

– Я слышал, меряне ядом стрелы мажут! – сообщил Мыш.

– А какое-нибудь снотворное? – не отставал Духарев. –

Быстродействующее?

– Снотворное? Сонное зелье, что ли? – Слада задумалась,

но додумать не успела, потому что в лавку заглянул мужичок в шитой красным рубахе.

Физиономия – как блин. Мерянин. Легок на помине.

– Девка-знахарка тута? – поинтересовался он.

– А тебе чего? – спросил Мыш. – И сам – кто будешь?

– Дык на Пнищах кабан огнищанина погрыз, – сказал мужик. – Я закуп евойный. – Глянул на Сладу: – Ты, что ль, знахарка будешь?

– Я, – кивнула Слада.

– Пойдешь? Иль мне до волохов идтить?

– Сильно погрыз? – деловито спросила Слада.

– Жилу порвал. Пойдешь?

– Пойду, – сказала Слада.

– Ну тады бывай.

– Эй! – крикнул Мыш. – А не проводишь?

– На что? – махнул мужичок. – Дойдет. Ить, дорога утоптана.

– Пускай идет, – сказал Духарев. – Я провожу. Далеко эти Пнищи?

– Да не, – ответил Мыш. – Шесть верст от развилки. Идите. А я в лавке посижу. Трубу мне свою оставишь?

– Оставлю, – Серега поднялся.

Слада быстро собрала свою лекарскую суму.

– Огнищанин – эт добре! – заметил Мыш. – Кун десять даст. А то и целую гривну.

Тут он был прав: огнищанин – не простой пахарь. Для Слады такое приглашение – удача. Ну не все же ей чирьи лечить!

Глава двадцать седьмая, в которой спокойная полоса в жизни Сергеи Духарева заканчивается большими неприятностями

До развилки дошли быстро. Слада молчала, обдумывала, должно быть, будущую работу. Серега тоже был болтать не настроен. Шагал, по сторонам поглядывал.

Идти было легко. Теплый ветер обдувал лицо и шею. Воздух был так вкусен и легок, что от этой чистой легкости просто летать хотелось.

Последние дни погода была замечательная. Солнышко светило вовсю. Надо полагать, Дажьбог остался доволен своими почитателями.

Утомленный трехсуточной праздничной каруселью, весь Малый Торжок лежал в лежку. И гости города, и его постоянные обитатели. Слада и Духарев были, вероятно, единствен-

ными взрослыми жителями городка, способными к прямохождению после Дажьбоговых игрищ. В лавку то и дело прибегала посланная старшими ребятя: за укрепляющими снадобьями. Трехдневное отсутствие покупателей окупились сторицей. Впрочем, и эти, праздничные, дни «семейство» Сереги не бездельничало. С раннего утра Слада с Мышом отправлялись в лес. На заготовки. Но возвращались всегда до темноты. Сереге же нашлось мужское дело. Косить и возить сено для коз. Телегу и лошадь дали соседи. Лошадь, преклонных лет гнедая кобыла, в управлении оказалась проста, как трамвай. Нагрузил телегу, скомандовал: «Домой!» – и ложись на сено да спи. Через час проснешься у соседских ворот.

В общем, Серега мог бы сказать, что жизнь его наладилась. Правда, он мог бы назвать такую жизнь скучноватой. Если бы не Слада.

Сбоку от дороги лежало сломанное ветром дерево. На стволе сидел мужчина. Лица не разглядеть, но и издали видно, как блестит на солнце начищенная броня. Духарев не сбавил шага, только быстро глянул на Сладу и встретил ее вопросительный взгляд. Девушка тоже заметила мужчину и ждала, какое решение примет Духарев.

Серега решил продолжать путь. Через полсотни шагов он разглядел, что мужчина – не один. На обочине, на корточках, сидели двое. А еще через сотню шагов Серега признал сидевшего: Горазд.

Нехорошее чувство шевельнулось внутри, но Духарев не хотел выглядеть трусом. Ни в глазах купца, ни тем более в глазах Слады. Наверное, это было глупо.

– Здорово, чужак, – Горазд поднялся, заступая дорогу. – Далеко собрался?

По обе стороны от него встали двое бойцов. Тоже в бронях, но вместо боевого оружия – дубинки. Морды у обоих деловито-сосредоточенные.

Сергея быстро оглянулся. Так и есть: сзади выступили из чащи еще четверо.

«Уважают», – без особой гордости подумал Духарев.

Он уже понял, что сделал глупость.

Наклонившись к Сладиному ушку, шепнул:

– Скажу «назад» – беги в город. Поняла?

«Только бы не спорила!»

Но девушка была не так воспитана, чтобы спорить с мужчиной, старшим. Она просто кивнула.

– Здорово, купец, – Духарев шагнул вперед, отметив боковым зрением, как поползли следом тени тех, кто позади.

Солнце светило Сергею в спину, и это было хорошо.

– Ну, говори, что надо, – буркнул Духарев.

Горазд не отступил.

– Больно ты дерзок, чужак, – спокойно сказал он. – Но я тебя обломаю. Берите его. И девку тож.

– Ах ты козел сраный! – зарычал Духарев, бросившись вперед. Молодцы по бокам Горазда вскинули дубинки, а те,

что сзади, бросились к Сереге... Но это был лишь обманный маневр.

Духарев стремительно развернулся, приседая... и один из нападавших, подшибленный, полетел на обочину, второго Серега подсек под колено, и тот плюхнулся на задницу. Двое других быстро затормозили и завертели дубинками...

– А ну назад! – заревел Духарев во всю мочь. У него на поясе висел кинжал, но поначалу Серега о нем просто забыл.

Слада сорвалась с места и помчалась по дороге. Один из нападавших бросился было за ней, но его остановил окрик Горазда.

Двое сбитых Духаревым с ног поднялись. Один прихрамывал, второй потирал ягодицы. Серега подхватил оброненную одним из них дубинку.

– Драться хочешь? – почти мирно спросил Горазд. – Ну, давай драться. Дай-ка мне... – Он забрал дубинку у одного из своих. – Ну? Дерись!

Серега, которому терять было нечего, широко размахнулся и нацелился подшибить купцу голень, поскольку бить по голове, прикрытой шлемом, или по защищенному железом туловищу Духарев полагал бессмысленным.

Дубинка свистнула. Горазд поймал ее своей на полпути – и оружие едва не вырвалось из Серегиной ладони. Тут же последовал ответный удар, Серега отшатнулся – и конец Гораздовой дубинки свистнул в сантиметре от Серегиной груди. А купец тут же прыгнул вверх, едва не угодив Духареву

в пах. Серега успел выбросить вниз ладонь. Больно, однако!

Горазд, с виду неповоротливый, оказался куда как проворен. Дубинка так и свистела. Серега уже и не пробовал размахивать собственной. И за кинжал хвататься тоже не рисковал. Вдруг противник решит пустить в ход меч? Короткий клинок играет против длинного только в умелых руках. То есть не в Серегиных. Поэтому Духарев просто прижал палку к предплечью, чтобы в крайнем случае можно было поставить блок, не рискуя сломать руку. Но в основном Серега не отбивал, а уклонялся. Через две минуты он уже дышал, как паровоз, схлопотал один раз по бедру, другой раз по ребрам и, более всего, по голени при неудачной попытке лягнуть противника в пах. Этого Духареву было достаточно, чтобы понять: ловить нечего. Надо делать ноги. Оставалось только надеяться, что за это время Слада успела отбежать подальше.

– Хватай! – крикнул Духарев и метнул свою дубинку в лицо Горазду.

А сам повернулся, отшвырнул плечом зазевавшегося парня и припустил со всех ног.

Горазд смахнул брошенную палку небрежным движением собственной и сделал знак одному из своих. Тот перехватил дубинку наподобие копья, откинулся назад – и с силой метнул вслед Духареву.

Удар пришелся в левую лопатку и швырнул Серегу на дорогу. Духарев не воткнулся физиономией в твердую землю только потому, что успел, на рефлекс, выбросить вперед ру-

ки. Оглушенный, он тем не менее ухитрился довольно быстро вскочить на ноги, получил еще один удар, по шее, затем под колено – и свалился опять. На него тут же навалились, растянули, сунули жердь в рукава рубахи, прикрутили Серегины руки к палке, спутали ноги, затем подхватили и привели в вертикальное положение. Процесс «стреноживания» занял меньше минуты. Чувствовалось, у ребят хорошая практика.

– Так-то, чужак! – Горазд похлопал Серегу по животу. – Это те не на кулачках биться!

Сказано было без малейшего гнева, просто с удовлетворением от хорошо выполненной работы.

Глава двадцать восьмая, в которой выясняется, что прилежный холоп ложится спать сытым

– Я тя ромеям продам, – говорит Горазд.

Купец сидит на краю телеги, свесив ноги. Броню он снял, кожаную поддевку и рубаху тоже. Жарища! Солнце палит всю. Душный болотный дух: справа – заболоченный берег озера, слева – лиственный лес. Старый.

Горазд почесывает грудь. Тупые ногти скрипят по жесткому волосу. Сложение у купца богатырское. На животе, правда, порядочный слой сала, но плечи и руки – сплошные переплетения мышц и жил. Пожалуй, на чемпионате по армре-

слингу у Горазда были бы серьезные шансы на победу.

– Ромеи таких любят. Здоровых. Будешь в ихнем цирке бороться.

– Не буду! – мрачно заявляет Серега.

Руки его связаны за спиной, на ногах – веревка полуметровой длины. Нормального шага не сделать, приходится семенить. И семенить быстро, поскольку еще одна веревка одним концом привязана к телеге, а другим – к Серегиней шее. Отстанешь или споткнешься – и потащит по дороге волоком. Петля не затяжная, но приятного мало. Серега уже попробовал. Конечно, его подняли, поставили на ноги, но не сразу. Дали, так сказать, ощутить все прелести кандидата в висельники. Спина болит, нога болит, бок... И пить хочется. Серега облизывает сухие губы...

– Будешь, – говорит Горазд. – Ты упрямый, но не дурак. Тебе же лучше. А то посадят на галеру – там и сдохнешь. Или в рудники. А так, может, и выкупишься. Тем боле ты с ромеями одному богу кланяешься. Слушай, что я говорю, чужак, и не спорь. Я тебе добра желаю.

Добряк нашелся!

– Пожалел волк кобылу, – бурчит Духарев. – Пошел ты!

– Напрасно серчаешь, – возражает купец. – Какое мне уважение от богов будет, если со мной всякий чужак да пришлый, навроде болгарова отродья, прекословить начнет? Тебя продам, да и болгарят тож продам. За девку степняки гривен пять дать могут. – Купец говорил неторопливо, рассудитель-

но. – Пять, а то и поболее, поелику девка в болестях людских понимает. А что чернява да худа, так у них свои бабы такие ж.

Сереге угрюмо молчал.

– Мы – кривичи, – разглагольствовал Горазд. – Это наша земля от пращуров. А всякие там варяги, меряни да древляни здесь корню не имеют.

– Ты это Скольду скажи, – проворчал Духарев. – Или это-му, который в Полоцке. Роговолду.

Горазд пожал плечами.

– Князь Игорь со своей русью придет да уйдет, – заявил он. – А Роговолд полоцкий вообще из-за моря пришел, да тож как пришел, так и уйдет. А мы, кривичи, всегда будем.

Сереге вступать в дискуссии по национальному вопросу не стал. У него были более насущные проблемы: водички бы попить. Да отлить. Да смыться, если получится.

На следующий день Духарев решил: надо менять тактику. Если за ним будут приглядывать так же качественно, как этой ночью, ни за что ему не удрать. Поэтому весь следующий день он демонстрировал упадок духа, с Гораздом больше не спорил, а к вечеру стал даже и поддакивать. И немедленно получил послабление: утром с его ног сняли веревки. Хотя, может быть, дело было не в поведении Духарева, а в том, что Горазд решил поспешить. В этот день Сереге отшагал в общей сложности километров сорок. А к вечеру караван из четырех телег, шести всадников, одного разговорчи-

вого купца и одного неразговорчивого кандидата в галерники выехал на речной берег. Река была настоящая, не чета Сулейке. Гораздов поезд уже поджидали. В песчаной бухточке стояли два суденышка, каждое – метров по пятнадцать в длину. Гораздовы лоды.

Серегу развязали и заставили перетаскивать груз с подвод на корабли. Духарев упрямиться не стал, работал усердно, не отставая от Гораздовых парней. Попытки удрать он тоже не сделал, поскольку место было открытое, а на удобном бугорочке разместился наблюдатель, в руках у которого имелся лук, а тул со стрелами был расстегнут. Духарев совсем недавно имел возможность убедиться, что такой вот стрелок способен снять бегущего зайца. Серега же был намного крупнее самого крупного зайца, а бегал значительно медленнее.

Весь груз был переправлен к заходу солнца. Поужинали лепешками и жареной олениной. В еде Духарева не ограничивали, а расщедрившийся Горазд охотно угощал Серегу пивом. Духарев заглотал литра три и даже слегка опьянел. Но сделал вид, что не слегка, а в полный рост окосел.

После ужина пустые телеги и лошадей отправили обратно в сопровождении четырех Гораздовых удалцов, остальные погрузились на корабли, отчалили от берега и встали на якорь посреди реки.

Духареву связали руки, уложили на корме и оставили в покое, решив: куда он денется посреди реки, пьяный и связанный?

Ночь выдалась безлунная, удачная ночь, одним словом. Хмель из Серегиной головы выветрился мгновенно. Да и что ему несколько литров слабенького домашнего пива?

На носу лоды маячил силуэт караульного. Очень скоро сторож, тоже приложившийся к пиву, начал клевать носом. Но Серега не спешил. Дождался, пока совсем стемнело, встал, на корточках проследовал на корму и очень аккуратно перевалился через борт. Плеск разбудил дремавшего караульщика. Разбудил – но не обеспокоил. Подумаешь – рыба играет! А Духарев вынырнул, перевернулся на спину и тихонько поплыл к противоположному берегу. Спустя минут двадцать он выбрался на бережок, перетер веревки об острый камушек, вскарабкался наверх, оставляя, вполне сознательно, заметные следы. Стянул с себя сапоги, мокрую одежду, отжал, свернул в тючок, перевязал гашником от штанов, пропустил ремень через подвязанные рукава, приспособил на спину... А затем по кривому деревцу сполз обратно к реке, ухватился за длинную ветку и снова оказался в воде. С развязанными руками да без сапог плыть в тепленькой водичке – чистое удовольствие. Серега плыл почти час, стараясь держаться ближе к середине, где течение сильнее. Подустав, свернул к берегу, углядел темнеющую ветку и вылез из воды, не касаясь ногами песка.

Обнаружив пропажу раба, Горазд наверняка огорчится и захочет вернуть «собственность», а среди купцовых парней наверняка найдется пара-тройка хороших следопытов. Духа-

рев вовсе не собирался облегчать им жизнь. Теперь его и с собачками не вдруг отыщешь.

Темень в лесу была абсолютная, и разумней было бы подождать рассвета, но тут на Духарева с невероятной силой наехали оголодавшие комары. Пришлось натянуть на себя мокрое и двинуться дальше. Впрочем, через некоторое время Сергей наткнулся на светлую тропку, и идти сразу стало веселее. Он даже припустил рысцой и согрелся.

Тропка оказалась так себе. Очень скоро под ногами зачавкало. Выбирая между комарами и болотом, Серега однозначно выбрал комаров, поэтому вернулся назад, вскарабкался на дерево потолще, кое-как привязался к ветке и задремал. Вокруг ухал, шуршал и звенел незнакомый лес, но Духарева это не пугало. Зверья он не боялся. Лето, жрачки у всех – от пуза. Ни один самый отморозенный хищник не станет при таком раскладе связываться с человеком. А комары... Бывало и похуже.

Мысль, пришедшая Сереге перед сном, вопреки обыкновению, была не «Как же я сюда попал?», а «Как там мои?» Чем обернется сегодняшний эпизод для Мыша со Сладой? Отважный Мыш несомненно пойдет к Скольду требовать справедливости. Но чем он докажет вину Горазда? Только показаниями Слады. А если Скольд сочтет ее свидетельство недостаточным? Тогда жалоба, по местным законам, автоматически превращается в навет, и доказать свою правоту можно только с оружием в руках: пусть боги укажут правого и

сильнейшего. Именно с оружием, а не на кулачках. А кто из тех, кто по-настоящему умеет рубиться, встанет за пришлого Мыша против думного советчика Горазда?

«Только тронь их, кабан толстый, и я тебе печенку вырежу!» – посулил он мысленно купцу.

К сожалению, Серега отлично понимал: даже услышь его Горазд – вряд ли испугается. Грозить расправой купцу, который запросто нашинкует Духарева на дольки, – пустая похвальба.

«Господи! – взмолился Духарев. – Если уж Ты не дал мне прихватить с собой „калаш“, научи меня биться по-здешнему. А я уж постараюсь Тебя не подвести! Помоги, Господи, а за базар я отвечу. Ты знаешь!»

Трудно сказать, дошла ли до Бога эта странная молитва, вознесенная в ночном лесу человеком, прикорнувшим в развилке ветвей. Но это было последнее, что думал Духарев, перед тем как уснуть.

Глава двадцать девятая, из которой можно узнать, что «свободный» – еще не значит «сытый»

Утро принесло Духареву ноющую боль в отлежанных частях организма. Его нынешняя постель была далека от идеала.

Серега отвязался, кряхтя, сполз на землю, облегчился и

одновременно прикинул свои возможности.

Возможности были невелики. То есть примерно такие же, как в первый день его пребывания в этом прикольном мире.

Правда, у него было немного денег: кошель слуги Горазда отобрали, но потайной карман в штанах не обнаружили. Одежка у Сереги теперь – местная, значит, слово «чужак» уже не вышито большими буквами на заднем кармане его джинсов... А нацарапано маленькими буковками на лбу. Не трудно догадаться, что для здешнего люда всякий незнакомец – чужак. А следовательно – или опасность, или добыча.

Надо пробираться обратно в Торжок. Теоретически городок должен быть где-то в пределах досягаемости. Теоретически. А практически Серега даже не знал, в каком направлении двигаться. И куда, например, текла река, по которой он плыл ночью. К Торжку или наоборот? Куда идти и чем питаться по дороге – неясно. Ножа нет, спичек нет, нет карты, компаса, рыболовных крючков... В общем, ничего нет, а кушать уже хочется. И пить тоже.

Узкая тропка убегала, петляя, между деревьев. Где-то позади осталась река... И молодцы Горазда, которые, зуб дать, всюю ищут беглеца. Нет, назад идти пока не стоит.

Восходящее солнце угадывалось справа, слева энергично трудился дятел. Серега отыскал подходящую ветку, отломил, ободрал, получилась дубинка. Или посох. Теперь – в путь.

Болото он обошел. Заморил червячка черникой и сыроежками. Повстречал лису и ежика. Предпочел бы Колобка.

К полудню опять наткнулся на болото. Может, то же самое. Опять перекусил черникой. Встретил гадюку. Змея, конечно, тоже еда, но Серега еще не настолько изголодался, чтобы есть гадюку. Да еще сырую. От змей, лягушек, улиток, червей и прочей экзотической пищи он пока воздержится. Сырым Духарев слопал бы, скажем, утиные яйца. Но хотя утки ему попадались, даже с крохотными утятами, ни одна из них почему-то не пригласила Серегу в гости, а сам найти гнездо он был не в состоянии.

К болоту Серега выходил еще дважды, хотя каждый раз поворачивал на сто восемьдесят градусов и кругами точно не шел, поскольку направление по общеизвестным приметам держал точно. К вечеру Духареву подфартило: он нашел скелет. Правда, без закопанного под ним клада, зато с ржавым ножом, застрявшим в позвоночнике. Неплохой удар был у убийцы: нож пробил насквозь толстый грудной позвонок и вышел на пару сантиметров наружу. Кроме ножа при покойнике имелись клочки истлевшей одежды и обгрызенная зверьми кожаная сумка. Мысленно извинившись перед усопшим, Серега раздавил позвонок каблуком и забрал нож.

Еще через час Духарев набрел на ручеек с хорошей водой и песчаным дном. Водой поужинал, а песочком вычистил найденный нож, вполне приличную штукину с двадцатисантиметровым клинком, кое-где иззубренным, но вполне годным к эксплуатации, если подточить о камушек. Ручеек впадал в небольшое озерцо с заболоченными берегами. В

озере плавали утки.

Последние светлые часы Духарев истратил на изготовление лука. Тетивой послужил шнур от штанов, которые, чтобы не спадали, пришлось завязать сбоку узлом. Стрелы Серега изготовил из сухих тростинок, которые расщепил спереди, а в расщепе закрепит пластинки кремня. Лег спать удовлетворенный. Пустоту в желудке питала надежда на завтрашнюю охоту.

С охотой вышел облом. Глупые утки подпускали совсем близко. Серега даже два раза ухитрился попасть, но его импровизированные стрелы не причиняли птицам существенного ущерба. Так, вышибали пару перьев. Поскольку взрослые птицы оказались неуязвимы, Духарев попробовал подстрелить утят. Но те представляли собой слишком маленькие мишени для такого стрелометателя, как Серега. Раньше, чем кончился запас стрел, порвалась «тетива». Серега обругал ее нехорошими словами, связал и вернул на законное место: поддерживать штаны. А «лук» выбросил и попытался охотиться совсем по-первобытному – камнями. Вот тут его ждал успех. Духарев подбил селезня. Правда, не потому, что был очень метким, а потому, что селезень был полный дурак и, в отличие от уток, предыдущие неудачные броски игнорировал.

Оглушенного селезня Серега с немалым трудом вытащил из воды, свернул ему шею, частично ошквал и попробовал съесть. Для его зубов это оказалось крайне трудной задачей,

хотя вообще-то для коренного питерца зубы у Сереги были вполне приличные. Ощущение было такое, словно жуешь подметку, армированную толстой леской. Хотя Духарев допускал, что качественная подметка все-таки жестче. Теоретически. Питаться подметками ему как-то не доводилось.

Селезневу ногу он все-таки доел. Вечером. Остальное на следующее утро пришлось выбросить: мясо стало ощутимо пованивать. Выбросить и вернуться к прежней ягодно-грибной диете.

А еще через день Серега вышел к дубу.

Часть вторая

Подходящий материал для изготовления клинка

Глава первая

Священный дуб и его обитатели

Дуб был невероятно огромен. Метров шесть или семь в диаметре. Мощные перекрученные корни на полметра выпирали из земли. Вместо нижних ветвей из неохватного ствола торчали обломанные сучья. С них бородами свисал серый мох.

Сереге присел на корень.

«Да уж, – подумал он. – Теперь я точно заблудился».

И вдруг увидел в стволе, в буграх и желваках коры, удивительно ровную щель. Сереге невольно проследил ее взглядом и обнаружил, что примерно на высоте полутора метров щель загибается на девяносто градусов. И внизу, что характерно, тоже.

Заинтригованный Духарев встал, вытащил нож и сунул его в щель.

Такого кощунства не позволил бы себе никто: ни кривич, ни мерянин, ни даже самый отмороженный клявшийся Оди-

ном нурман. Запустить железо в тело священного дуба!

Но Серега понятия не имел, что дуб – священный.

Поэтому он не только запихнул нож, но и поковырял внутри... просто так. И кусок дуба отвалился!

То есть не совсем отвалился, а откинулся вбок и повис на ремнях, обнаружив за собой пустоту.

Как поступил бы в таком случае любой абориген? Правильно! Дунул бы от сомнительного места со всех ног. Самый жадный и бесстрашный и то попятился бы: вдруг выскочит из ствола неуловимое для глаза лесное лихо и вырвет глотку? Серега о такой, вполне реальной, возможности даже не подозревал, поэтому не побежал и даже не попятился, а с большим интересом заглянул в дупло.

Сначала он не разглядел ничего, но потом...

Е-мое! Вот это апартаменты!

За толстой живой стенкой обнаружилась целая комната. Стол, стулья (вернее, чурбаки, прикрытые сверху мохнатыми шкурами), полукруглый стеллаж, глиняные горшки, ларь...

На «стенах» тоже висели шкуры. Серега откинул одну, пощупал: под шкурой – сухая глина. Серега наклонился и шагнул внутрь.

Сверху сочился свет. Вроде потолок?

Потолок, да не совсем! Ничего себе! Квартирка-то многоэтажная!

Серега полез вверх по приставной лестнице.

На «втором этаже» оказалась «спальня». Здесь было уже совсем светло, потому что в стволе присутствовало «окно».

Вдоль стены – широкая лежанка. А на лежанке – живой горноста́й. Очень красивый и очень сердитый. Увидав незваного гостя, горноста́й противно заверещал.

– Да ладно тебе! – сказал ему Духарев. – Не нужна мне твоя шубка!

И заметил на полу глиняную чашку с кусочками сырого мяса.

– Твое? – спросил он горноста́я. – А хозяин где?

Зверек глядел на него черными глазами-бусинками. На вопрос, само собой, не ответил.

«Окно» было естественным. Дупло сантиметров тридцать в поперечнике. Это снаружи, внутри – шире. Тактически «окно» располагалось очень удачно: подходы к «дому» просматривались прекрасно. Учитывая толщину стен и относительную слабость местного оружия, выковырять засевшего в дубе стрелка очень непросто. Разве что огнем...

На полу лежала пыльная медвежья шкура. Метрах в трех над головой густо висели связки шкурок. Горноста́евых среди них Духарев не разглядел. Еще одной примечательной деталью был повешенный над лежанкой меч. Серега снял его, вытянул из кожаных ножен узкий почти метровый клинок, отточенный с обеих сторон, но только до середины. Ближе к рукояти клинок был намеренно затуплен, а у самого эфеса украшен свирепыми зубцами. Клевая вещь.

Сергеа вздохнул, сунул меч в ножны и повесил на место. Во-первых, чужое, во-вторых, даже дубинкой Духареву было сподручней орудовать, чем длинным боевым клинком. Рубиться на мечах – все равно что из тяжелого револьвера навскидку бить. Это только кажется, что просто: навел да нажал на спуск. А на деле: из шести выстрелов пять – в «молоко», а шестой – в ворону на дереве. Это если в мишень стрелять. А если в вооруженного противника, так, скорее всего, и на спуск нажать не успеешь, а твои мозги уже в стенку полетят. В общем, повесил Серега дорогую вещь на прежнее место и...

– А вот это ты верно решил, – проскрипел за спиной голос. – Поворотись-ка, паря, да погляди на меня.

Духарев послушно обернулся.

Перед ним стоял совершенно седой старик, одетый, несмотря на лето, в теплую меховую одежду. На плече старика сидел горноста́й, другой, не тот, что расположился на кровати, а в руках деда наличествовал взведенный заряженный арбалет, именуемый здешним народом – самострел. И этот самый самострел был очень красноречиво направлен Сергею в живот.

– Зачем пришел, дурень? – спросил старик.

Слова он выговаривал не очень внятно: через коричневое от загара лицо пролегла страшная борозда: серый рубец от уха, голой полосой протянувшийся через бороду, к подбородку. За разорванной губой проглядывала пустота: зубов в

этом месте не было. Серега скосил глаза вниз и увидел, что одной ступни у деда нет и опирается он коленом на деревянную раскоряку. Как он сумел без ноги, беззвучно, подняться наверх и застать Серегу врасплох? Уму непостижимо! Серега прикинул, сумеет ли в броске перехватить самострел. Решил: рискованно. Слишком тесно. А старик, скорей всего, только *выглядит* немощным.

Дед качнул перехваченной кожаным ремешком головой.

– Даже и не помышляй! – угадал он Серегины прикидки. – Так чего тебе надо, репка-сурепка? Зачем ко мне влез?

Наконечник, который глядел Духареву в район пупка, был двойной, зазубренный. Такой вынуть можно только с потрохами вместе. Вынутые потроха Серега видел. Это было неприятное зрелище, хотя потроха были не его, а совсем другого человека. И все, чего хотел тот человек, – десять кубов обезболивающего в вену. Или – ножом по горлу. Только побыстрее.

Вряд ли собственные внутренности понравятся Сереге больше, чем чужие. А обезболивающего тут нет. И искусственного сердца с почками. А как работают местные хирурги, он уже видел. Строго по анекдоту.

Доктор: «Ампутация левой ноги!»

Фельдшер топориком – тюк!

Доктор: «Ампутация правой руки!»

Тюк!

Доктор: «Ампутация левой руки!»

Тюк!

«Я сказал – левой!»

Тюк!

«Я сказал – руки!»

Тюк!

Вот и у дедушки с местной медициной явно были проблемки!

– Что, язык проглотил? – сердито рявкнул ему старик. – Пошто священное место испоганил?

– Я ничего не трогал, – осторожно проговорил Духарев. Раздвоенный наконечник действовал на Серегу гипнотизирующе. – Не крал и не поганил... Дверь надо запирать! – буркнул он.

– Чего-о? – старик задрал лохматую бровь.

– А того! – Серега фыркнул и уселся на пол. Да пошел этот дед!.. Захочет стрельнуть – все равно стрельнет.

Старик не выстрелил, тоже уселся, на край лежанки. Глядел на Духарева стылými немигающими глазами. Молчал. Горноста́й у него на плече завернулся в пушистый хвост и тоже тарашился на Серегу. Второй – тоже.

– Заблудился я, – сказал Духарев. – Что ж теперь, меня убивать? Ну не лесной я человек!

– Что не лесной – это я вижу. – Дед усмехнулся.

Усмешка у него была... Как у старого рваного волчары. От такой усмешки мужские семенные органы сразу хотят в животе спрятаться.

– А вот кто ты есть – не вижу. А должен бы.

– Почему? – заинтересовался Духарев.

– Потому что ведун, – ответил дед неожиданно мягко.

– Ведун – это как?

– Так! – Старик покачал головой и опустил самострел. –

Грех тебя убивать, убогого! – пояснил он.

Серегу не шевельнулся. Он нутром чуял: и без самострела старик смертельно опасен.

– А может, ты и не убогий, – рассуждал дед. – Морда у тебя вроде тутошняя, но токо – на простой погляд. А внутри, вовсе чужинская. То ли ты ума лишенный, то ли – духом схваченный. А может, ты сам – дух? – старик пытливо глядел на Серегу.

– Звали меня и Духом, – сказал Сергей.

Хрен знает, может, к духам дедушка более снисходителен?

– Не врешь, – констатировал старик. – Звали. Токо ты не дух. И не кромешник... А похож! – Дед мелко захихикал, и сразу стало заметно, что лет ему – не меньше шестидесяти.

– Можно я уйду? – попросил Серегу. – Я тебе плохого не сделал? Твоего не взял. Я, можно сказать, твой гость!

– У-ху-ху! – развеселился старик. – Какой ты гость, репка-сурепка? А взял бы вот хоть его... – Кивок на меч. – Стал бы я с тобой лясы точить? Со злодеями у меня разговору нет. Со злодеями вот он беседует! – Старик похлопал по самострелу. – Ну-тко амулет свой покажь!

Сергея нехотя (кто его знает, как здешние ведуньи к христианам относятся?) вытянул наружу крестик.

Пронесло. Хвататься за самострел дед не стал.

– Видал такие, – кивнул он. – У ромеев. Но ты не ромей, поговору слышу. И не болгарин.

– Да я вообще не отсюда! – честно признался Духарев.

– Звать тебя как?

– Сергей.

– Сергей... – Старик, первый из здешних, произнес его имя правильно, несмотря на порванный рот и отсутствие зубов. – Сергей... – будто попробовал на вкус. – Потому и ко мне влез, не испужался... – Дед не спрашивал, рассуждал сам с собой.

Старик посидел с полминуты молча, хмурясь и шевеля бровями, потом глянул своими стылыми, цвета грязного льда глазами на тоже притихшего Серегу.

– Вот что, Сергей-Не-Отсюда, поживи-ко ты у меня!

– Да я... – замялся Духарев.

– Боишься, что ли? – задрал бровь дед.

– Боюсь! – не стал кривить душой Духарев. Что толку, если этот одноногий дедушка и так видит его насквозь?

– А вот он – нет, – усмехнулся старик, погладив горностаю.

Как ни странно, но этот аргумент для Духарева оказался решающим. И он остался.

Глава вторая

Что такое «ведун»

Деда звали Рёрах. Почти как знаменитого художника. Был дед – из варягов, да вдобавок ведун. Не колдун, не волхв-жрец, а именно ведун. То есть умел абсолютно безошибочно определять, когда человек говорит правду, а когда лапшу на уши вешает. Одноногий детектор лжи, одним словом. Еще старик умел предугадывать чужие действия, но об этом Серега узнал позже. Свои особые способности старик относил за счет отсутствия конечности. Идея была проста. Ежели тебе что-то оттяпали, то это что-то оказывается в «том» мире, «за кромкой», как выразался ведун. И, соответственно, бывший хозяин потерянной части тела приобретал связь с потусторонним миром и получал возможность скачивать оттуда кое-какую информацию. А поскольку в том мире все вещи выглядят в своем истинном виде, то ведун мог интуитивно отличать истину от параша. По крайней мере, так это понял Духарев. А чем он сам приглянулся ведуну, тот выложил Сереге прямо и незамысловато.

– Я б ты убил, – добродушно сообщил он, – да кто знает, чего из ты выйдет?

И пояснил:

– Ты, паря, вроде как живой, а вроде как немножко чужеватый. Мертвечинкой от тебя пахивает.

– Да я просто не мылся давно! – подавляя некоторую внутреннюю дрожь, попытался отшутиться Духарев.

– А нет! – Дедок поднял узловатый палец. – Того запаха не смоешь. Или у тебя живой запах, и тады любой мертвец тебя за поприще учует. Или ты – оттудова, – старик потыкал пальцем через плечо. – Тады ты всяк чуйный, ведун ли, волох, да хоть знахарь толковый завсегда узнает и, коли силы хватит, обратно за кромку спихнет, потому как неча мертвякам по белому свету шастать! – Старик решительно рубанул ладонью и продолжал: – А коли ты и живой, и мертвый, как я, к примеру, то ты и туда не загнать, и оттуда не вытянуть.

– А убить – можно? – живо заинтересовался Духарев.

– Можно, – кивнул ведун. – Меня, к примеру, ежели по вые секануть, – Рёрах похлопал по морщинистой коричневой шее, – так и помру. И ты помрешь, ежели тебе стрелу в печенку загнать. Да чуется мне, что по той стреле оттуда к нам такое пролезть может, что на моей культилке не ускакать.

– Врешь ты все, дед! – не слишком вежливо заявил Духарев. Было у него стойкое ощущение, что дедок над ним попросту издевается. – Ты скажи лучше, это твой меч там, в дубе, висит или подарил кто?

– Мой, – подтвердил Рёрах, пошевелив палкой в костре. – А тебе что за дело, репка-сурепка?

– Хороший меч.

– Хороший, – согласился варяг.

– И пользоваться им ты, наверное, тоже умеешь? – О ва-

рягах Серега знал не много, но достаточно, чтобы понять: эти ребята – местная воинская элита.

– Умею, – не стал оспаривать старик. – Токо это дело прошлое.

Всем своим видом старик показывал, что обсуждать эту тему не намерен. Но Духарев так просто отступить не соби-рался.

– Нет, я, конечно, понимаю, что ты уже не молодой, – с напускным сочувствием проговорил он. – Сила ушла, опять же...

Варяг глядел на него с интересом, ожидая, до чего Серега может договориться. Развлекался варяг, одним словом.

– Я, конечно, понимаю, что как настоящий воин ты уже биться не можешь...

– Это почему? – поднял дед мохнатую бровь.

– Ну я ж говорю: старый, ноги нет...

«Ох я сейчас дотреплюсь! – подумал он. – Мало не пока-жется!»

– Ноги нет, верно, – согласился ведун. – И старый, тоже верно. – Варяг ухмыльнулся. Ухмылка не сделала его симпатичнее. – Верно, старый. Так и меч тож не новый... Ну, может, еще что хочешь сказать?

– Хочу, – признал Духарев. – Слушай, дедушка, то есть Рё-рех! – поправился Духарев. – Ежели у тебя найдется немного свободного времени, ну, как-нибудь на днях... Поучи меня биться, а? Я б тебе отслужил... как-нибудь.

Ведун поглядел на него, прищурился.

Сергеа даже взмок от волнения.

– Вижу, – сказал варяг. – Хочешь. Да сможешь ли?

– Смогу! Смогу! – горячо произнес Духарев. – Землю рыть буду! Все, что скажешь... Ты только попробуй!

Старик задумался.

Сергеа ждал напряженно, не сводя с него глаз. Чувствовал: вот его шанс! Может, последний...

– Добро, – наконец произнес Рёрах. – Попробуем. Завтра.

Глава третья

Проблемы обработки железа, изготовленного сыродутной плавкой

– Это жердина, – сказал дед. – Ею можно болото шупать, плот толкать, а можно и по башке дать. Потому как она, жердина, своего ума не имеет. Понятно?

– Вполне, – кивнул Духарев.

Они стояли на солнечной полянке примерно в километре от священного дуба. В руках варяга наличествовала упомянутая выше жердина. В руках Духарева имелась точно такая же: трехметровый упругий шест, затупленный с обоих концов.

– Тады вдарь меня! – потребовал дед.

Сергеа перехватил палку поудобнее, примерился и ударил, но не просто, а с вывертом. Одним концом показал, дру-

гим, снизу, хлестанул по дедову протезу.

Клац!

Деревяшка по деревяшке. Но не по протезу, а по дедовой жердине, которую варяг, не хитря, просто воткнул в землю.

– Во! – сказал он. – Можно треснуть, а можно в выгребной яме поковырять. Вроде как ты сейчас. Ну, чего стал? Бей!

Следующие несколько минут Духарев с воодушевлением изображал ветряную мельницу, а старик – столб с большим количеством жестких выступов. И сколько Серега ни махал крыльями, натыкался он исключительно на эти выступы. Все ладони отбил, запыхался...

– Притомился? – сочувственно спросил Рёрах. – Экий ты неуклюжий, паря. Никак те до меня, старого да слабого, не достать. Совсем руки с ногами перепутал!

– Да мне эта оглобля только мешает! – в сердцах воскликнул Духарев.

– Попробуй без нее, – предложил старик.

Серега положил шест на траву. И сразу почувствовал себя увереннее. Все же он – матерый, битый рукопашник. А тут – замшелый дедушка, без ноги к тому же. Не зашибить бы только...

Серега медленно двинулся по дуге, находясь вне досягаемости дедова шеста. Мягко, уверенно, чувствуя на этот раз и дистанцию, и противника. И как только дед, поворачиваясь вслед за ним, перенес тяжесть со здоровой ноги на протез, Серега рванулся вперед, но не дуром попер, а с полным кон-

тролем, уловил быстрое движение шеста сбоку, нырнул...

Дыхание у него восстановилось минуты через полторы.

Непонятно каким образом дедова палка поменяла направление, обогнула выброшенную в блоке руку и воткнулась Духареву в живот. Да не просто воткнулась, а поддела Серегу, оторвала его весьма увесистое тело от земли... Тому, кто никогда не повисал в воздухе, упираясь диафрагмой в затупленную, но тем не менее довольно острую и твердую палку, трудно представить всю глубину ощущений того, кто на этой палке повисал!

– Вот так оно и выходит, репка-сурепка! – Кривая тень варяга упала на Серегину побагровевшую физиономию. – А кабы я тя копьём саданул, а?

– Замаялся бы его из меня вытаскивать... – прохрипел Духарев и сел, осторожно вдыхая воздух и борясь с подступившей к горлу тошнотой.

– То верно, – в голосе Рёреха прозвучало одобрение. – Тока у меня удар, вишь, на броню поставлен. Сквозь броню дальше хребта не вошло б. Крутнул да вытащил. Поднимайся, репка-сурепка. Да дальше слушай.

Серёга с кряхтением выпрямился, потер брюхо. Синяк точно будет. Да в первый раз, что ли?

– Ты, репка-сурепка, матерьял не самый поганый, – сказал дед. – Дышишь правильно, ногами землю чуешь, тулово держишь как надо... Ты уже не руда – крица⁸. Но ковать ты

⁸ Крица – слиток «сырого» железа, выплавленный из «болотной» руды по тех-

еще и ковать. А теперь слушай меня. Вот жердина. Она дурная. А зброя – умная. Зброе волю дать надобно. Слушать ее, чувствовать. Когда за ней тянуться, когда к себе тянуть. Оно как рука твоя, только сильнее. Ну-ка руками подвигай, помаши!

Сергея послушно «подвигал» руками. В технике «винчун». С «тенью».

– Ай молодец! – Варяг даже засмеялся, так ему понравилось. – Молодец! А теперь гляди!

Варяг шагнул назад и завертел шестом. Кисти его так и мелькали. Но еще быстрее мелькал шест. Так быстро, что у внешнего наблюдателя, то есть Духарева, возникало полное ощущение, что это не руки крутят шест, а шест сам, совершенно самостоятельно вертится и катается по телу варяга, таская за собой его руки, которые и тянутся за ним как будто нехотя. Серега помнил, как бились на кургане Скольдовы гридни. Это было потрясающе. Но то, что Духарев видел сейчас, на самом деле было еще круче. Потому что делал это не молодой крепкий парень, а разменявший седьмой десяток дедушка. Потому что каждое движение варяга было предельно экономно. Потому что это была высшая, высочайшая школа мастерства. Серега достаточно долго и достаточно серьезно занимался боевыми искусствами, чтобы *увидеть* именно это, а не просто безногого старика, ловко вертящего палку. В общем, Духарев въехал. И варяг въехал, что Серега въехал. И варягу это понравилось. Но...

Но дальше умственного понимания дело не пошло. Шест в руках Духарева упорно оставался «жердиной». Рёрах гонял его несколько дней. И так и эдак. И хвалил, и лупил. И давал вместо шеста настоящее копье-сулицу. Даже меч собирался дать, но в последний момент передумал, не без основания опасаясь, что косорукий ученик отрубит себе что-нибудь жизненно важное.

Серёга прекрасно понимал, что от него требуется. Но объяснить это своему телу не мог. Его тело было приучено к тому, что руки свободны. Эту свободу не очень стеснял кастет или нож. Но тяжелая длинная палка кардинально меняла все. Вместо того чтобы стать «продолжением» руки, она становилась довеском, ломающим безукоризненный баланс духаревского тела. Может, Серёгиным кистям и предплечьям не хватало силы, может быть, ему было не перешагнуть через барьер привычки... Короче, несколько дней упорных усилий не принесли Духареву ничего, кроме кровавых мозолей на ладонях. На ладони плевать. Огрубеют. За дело обидно!

Глава четвертая

Лесная «учебка»

Пропитание Рёрах добывал охотой. Бил птицу, зверя. Из своего арбалета-самострела стрелой с широким наконечником-срезом попадал в утку за восемьдесят шагов. А из лука, тяжелого, с «рогами» из самых настоящих лакированных

рогов, – и того лучше. Всаживал на одном дыхании восемь стрел в соломенную мишень шагов за сто. Сереге стрелять пока не давал. Единственное, чему научил: натягивать на лук толстую вощеную тетиву. Это оказалось не таким уж легким упражнением. Освобожденный от тетивы лук выгибался наружу, «рога» выворачивались из рук. С Духарева семь потов сошло, пока он научился хитрым приемом «укрощать» непокорный инструмент. Это Духарев, который играючи жал от груди сотку! Стрелять из лука наставник Сереге пока не позволял. Из самострела – пожалуйста. А лук ему разрешалось только держать да оттягивать тетиву к уху. Еще то развлечение, потому что тянуть приходилось так, что мышцы хрустели. Тут не то что удержать и прицелиться, натянуть и то проблемно. Рёрах, впрочем, при стрельбе натянутым лук и не держал. Выдернул стрелу из тула, наложил – отпустил, выдернул следующую. Ф-фыр-р-ф-фыр-р... Щелк! Щелк! И стрелы уже летят, чуть ли не гуськом, да не просто летят, а еще и попадают куда надо. И стрелы какие! Идеально прямые, с ровными одинаковыми перышками, вставленными под одинаковым углом, чтобы придать летящей стреле вращение, помеченные для удобства в соответствии с наконечником. А уж сам лук! Не оружие, а скрипка Страдивари! Каждый изгиб идеален, каждый узор! Отпущенная тетива гудит сочным басом. Кайф!

Серега понимал, почему варяг охотится с самострелом. Бить уток из такого чуда – все равно что на беккеровском

рояле «чижика-пыжика» барабанить.

Стрелять из самострела Серега научился довольно ловко. Биатлонист все-таки. Как только наловчился угадывать превышение и правильно давать поправку на ветер, стал попадать не многим хуже дедушки варяга. И селезней больше не бил. Зубов у дедушки осталось не так уж много. Часть выбили, часть сама выпала. Перышки у уточки не такие яркие, как у самца, зато мясо нежней.

В общем, кормил его старик доброй мужской едой – дичью. Да с травками, корешками, ягодками. Иной раз – ухой с тетеревом баловал или поросеночком с грибами. Готовил дедушка на костре так, как иная хозяйка на плите не сделает. Хотя и продукты сплошь натуральные. Никакой химии. Мясо – парное, мед – лесной, земляника – прямо с полянки. Вот только с хлебом была некоторая напряженка. Вместо хлеба дедушка время от времени замачивал в котелке сырое зерно, а через пару дней они это зерно кушали большими ложками. Ничего, под запеченного поросенка нормально всасывалось.

Короче, кормил Рёрах Серегу – от пуза. Но и гонял с утра до ночи. Учил сразу всему. Как по лесу ходить, как стрелу вырезать, чтоб наконечник не попортить, и как этот самый наконечник должен быть насажен на легкое древко. Учил ползти и по деревьям лазать. Вот уж никогда не думал Духарев, что залезть на березку – целая наука. Оказалось: да, наука. Влезть тихо и быстро, затаиться, чтобы снизу не разглядеть. Или наоборот, того, кто наверху затаился, вскараб-

кавшись тихонечко, тихонечко же и зарезать. Болоту учил. В краю, где болот больше, чем сухого места, – очень полезная наука. Учил огонь добыть кремнем или теркой-лучком. Это же позор, сказал варяг, в сухую погоду мужчине сырого селезня жрать. Тут же и выяснилось, что старик обнаружил Серегу значительно раньше, чем тот залез в дуб. Это как раз было дело нехитрое. Духарев наследил и нашумел как истинный горожанин. Как испуганная корова в антикварном салоне.

Единственное, чему варяг не стал учить Серегу, – плавать. Глянул разок – и кивнул. Годится. Показал только, как из тростника дыхательную трубку делать.

В общем, обучение шло активно и разнообразно. Но система ощущалась. Очевидно, Духарев был не первым, кого старый варяг натаскивал в «жнецы полей смерти». Не первым и не десятым. И Серега честно старался. Во-первых, потому что учиться умел и любил, во-вторых, потому что очень хотелось перестать быть лохом, которого любой разбойник может в пыли вывалить. Крутым хотелось стать. Чтобы чувство собственного достоинства находилось в равновесии с возможностями это достоинство отстоять. Стараться-то Серега старался, да выходило не очень. Кое в чем он тупил. И в это «кое-что», что особенно обидно, входило самое главное: работа с оружием.

Следует признать, что Серегиному наставнику тоже была огорчительна ученикова «тупость». Но старый варяг попусту

огорчаться не привык, а привык устранять причины огорчения. Радикально. Поэтому одним прекрасным утром он нацепил на конец своей деревяшки плетенный из прутьев щиток, нагрузил Серегу здоровом мешком с припасами, и они отправились в путь.

Глава пятая

Сильное место

Шли три дня. В основном по болоту. Этаким марш-бросок с полной выкладкой. Рёрах впереди, шлепая привязанной к костылю плетенкой. Было непривычно видеть старика без неизменного горноста на плече. Но оба зверька остались дома. Почему остались, варяг, разумеется, Сереге не объяснил. Тот, впрочем, и не спрашивал. Время от времени старик щупал топь череном рогатины. У Сереги была точно такая же рогатина, но он нес ее на плече. Чтобы не ухнуть в трясины, ему было достаточно идти след в след варягу. Шли с восхода до заката, и быстро. Особенно если учесть «рельеф местности». На третий день у старика разболелись поясница и суставы. Пришлось устроить дневку на болотном острове. Полечиться. Лечился дед просто. Сварил какой-то травы. Поймал гадюку, нацедил из нее яду. Добавил яд в отвар. Не весь. Малость оставил для ученика. Добрая душа. Велел Сереге снять рубаху и царапнул сучком Серегину спину. «В правильных местах», как он изволил выразиться. «Про-

дезинфицировал» царапины гадючьим ядом, садист старый! Ощущения были – в полный рост. Но никакого снисхождения к Серегиным страданиям проявлено не было. «Обработав» ученика, варяг снял рубаху, подставил солнышку густо исчерченную шрамами спину и велел втирать в нее загустевший отвар. К вечеру Рёреху стало намного лучше. А Сереге – совсем худо. Спина и руки распухли, температура прыгнула, пошли какие-то глюки на военную тему: то мертвый чечен с оскаленной черной рожей, то двое ребят из его отделения, которых в первый день накрыло гранатой... После «войны» поперло всякое говно из «прежней» жизни. Пьяные бомжи вперемешку с толстомордыми политиками, еще какие-то бляди... В редкие минуты яви, разлепив глаза, Серега видел Рёреха, полуголого, поскольку в варягову меховую одежду был завернут Духарев, совавшего в зубы Сереге чашку с горячей жидкостью. Духарев пил – и снова проваливался в бред, и в бреду думал: может, это и есть явь? Может, он валяется в какой-нибудь питерской вонючей луже, пьяный, избитый, невменяемый, а Рёрех и весь этот древнерусский цирк – его предсмертный глюк...

А утром все прошло. То есть не «древнерусский цирк», а горячка. Проснулся Серега с вполне нормальной температурой и приличным самочувствием. Слабость, конечно, была, и спина болела, но это мелочи.

Рядышком, на войлоке, спал варяг. На его спине, в ее холмах и распадах, паслись стада комаров. Серега поломал ко-

марам кайф, накрыв варяга курткой.

Зря. Рёрах сразу проснулся и скомандовал: развести костер и заняться завтраком.

После завтрака старик отдыхал, а Серега работал: метал топорики в сухую ольху. С одной руки, с двух, со спины, лежа... Из всех положений попадал одинаково редко. Запыхался и взмок, поскольку за топориками приходилось бегать.

Часика через два варяг позволил ему передохнуть, попить кипятку с брусничными листьями.

Спина уже почти не болела.

– Рёрах, ты зачем меня ядом травил? – решился спросить Духарев.

– Обратно пойдем – еще раз смажем, – флегматично ответил старый палач. Минуты через две добавил: – Второй раз легче будет.

– Я счастлив! – желчно отозвался Духарев. – А без первого мне еще легче было бы, кстати.

– Не легче, – покачал головой варяг. – Воин боли не боится, железа не боится, воды и земли не боится. И отравы тоже. Привыкнуть должен.

– Угу, – пробормотал Серега.

Это, выходит, ему иммунитет к яду прививали. Спасибо, что не к отрубанию головы!

Еще через три дня вышли к речке. Сварганили небольшой плотик – не для себя, для вещей, переплыли на другой берег. Сухой, что приятно. На берегу и заночевали. А утром нако-

нец пришли к цели.

– Это сильное место, – чтобы сесть на землю, Рёрах оперся на древко сулицы. Не похоже, чтобы «сильное место» прибавило ему сил. Угонял дедушку форсированный марш-бросок.

– В каком смысле – сильное? – Духарев оглядел заросшую клевером поляну. Ничего примечательного, кроме почерневшего от времени столба, врытого в холмик метровой высоты. И столбик, и пригорок совершенно терялись в тени великолепного, не менее семи охватов, высоченного дуба. Ну, дубов и там, откуда они пришли, хватало. И потолще найти можно.

Рёрах прислонился спиной к стволу, вытянул покалеченную ногу, а здоровую поджал под себя.

– Сильное. Ты почувствуешь. Попробуй.

– Ладно, – легко согласился Духарев.

Он аккуратно положил на траву рогатину, снял обувь, вышел на середину полянки, остановился. Трава еще не просохла от росы. Солнышко грело щеку, деловито гудели шмели.

Сереге согнул ноги в коленях, вытянул руки, прикрыл глаза и сосредоточил мысли в нижней половине живота.

Никаких дополнительных ощущений не возникло, но стоять было легко и приятно. Сереге чувствовал, что может так простоять подольше, чем в своей комнате на Дербах. И даже дольше, чем в зале.

Духарев медленно вдохнул носом, выдохнул еще медленнее через сжатые зубы. Длинный вдох, короткий выдох – активность, короткий вдох, длинный выдох – самопогружение. Серега «почувствовал» землю ногами. Огромный теплый шар – под собой. Упругий шар, к которому «липнут» стопы. Серега сосредоточился на этом ощущении и медленно вдохнул «из земли», представляя...

Представить он ничего не успел. Земля под ним дернулась, как живая волосатая спина, колени разогнулись, и Серега оказался вдруг лежащим на траве. Он совсем не ушибся, но вставать почему-то не хотелось. Все было – в кайф. Здоровенный шмель опустился ему на щеку, мазнул лапками и тут же взлетел.

Дребезжащее хихиканье вытолкнуло Духарева из расслабухи.

Серега мгновенно подскочил, уставился на старого вояку. – Как ты это сделал? – сердито спросил Духарев.

– Я? – Варяг фыркнул. – Я-то при чем? Сказано же: сильное место.

– И что оно еще может? – озадаченно спросил Серега.

– Оно – не может. Оно – поможет! – отозвался Рёрах, слегка раздраженный Серегиной непонятливостью. – Ты не стой, делай чего-нибудь!

Серега спорить не стал, подхватил рогатину, завертел ею, как показывал старик. Рогатина слушалась не в пример лучше, чем обычно. Как будто ожила. Так и вертелась сама

по себе, Серега ее только пальцами придерживал. Но через несколько минут это ему все равно наскучило. Хотелось самому прыгать и вертеться.

Духарев положил рогатину в траву, разбежался, выпрыгнул повыше и пробил аж три йоко, третий – с лихим «ки-ай», переполошившим птичью братию. Классно получалось. Серега попрыгал еще, пронзая и разрывая воздух мощными прыжковыми ударами. Ноги были – как на пружинках. Разбежавшись, Духарев прошелся колесом, ни с того ни с сего вдруг крутанул сальто вперед. Надо же! Никогда не получалось! Какой из него, почти двухметрового дылды, гимнаст? А ведь может! Серега попробовал крутануть сальто назад. И это вышло. И еще раз. И еще.

– Дед! – крикнул он в восторге. – А мне нравится, дед!

– Это не штука, – ехидно отозвался варяг. – Главное – чтоб ты, дурная голова, *тут* понравился!

– Это как? – не понял Серега.

– А ты подумай, – посоветовал Рёрах. – Может, и сообразишь. А пока не сообразишь, отсель не уйдешь. Хоть три дни думай, хоть все десять.

– Ну ты шутишь! – Духарев усмехнулся. – А пить-есть что я, по-твоему, буду?

– Росу попьешь, – старик ухмылялся во весь дырявый рот. – Роса от хворей шибко помогает. А оголодаешь, клевер пощиплешь. Он сладкий.

И тут до Сереги дошло, что дед не шутит, а говорит на

полном серьезе.

«Соображал» Духарев аж до полудня. И после полудня. И еще полночи соображал, и от таких мыслительных усилий не на шутку утомился и уснул, где сидел: на пригорке под столбом.

А когда проснулся утречком, то спокойненько отправился к ручью: водички попить. Серега «въехал».

Глава шестая,
*где сначала говорится о богах
и прочих высоких материях, а
потом Сереге предоставляется
возможность вываляться в грязи*

– Вот небо, – сказал Рёрах. – Там Перун гневный и Дажьбог светлоокий. Там Стрибог рождает ветра и дождь со снегом. Там великие воины скачут на крылатых конях.

А вот земля. В земле Мокошь живет, корни гладит. Корни питает. Женская сила – от земли. И мужская сила – от земли. Все живое живет на земле, кормится от земли, а тянется к небу. Землю и небо вода вяжет. Вода – жизнь. Через воду земля силу пьет. И отдает – тоже через воду. Земля водой от огня бережется, но огнем из земли крепость вытягивается. Вот гляди, – варяг потянул к себе рогатину. – Вот дерево, – он погладил черен, – живая крепость, легкая. А вот желез-

ко, – Рёрах щелкнул по наконечнику, отозвавшемуся тусклым звоном. – Мертвая крепость. А вместе – жизнь.

– Не понял, – проговорил Духарев. – Им же убивают.

– Что врагу смерть, то тебе жизнь, – варяг поглядел на него снисходительно, как на ребенка. – Воину нужна сила. Сила от земли. Воину нужна доблесть. Доблесть от неба. Попроси Мокошь дать силу – и она даст. Не поделишься силой с Перуном, и Перун отнимет все. Без доблести сила обратно в землю уходит. А Перун кровь любит.

– Это я уже знаю, – буркнул Духарев.

Он ничего не имел против «сильных мест», но насчет Перуна и прочих имел вполне твердое мнение. Единственное, какое следует иметь православному христианину. Даже такому плохонькому, как Духарев.

– Связанному горло перерезать – невелика доблесть, – сказал он.

Варяг захихикал.

– Молодец, – похвалил он. – Правильно понимаешь, даром что кривич с лица. Глупый человек вырезает из живого дерева мертвую рожу, мажет ей губы рабьей кровью и думает: вот я молниерукому угодил! Потому что дурак! – гаркнул Рёрах. – Доблесть – к доблести. Храбрость – к храбрости. Храбрый воин врага рушит, вражьей кровью умывается, битвой дышит – и храбрее становится. И доблесть его – Перунова пища. И Перунов дар. Это как из малого желудка могучий дуб вырастает. Но чтоб дуб вырос, земля нужна. Сила

земная, от Мокоши. – Варяг помолчал минуту. Серега ждал.

– Силе я тебя научу, – наконец продолжил Рёрах. – Без силы от храбрости проку нет. Зарежут ты и не заметят, что храбр. Доблести же – не научишь. Это ты сам должен. И говорить мы о том боле не станем. Все.

– А о чем станем? – поинтересовался Серега.

– А вообще седни говорить ни о чем не станем. Иди-ка гадюку мне излови.

– Опять поясница болит? – озаботился Духарев.

– Не болит, – варяг неприятно усмехнулся. – У меня не болит. А у тебя – будет.

Несмотря на мрачный прогноз, худшие ожидания Духарева не подтвердились. Второй сеанс «иммунизации» прошел значительно легче, чем первый. Без бреда и почти без жара.

На обратном пути варяг решил научить Духарева «болоту». Система обучения у Рёраха была, как всегда, проста и эффективна. Он просто махнул рукой, указывая направление, и велел Сереге идти первым. Минуты через полторы варяг уже выуживал Духарева из трясины. Выудил.

В этот день они прошли не много. Зато Серега раз тридцать окунался в вонючую жижу.

На второй день варяг предупредил, что больше вытаскивать не будет. И нарушил обещание только один раз. Первый. И то не сразу, а когда Серегу уже по ноздри в трясины затянуло.

В этот день они прошли еще меньше.

На третий день варяг снизошел до объяснений. Суть их сводилась к тому, что иная кочка только *выглядит* кочкой. И что если опора выдерживает нажим черена, то это еще не значит, что она выдержит такую оглоблю, как Духарев...

Короче, обратно они шли не три, а полных семь дней. Причем три из этих семи дней почти непрерывно лил дождь. Зато на седьмой день Духарев уже топал довольно бойко и не провалился ни разу. Правда, с полудня они шли уже не по болоту, а по твердой, хотя и довольно мокрой земле.

Глава седьмая,

в которой Серега Духарев узнает много интересного, например: почему старый варяг поселился в дубовом дупле

Вечера были самой приятной частью суток. Даже если ночью планировался не сон, а очередная тренировка, сразу после заката Рёрах и Сергей уходили на озеро, на песчаный мыс, где почти всегда дул ветерок, сносивший комаров. Серега высекал искру, разводил костер – он научился это делать в считанные минуты – жарил мясо или варил похлебку. Ужинали вчетвером: два человека и два горноста. Затем разговаривали. Вернее, старик говорил, а Духарев слушал. Иногда спрашивал – и варяг отвечал. Иногда.

Однажды к числу слушателей присоединилась русалка.

То есть не то чтобы присоединилась, а выглянула из воды неподалеку. Рёрах, пользуясь воинской «азбукой для глухонемых», которую в свое время заставил вызубрить ученика, обратил Серегино внимание на «гостью», и Духарев несколько раз, исподтишка, на нее поглядывал. Разглядел, надо сказать, совсем немного; темную грудку похожих на водоросли волос, синевато-белые пятнышки глаз... Но даже это немного на некоторое время отвредило Духарева от ночных заплывов. Потом, правда, всезнающий Рёрах объяснил ему, что русалки боятся людей куда больше, чем люди – русалок. За исключением нескольких ночей в году. А иные водные обитатели, которых действительно следует опасаться, плевать хотели на какого-то там Серегу Духарева. Опять же никакая нежить не рискнет покуситься на человека, которому благоволят боги. Варяг, правда, уточнил, что по поводу Белого Христа, которому поклоняется Серега, ничего определенного сказать он не может, но ежели, например, человеку покровительствует тот же Волох, то ни леший, ни водяной, ни иная лесная нежить покуситься на человека не посмеет. Что же до здешнего божественного пантеона, то разобраться в нем оказалось не просто, но кое-что Духарев все-таки просек. Например, что есть – небо, а есть – Небеса. И есть свет, в частности свет солнца, которым «заведует» бог по имени Хоре. А есть Свет, с которым все более сложно, поскольку распоряжаются им коллегиально Стрибог, Дажьбог, Род и Перун. Причем первый, судя по всему, – и есть этот Свет, а по-

следний, по мнению Рёреха, среди прочих единственный, с кем следует реально считаться, поскольку Перун-молниерукий и есть Небесный Воин, а следовательно, рангом выше остальных. Но и с остальными ссориться не стоит. Серьезные ребята. Да и с мелкими племенными божками тоже препираться не стоит без должной причины. Особенно если пребываешь на их территории. Но это не значит, что уважающему себя воину пристало прогибаться перед каким-нибудь Радегастом. Да воину вообще прогибаться не пристало! Даже и перед самим Перуном. Не любит Перун согнутые выи. Перерубленные – другое дело!

Вообще мир, в котором жил Рёрех, а теперь, естественно, и Духарев, был густо населен всевозможными невозможными существами. К большинству из них варяг относился примерно так же, как домашняя хозяйка – к тараканам. То есть: гонять надо, но все равно обратно придут.

Сергея до попадания сюда относился ко всякой мистике с обычным скептицизмом здорового неглупого мужика. Но кое-какие события, в частности тварюга, с которой он схватился в Дажьбогову ночь, существенно повлияли на его мировоззрение. К силам же, о каких толковал варяг, Сергей относился практично. Примерно как к своей оставшейся в Питере потрепанной «восьмерке»: капризна, прожорлива, склонна ломаться и портить воздух, но ведь ездит же!

Короче говоря, русалки с лешими стояли в самом конце списка опасностей, угрожавших человеку в этом славном

мире.

Духарев не спрашивал, как варяг потерял ногу. Он полагал, что вспоминать об этом тому не очень-то приятно. Еще Серега обратил внимание на то, что подошва уцелевшей ноги варяга покрыта сплошными рубцами. И как-то, в простоте душевной, поинтересовался, откуда они взялись. И варяг, тоже попросту, объяснил, откуда берутся такие рубцы.

Рёрах и его (!) дружина как-то взяли на щит один городок. Не здесь, далеко на Дунае. Штурм обошелся дорого, поскольку городок был крепкий. Но взяли. И добыча того стоила. Правда, десятую долю пришлось отдать киевскому князю. Тому, которого Олегом звали. Но это справедливо. Олег был сильный князь, мог и все забрать, а взял только десятую долю, а у тех, кто к нему в дружину пошел бы, вообще ничего, сказал, не возьмет. Но никто не перешел.

А когда возвращались, уже здесь, на Двине, налетел на них плесковский воевода. Тот, что нынешней киевской княжне Ольге был ближний родич, а у Олега-князя в большом почете был, и потому закон для воеводы не писан. Услыхал он, видно, что Рёрах с ватажкой большую добычу домой везут, и решил поживиться.

Рёраховских побили. Их было меньше, да каждый второй ранен, а у плесковского воеводы в дружине – три руки нурманов. Нурманы же биться всегда горазды, а когда золотом пахнет – в особенности. Без нурманов воевода напасть бы не рискнул. Рёрахова дружина – матерая. Все в железных бро-

нях, ромейских, в бою взятых, щиты крепкие, мечи да секиры – лучшего железа. Из пятнадцати нурманов только шесть уцелели. А плесковских – половина. А Рёреховы, кто остались, – все полегли. Зато он сам и с ним еще четверо сумели уйти на большой лодье. Вместе с добычей. Ушли-то они ушли – по ночному времени. Да понимали – не надолго. В три пары рук – двое из-за ран грести не могли – от погони лодью не уведешь. Рёрах решил так: добычу спрятать, чтоб врагу не досталась, а дружинникам разойтись на четыре стороны. Сам же он остался в лодье, повел ее под парусом вниз по Двине, потянув за собой погоню.

Рёреха, конечно, догнали. Хотел он в реку прыгнуть – в доспехах враз на дно ушел бы. Не прыгнул. Решил в бою смерть принять.

Но погибнуть с мечом в руке варягу не дали. Подошли с двух бортов, набросили сети, взяли живым. И нурманам отдали, чтоб те вызнали: где добыча спрятана? Нурманы же пытаться умеют...

Тут старик прервал рассказ для того, чтобы обратить внимание ученика на важность этого самого искусства: языки развязывать. И примерно полчаса разъяснял, как, где и чем следует жечь и резать, чтобы добиться максимального эффекта, и какие увечья наиболее результативно ломают упорство пытаемого. Особо предупредил о нежелательности нанесения ран, «несовместимых с жизнью», а равно – о необходимости наладить психологический контакт с допрашива-

емым. Иной раз страх действует надежней боли. Главное же – завоевать доверие пытаемого. Измученный человек подобен ребенку, то есть склонен искать защиты и поддержки. Даже у палача. Если время позволяет, сломать можно почти любого, авторитетно заявил варяг. Даже того, кто боли не боится, а радуется. Или пытаемый все расскажет – или умом тронется.

Говорил старик с большим знанием дела, и чувствовалась за его словами богатая практика. Духарева никто не рискнул бы назвать особо чувствительным, но не один раз в течение этого занимательного урока к его горлу подступала тошнота.

После вводной лекции по палаческому делу Рёрах вернулся к собственной истории. Выяснилось, что у нурманов времени было не очень много. Кроме того, палачи были молоды и получали удовольствие от самого процесса. И наконец, последнее: опять-таки по молодости, нурманы не могли себе представить, что человек с сожженными до костей подошвами способен ходить. А Рёрах смог.

Нурманы допрашивали его посменно. Двое пытаются, остальные другими делами занимаются. Рёрах дождался ночи, он убил тех двоих, что его пытали. Причем сделал это так, что никого в лагере не побеспокоил. Правда, «работали» с варягом не в самом лагере, а на отшибе. Чтобы вопли пытаемого не мешали здоровому сну воинов.

Прикончив палачей, варяг доковылял до лагеря, зарезал часового, украл коня и ускакал, оставив плесковского вое-

воду с носом. У воеводы были хорошие псы-следопыты, но под утро зарядил дождь, смывший следы.

Примерно в полдень следующего дня варяг слез с коня, чтобы попить, – и потерял сознание. Когда очнулся – коня не было, и Рёрах решил, что пришло его время умирать. Ходить он уже не мог, даже ползти не мог. Лежал на берегу ручья и говорил с богами, которые подошли совсем близко. И наверно боги решили, что варягу еще рано умирать. Поэтому боги привели к Рёраху не волка, а волоха.

К этому времени душа варяга уже стояла на кромке и глядела в Ирий.

Волох вернул душу обратно. Правда, Та Сторона взяла с Рёрах выкуп. Та нога, которой варяг заступил за кромку, почернела и стала ногой мертвеца. Волох отрезал ее и отдал миру мертвых. После этого Рёрах выздоровел, а волох, который жил в священном дубе, научил варяга ведовству и ушел, оставив Рёрах хранить священное место. А перед этим сказал, что открывается это место лишь тому, кто не от сего мира. Например, такому, каким был сам Рёрах, когда умирал у ручья. Сначала старик надеялся, что Духарев – именно таков и он сможет передать ему свою участь и уйти к людям, потому что даже мудрому трудно жить без людей. Но теперь старик видит, что Духарев – не тот, кто станет хранителем. По крайней мере – сейчас не тот. И это ему, Рёраху, весьма огорчительно.

На этой «оптимистической» ноте варяг завершил беседу,

велел ученику залить костер и отправляться спать, потому что завтра его, ученика, ждет трудный день. А он, Рёрах, позаботится, чтобы этот день был не просто трудным, а *очень* трудным.

Глава восьмая

О скрадывании

– Ты по траве ходишь, а не в траве, – недовольно проговорил Рёрах. – Даже я на своей култышке лучше хожу.

– Я стараюсь! – возразил Духарев. – Мне кажется, у меня уже лучше получается, разве нет?

– В скрадывании не бывает лучше, хуже, – проворчал варяг. – Вот скрадываешь ты оленька. Не услышал, не унюхал – он твой. Услыхал: шасьт – и нет его. И без разницы: листом ли старым ты зашуршал или в било грохнул. Олешка-то – нету! Или другой случай. Увидал тебя чудин. И шапка ему твоя понравилась. И подобрался к тебе чудин, стрелку наложил – и фыр-р! – полетела твоя смерть! – Рёрах резко взмахнул рукой. Горноста́й на плече варяга недовольно зашипел. – Цыть, – сказал ему старик.

– Услыхал ты чуди́на, – продолжал урок Рёрах, – пропала его стрела. И сам он пропал. Не услышал: носить чуди́ну твою шапку. Вон в траве кто бежит? – внезапно спросил варяг.

Серегá поглядел в указанном направлении, но никакого движения не заметил. О чем и сообщил.

– Ты б еще почесался сперва, а потом башку повернул, – недовольно бросил старик. – Бурундучок это был. А была б мышка, или ящерка, или змея – я б знал, что то ящерка, мышка иль змея. Хоть в траве не видно. Глаз на траву глядит, только траву и видит. А умное сердце воина видит, что под травой. Сердце слышит, когда выпь крикнула, а когда враг врагу выпьем криком знак подал. Или когда змея шуршит-ползет, а когда – чудин. Понял, репка-сурепка?

– Понять-то понял, – буркнул Духарев. – Да что толку? Вспомни, как ты меня оружие чувствовать учил. Пока на ту полянку не привел – все без толку. А понимать я тебя понимал прекрасно. Вот я иду... – Серега сделал несколько шагов, ставя ногу, как учил варяг, стараясь не ступать, а при-трагиваться к земле подошвами. На его взгляд, получалось совсем неплохо, но Рёрах скривился:

– По мертвой глине ходишь, а не по живой земле. Ох, показал бы я тебе, кабы не деревяшка моя... Хотя, погоди! Пошли!

Он прытко захромал по тропе. Духарев – следом.

Шагов через триста варяг показал: стой! На буковой ветке сидела тетерка. Рёрах осторожно снял горностаю с плеча, поднял, показал ему птицу. Затем так же осторожно опустил зверька на землю. Мохнатое длинное тельце скрылось в траве, вынырнуло у соседнего дерева. Горностаю стремительно взбежал по стволу, меховой стружкой протек по горизонтальной ветке, прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя

лапками... Тетерка оглушительно хлопнула крыльями, сорвалась... Поздно! Комок из бьющихся перьев и шелковистого меха рухнул в траву. Рёрах не спеша двинулся к месту падения. Когда он подошел, тетерка уже не трепыхалась. Горноста́й оторвал от ее горла окровавленную мордочку и победно заверещал. Хвастался.

– Ну? – спросил варяг. – Уразумел?

К сожалению, Сергей не мог ответить ему утвердительно.

Ничего, научится. Палкой, мечом и копьём он уже орудовал неплохо. Это и Рёрах признавал. И ножи кидал, и топоры, даже с обеих рук. Правда, при двойных бросках один, как правило, выходил «в молоко». Вогнать два топорика в столб так, чтобы между ними остался просвет шириной точно в ладонь, как это умел Рёрах, Сереге пока не светило. Значит, надо тренироваться.

Вечерами у Духарева теперь был дополнительный урок: изготовление разных приспособлений для отработки силы удара. В основном, грубых щитов, ростовых и поменьше. Щит подвешивался на глубоко врытый в землю столб. Иногда варяг головешкой малевал на щите контур человека и точно указывал, в какое место должно воткнуться копьё.

Бились они и друг с другом. Серега натягивал толстую стеганую куртку и шлем, подбитый войлоком. Пользоваться щитом в поединке ему Рёрах обычно не разрешал, хотя сам всегда брал небольшой овальный щит. Впрочем, орудовать щитом, большим и малым, уводить, отражать удары,

бить краем при необходимости Серега уже умел. Вообще, Рёрех Духарева хвалил: молодец, стараешься, растешь. Но в поединках со стариком Серега неизменно проигрывал. Если иногда Духареву и удавалось достать учителя, то лишь потому, что на протезе особо не попрыгаешь. А вот Сереге прыгать приходилось постоянно. А что бывает, когда человек интенсивно бегаёт и прыгает летним днём в зимнем прикиде?

Правильно! Семь потов с него сходит. И весь завязавшийся в сытой жизни жирок. И приобретает идеальную боевую форму.

В свое время Духарев восхитился, глянув на торс гридня, охранявшего торжковские ворота. Теперь у него самого торс был не хуже, если не лучше. И сальто крутануть он мог не только на «силовой» полянке, но и на обычной лужайке.

Тем не менее Серега понимал: до уровня настоящего воина, такого, как калека-варяг, ему ещё учиться и учиться. А лето между тем уже заканчивалось.

Глава девятая

Посетители

На жесткой старой шкуре были разложены рядком стрелы. Отдельно – Рёрехов лук со спущенной тетивой. Тот, что похуже.

– Натяни, – велел варяг.

Духарев упер один из концов в землю, ухватился, подна-

прягся и набросил петлю. Перехватил за середину. Напряженный, лук даже стал как будто легче. Серега поднял его на вытянутой руке, зацепил тетиву, медленно оттянул к уху, чувствуя, как приятно, мощно твердеют мускулы, словно в них перетекает упругая сила лука. Напряг – подержал (тридцать медленных вдохов-выдохов) – отпустил плавно. Повторил то же, но уже с роговым кольцом на большом пальце правой и перчаткой на левой руке. Спустил тетиву, звонко щелкнувшую по толстой коже. Положил лук на шкуру. Руки не дрожали.

– Назови, – потребовал Рёрах, и Серега послушно перечислил части оружия:

– Рукоять, спинка, живот, плечи...

Наставник кивнул. Взял с рогожки одну стрелу, с граненым узким наконечником.

– Бронебойная, – тут же сказал Духарев. – Против панциря, против доспеха пластинчатого, литого...

Варяг взял следующую, длинную, почти метровую, с наконечником острым и круглым...

– Бронебойная, против кольчужного плетения! – отбарабанил Духарев. – Наконечник черешковой крепки.

– Назови.

– Черешком крепят или прочно, на клей, или мягко, чтоб при тяге за древко древко выходило, а наконечник оставался в ране. Берестой обертывают для легкости полета.

– А эта бороздка – зачем?

– Для яда. Зазубрина же служит для затруднения вымания, – Духарев повторял слово в слово, память у него была хорошая.

– Зачем?

– Чтобы кровью яд не вымыло.

Рёрах взял следующую.

– Срез, – тут же доложил Духарев. – Против бездеспешного, против зверя, против лошади всадника, только лошадь бить – позор.

Именно так говорил варяг, и сейчас он удовлетворенно кивнул, отложил срез, стрелу с широким плоским наконечником, взял другую, двурогую, ту самую, какая была у него в самостреле, когда они с Духаревым в первый раз увидели друг друга.

– Охотничья, – сообщил Серега. – Для водоплавающей птицы...

Контрольная длилась почти час. Варяг дотошно выспрашивал каждую детальку. Почему одна стрела короче, другая длиннее. Как подобрать перья для хвостовика, какой стрелой бить и куда. Для чего иные стрелы делают со свистулькой, как сделать стрелу зажигательную и такую, чтобы горела, обозначая свой полет. Потом опять вернулись к луку. Серега спускал пустую тетиву, имитируя выстрел на дальность, выстрел бесшумный, выстрел с упреждением сильного ветра...

Наставник был удовлетворен.

– Добро, – сказал он. – Завтра возьмем стрелы, что ты сам делал. Будем учиться, как их в дело пускать. – И добавил, понизив голос: – А сейчас замри и слушай.

Сергея послушно замер... И буквально в то же мгновение отчетливо услышал дыхание. Двух... нет, трех человек. Примерно в двадцати шагах от них в темноте прятались какие-то люди. Серега в изумлении уставился на варяга. Тот медленно опустил и поднял веки.

Сергея подумал, что они у костра – как на ладони. Но варяг ничего не предпринимал, поэтому Духарев тоже решил от действий воздержаться.

Прошло несколько минут. Засада безмолвствовала. То есть звуки оттуда доносились: вздохи, посапывание, скрип кожи, похрустывание, как будто стоящий человек перенес тяжесть с носка на пятку. Духарев даже удивился, насколько он теперь чуткий. Чуткий-то – чуткий, а подкравшихся прохлопал.

– Ну! – неожиданно громко и резко произнес варяг. – Выходите или убирайтесь. Или этим пощупать?

В правой руке старика обнаружился метательный топорик. Собственно, как сообразил Духарев, топорик уже давно был в руке варяга, только это как-то... не афишировалось.

За кустами кашлянули, задышали чаще, потом отчетливо захрустел валежник, и на полянку выбрались точно трое: заросшие до глаз мужики в кожаных шапках, таких же штанах, с короткими охотничьими луками. Не кривичи. На ме-

рйя похожи. Встали по ту сторону костра, переминаясь с ноги на ногу. Духарев, отработывая выученное, держал в поле зрения всех троих сразу, фиксировал положение рук, прикидывал, как перехватить, если кто попробует схватиться за нож...

– Так пришли или дело есть? – строго спросил варяг.

– Дело, – сказал один из троих, и по его голосу Серега определил: трусит. И тут же заметил, что остальные тоже боятся, хотя изо всех сил стараются не подать виду.

– Присядьте, – негромко произнес варяг, и все трое разом опустили на землю и замерли, скрестив ноги.

– Дай им пить, – приказал варяг, и Серега подхватил котелок.

Трое, как по команде, извлекли деревянные чашки.

Духарев налил в эти чашки, довольно, кстати, грязные, остывшего травяного чайку.

И увидел, как ночные гости расслабились, глаза утратили настороженное выражение. Угостили хоть водой – значит, убивать не станут. Сразу, по крайней мере. Соображают ребяташки. Хотя на их месте Духарев от варяга в кустах таиться бы не стал. С деда стало бы: метнул бы копьецо в эти кусты на всякий случай, и, можно не сомневаться, кое-кому резко бы поплохело.

– Ну? – повелительно произнес варяг.

– Ты, это, ведун, верно-ть?

– Говори.

– Мы, это...

И тут другой мужик вдруг быстро залопотал на языке, которого Духарев не понимал. Остальные шумно запротестовали. На том же языке.

– Цыть! – рявкнул Рёрах грозно, и дискуссия прекратилась.

– Говорить будешь ты, репка-сурепка! – Варяг ткнул пальцем в первого. – А ты, Сергей, возьми дубинку: ежели кто еще рот откроет – хряпни по макушке. Ну, слушаю!

– Князь к нам приходил. Игорь киевский. Дань брал. Шкурки брал, воск. Мы дали.

– Дали и дали, – кивнул Рёрах. – Он – князь.

– Дык мы ж Новгороду даем! – воскликнул бородач.

– Так не давали бы.

– Да как же не дать? – удивился бородач. – У киевлян щиты крепки, мечи востры! Побьют!

– Так новгородским скажите.

– Сказали ж!

– И что же?

– Бают: не давайте. У вас, бают, кусты густы, луки туги, стрелки востры, ядом мазаны. Бейте, грят, киевлян, как белок бьете.

– Ну и бейте.

– Дык боязно.

– Тогда дайте.

– Мы ж новгородским даем.

– Так не давайте.

«Какой разнообразный и содержательный разговор получается», – подумал Духарев.

– Дык побьют.

– Ну, ну... – Варяг повернулся к Сереге: – Что скажешь?

– Да ясно все, – буркнул Духарев. – Если они Новгороду платят, значит, Новгород с Киевом должен разбираться. А если – Киеву, то Киев – с Новгородом. Пусть между собой решают, кто кому платить должен.

– Во-во! – оживились бородачи. – Верно!

– Верно-то верно, – Рёрах поскреб шрам. – Да не будут они меж собой решать. Ссориться им не с руки. А эти вот... – он кивнул на пришельцев, – и два раза могут дать, не помрут. Можете?

– Ну, можем, – мрачно ответил бородач.

– А все ж это не совсем по справедливости, – задумчиво проговорил варяг. – Ладно! Сколь от вас до Белоозера? Далеко?

– Не близко. Лесами дней шесть бежать.

– А сюда сколько шли?

– Тож шесть дней.

– Так до меня же дальше!

– Да мы ж водой шли! – сказал бородач с удивлением, оттого что ведун не понимает такую простую вещь.

– А до Белоозера водой нельзя?

– Когда как.

– Понятно. Значит, слушай меня, репка-сурепка. Поидете на Белоозеро. Там городок стоит. Городок тот держит Ольбард-князь. Обскажете ему свои беды. Обещайте честно и щедро дань ему слать – он вас под себя возьмет.

– Ага... – Бородач поскрипел мозгами, осмысляя. – А, это... Выходит, еще и этому Ольбарду давать?

– Не еще ему, а только ему! – поправил варяг.

– Не-е! – мужик замахал руками. – Все они одинаковы! Меха берут, а как помочь – их нету! Бона...

– Сергей, тресни его по маковке, – приказал Рёрех.

Духарев замахнулся – мужик испуганно прикрыл голову.

– Ольбард поможет, – сказал варяг. – Скажете: я вас прислал. Рёрех-ведун.

– А Киев с Новгородом его послушают? – спросил бородач, опасливо покосившись на палку в руках Духарева.

– Послушают. Его проще послушать. Дружина целей будет. Подарки где?

– Да в лодке, – сказал бородач.

В глазах у него проступила легкая печаль оттого, что халыва не прокатила.

– Так несите сюда! – велел Рёрех. – Или мне на деревяшке за ними скакать?

Бородачи молча поднялись и канули в темноте.

– Варенье у них доброе, – мечтательно проговорил Рёрех. – Клюковка, орешки с медом...

– Слушай, – неуверенно проговорил Духарев. – А ты уве-

рен, что этот Ольбард не обдерет их, как остальные? Ему-то какой смысл с Киевом и Новгородом ссориться?

– Потому что я попросил, – варяг шевельнул костлявыми плечами.

– А вдруг он тебя не послушается?

– Послушается.

– Уверен?

– Ясное дело. Он же мой племянник.

Глава десятая, *в которой Серега прогуливается по лесу и размышляет о том о сем*

Серега бежал по лесу. Это был очередной урок, который задал ему Рёрах. Просто бежать по лесу. Просто бежать по лесу ночью, в полной темноте. Просто бежать по лесу в полной темноте до маленького, метров сто в поперечнике, озера, обойти его кругом (притом что один конец озера упирается в болото), а затем вернуться обратно к дубу. Всего-то километров семь в один конец. Пустяковое дело.

– Пустяковое дело, – сказал Рёрах. – Вот кабы ты леший устерег да кружить начал, так нет тут лешего.

– Почему? – механически поинтересовался Духарев.

– Да прогнал его волох. Поссорились они.

– Понятно, – пробормотал Серега.

Ну ясно же тебе сказали: обычное дело! Ну поссорились

леший с волохом, и волох лешего прогнал. Ну нормальные разборки. Повторяем для тупых: волох, реально, лешего покруче будет, вот и прогнал. А без лешего по ночному лесу шастать – ну просто нечего делать. То есть даже смешно об этом говорить. Семь кэмэ в одну сторону, почетный круг через болото, и семь кэмэ обратно. Пустяки, в общем. Любому волку или там медведю дошкольного возраста, лет четырех-пяти то есть от роду, – как два пальца. А Серега Духарев, он, блин, три курса универа прошел, причем два раза. Ему это ваще – легко-ко!

В общем, бежал Серега прямо и зигзагами и думал о приятном. Например, о том, что месяц, хоть и узенький да между крон почти не проглядывающий, но все-таки светит. А зайдет, так звезды же останутся. Хорошо ведь, когда небо чистое. Вона – Большая Медведица, именуемая по-здешнему Лосихой. А вона – Малая, которую Рёрах Олененком зовет. А были бы тучи да дождик, так вообще ни хрена видно не было бы. И не слышно тоже ни хрена, кроме грома и шуршания капель. Хотя и в дожде приятное найти можно. Молния, например. Молния очень ярко светит. Потом, правда, уже совсем ни хрена не разглядишь, пока глаза опять к темноте не привыкнут.

Вот такие мысли возникали у бегущего Сереги Духарева, пока ноги его приминали опавшую листву, обнося своего хозяина вокруг стволов, по тропке, которая не столько виделась, сколько чувствовалась, угадывалась подошвами.

Правду сказать, урок был не такой уж трудный. Ходил Серега к тому озеру и с дедом, и сам один разок был. На болотистом конце куликов бил. Куликов там много.

В общем, ничего особенного. А если заплутает, так спать ляжет. А утром по собственному следу – обратно. А след Серега предусмотрительно оставлял заметный. Где веточку обломит, где носком старую листву взрыхлит. Бояться нечего. Кого бояться, зверей? Так на что у Духарева сулица на руке лежит? Ежели рысь какая прыгнет – пусть пеняет на себя. Одну рысь Серега уже убил. Правда, днем. Волков не убивал, но волки – звери умные, с человеком связываться не станут. И медведь. Рёрах обещал: как снег выпадет – пойдут мишку брать. Мишка, сказал варяг, зверь полезный. Жир, шкура, мясо, все в дело идет от мишки-то.

В отличие от других лесовиков, Рёрах мишку мишкой звать не боялся. Иногда величал еще бером, но это было не прозвище вроде «хозяина» или «медведя», а просто другой диалект. Коли услышит зверь да придет – пусть на себя опять-таки пеняет. Рёрах – ведун. Его врасплох не возьмешь. А интересно, он, Серега, может стать ведуном или нет? Если, как утверждает варяг, какая-то Серегина часть осталась вне этого мира, может, Серега тоже ведун? Интересно, какая это часть? И как там ей живется? А может, где-то в сумрачном Питере такой же Серега Духарев потягивает пиво с корешами или коктейльчик с пузырьками в каком-нибудь клубе с накрашенной девчушкой и ловит законный кайф, пока его

неудачливый двойник упирается, чешет по лесу хрен знает куда...

«А ведь тебе это нравится! – сказал себе Серега. – Тебе ведь это по кайфу, мужик! Вот так вот бежать с настоящим копьём на согнутой руке по настоящему лесу! И ни хрена не бояться, потому что знаешь, что точно не пропадешь. Потому что это круче, намного круче, чем сосать пузырьки через соломку и прикидывать, сколько бабок останется к утру в тощем лопатнике. Потому что если я, Серега Духарев, не обломаюсь (а вот хрен я обломаюсь!) и вытяну из деда всю его дедову науку, то буду я в этом мире – король. Буду свежее мясо жрать и воду пить, хрустальную от чистоты, и даже к меду их дрянному привыкну, наверное, потому что не бывает, чтоб все – из шоколада. И девчонки у меня будут самые лучшие, а друзья – самые верные. И если я и уступлю кому, то не какому-нибудь засаленному хмырю с натыренными баксами, а тому, кто по-настоящему круче. Вроде того же Рёреха».

Вот о чем думал Серега, когда бежал по ночному лесу. Ему было – по кайфу. И он больше не задавал себе вопрос: «Почему я здесь? И зачем?»

Не задавал. Но вопрос – остался.

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев осваивает очередную воинскую игрушку

Рёрах порылся в ларе и извлек из него внушительных размеров топор с серповидным лезвием.

– Нурманская секира, – сказал он. – Неси на лужайку.

Рукоять у секиры была длинная, в двух местах обмотанная шершавой кожей. Лезвие широкое, с заостренным и вытянутым верхним концом. По нижнему краю был сделан глубокий вырез, вероятно, для облегчения оружия.

На лужайке дед отобрал секиру. Помахал ею в воздухе.

– С мечом видишь разницу? – спросил он.

– Замах другой, – тут же ответил Духарев.

– Молодец, – похвалил варяг. – Секира с плеча рубит. В одну руку. В две руки. Колет так... – Рёрах перехватил рукоять и ударил верхним, заостренным концом почти как копьем. – Щит на столб зацепи.

Серега поспешно закрепил на столбе один из изготовленных вчера «щитов».

Секира в руках варяга описала дугу. Верхний край полумесяца с хрустом прорубил ребро щита. Рывок к себе – и щит слетел со столба под ноги Рёраху. Варяг наступил на него дорвяшкой, дернул, освобождая оружие.

– Секира рубит все, – сказал он. – Ежели умеючи. Секира

– сокрушитель мечей. Ни один меч не вынесет ее прямого удара. Запомни это. Клинок – только против древка. Секиру можно принять на щит. Добрый щит выдержит. Раза три-четыре. Не больше, если рубить умеючи. Или меньше, если не умеючи – отбивать. Повесь-ка новый!

Духарев поспешно зацепил еще одну свою поделку.

– Рубят так, – показал варяг. – Или так. А если хочешь достать врага через щит – то так.

На втором ударе духаревское творение плотницкого искусства рассыпалось, и он повесил следующее, а Рёрах продолжил:

– Если ударить всей силой сюда, в середку, напротив руки, да не лезом, а обушком, то иной раз рука от боли немеет и щита удержать не может. Без щита против секиры устоять трудно. Но можно. Ты – быстрый и шустрый. Ты сможешь, если умеючи. Лови! – Он неожиданно бросил секиру в Духарева. Как копьё. И она продырявила бы Серегу не хуже копьё, если б тот не уклонился и не перехватил ее за рукоять, поймав, как ловил копьё. Только секира была существенно тяжелее.

Рёрах взял щит. Не из тех, что мастерил Духарев, а лучший из трех, сделанных самим варягом, обитый грубой кожей, со стальным ободом вдоль края и стальным же выпуклым диском в середине.

– Руби! – велел он.

Серега рубанул старательно, но по краю не попал. Старик

резко вывернул щит и отшиб секиру в сторону с такой силой, что она увлекла за собой Духарева, полностью открыв для встречного удара.

Варяг поморщился.

– Еще бей! – скомандовал он. – Хват пошире, а то мотает тебя, как девкину косу.

Минут десять Духарев сосредоточенно рубил, а варяг – парировал.

Потом они поменялись. Вернее, дед взял секиру, а Серега другой щит, потяжелее и без стальной оторочки. Первый же удар, снизу, подбросил Серегин щит вверх, и его край впился в Серегину челюсть.

Очухался он уже без щита, сидя посреди полянки.

Серега помотал головой. Глупого вопроса: «Что это было?» он не задал. И так ясно. Пощупал челюсть: рассечена, борода слиплась от крови. Но зубы – на месте. Правильно варяг ему щита с железной окантовкой не дал.

– Может, тебе под зад утиных яичек подложить? – раздался насмешливый скрипучий голос Рёреха. – Глядишь, птенчиков высидишь!

Духарев вздохнул тяжело и поднялся.

Безжалостный варяг немедленно повторил коварный удар, но Серега уже не попался. Некоторое время они кружились по полянке. Рёрах рубил, Духарев отбивал. Потом варяг ударил по ногам. Духарев, вместо того чтобы отбить, чисто рефлекторно подпрыгнул – и оказался на травке. На

обратном движении варяг ухитрился подцепить его под колено нижним вырезом секиры.

После этого они опять поменялись.

Духарев постепенно осваивался, приспособливался к новому оружию. Оно даже стало ему нравиться... Но меч все равно лучше!

Глава двенадцатая

«Мы идем в Смоленск!»

Когда листья на кленах тронуло багрянцем, Рёрах решил отправиться в город Смоленск. Вернее, на смоленскую ярмарку.

Духарев узнал об этом, когда, вернувшись к вечеру с подстреленным поросенком, обнаружил, что дед сбрил бороду и патлы. Теперь с подбородка его, вместо седой с прожелтью ботвы, свешивались до груди толстые усищи, такие же седые, естественно. А от спутанной гривы остался казацкий чуб примерно такой же толщины, что и усы. Серега вспомнил «запорожца» Скольда и решил: усищи и оседелец – что-то типа местной стрижки для крутых. Очень довольный, варяг поглядывал на себя в серебряное зеркало (Духарев понятия не имел, что у бабушки вообще имеется зеркало) и самодовольно ухмылялся. Должно быть, полагал себя писанным красавцем. С точки зрения Духарева Рёрахову внешность могли исправить только очень хороший хирург-косме-

толог и большие темные очки. Но ни хирурга, ни очков в здешних лесах не смог бы добыть даже лучший из охотников.

Впрочем, и добытый Духаревым кабанчик удостоился благосклонного взгляда.

– Прожарь мясо хорошенько да посоли, – распорядился дед. – С собой возьмем.

– Куда опять? – обреченно спросил Духарев.

Дальний поход с наставником – последнее, о чем Серега стал бы мечтать. Зловредный варяг непременно приготавливал для таких случаев какую-нибудь особенную пакость. Последний такой вояж Серега проделал в свежесодранной лосиной шкуре. То есть свежесодранной она была только сначала, а потом ее не назвал бы свежей даже самый непривередливый любитель тухлятины.

– В Смоленск пойдем, – сообщил Рёрах. – Коней покупать будем.

– Коней? – недоверчиво спросил Духарев. – А зачем нам кони?

– Ездят на них, – ухмыльнулся варяг. – Садятся на спину и едут. Не знал?

Серега тяжело вздохнул и отправился разводить костер. Он ничего не имел против верховой езды, но мог догадываться, во что превратит это занятие изощренный ум старика. Достаточно вспомнить, как дедушка ухитрился извратить обычный бег трусой. А ведь бегал Серега куда лучше, чем

держался в седле.

Отправились на рассвете. Старик нес на плечах блестящую от жира кольчугу, за спиной – меч в ножнах и тщательно упакованный лук. «Расконсервация» и перевод лука в режим «походного хранения» заняла у Сереги часа четыре. Разумеется, под неусыпным присмотром хозяина лука. При этом в туповатое (по мнению наставника) сознание ученика в сотый раз вкладывалась мысль, что лук – оружие нежное и хрупкое. И внимания требует несравненно большего, чем, например, меч. И ежели мастер-лучник может истратить целый год на изготовление этого великолепного инструмента для порчи человеческих организмов, то ленивый или неумелый парень вроде Духарева может испоганить сие совершенное оружие значительно быстрее. А лук, даже на самую малость потерявший форму или упругость, станет пригоден исключительно для охоты на зайцев. И то, если заяц подпустит к себе на пятьдесят шагов. В то время как из этого шедевра добрый стрелок без проблем попадет в грудь врага на расстоянии «перестрела», то есть двух-двух с половиной сотен метров, и стрела эту грудь продырявит. Если, конечно, не встретит препятствия в виде не менее доброго панциря. Однако обычную кольчугу хорошая стрела с нужным наконечником пробьет и на таком расстоянии. Духарев, который полагал и точный выстрел из карабина на такую дистанцию – удачным, мог бы усомниться в словах наставника. Если бы наставник в заключение не решил испробовать лук, избрав в качестве

мишени рыжую белку на противоположном берегу озера.

Через озеро (почти двести метров шириной) Серега перебирался вплавь. Рыжую белку он нашел легко, а вот стрелу, пробившую зверька навывлет, искал почти полчаса и обнаружил метрах в сорока от мертвой белки.

Стрелу Рёрех отправил в колчан, белку отдал горносталям, а Духарева обругал: почему так долго копался?

Итак, дед нес на себе кольчугу и оружие, а Серега – все остальное. Килограммов сорок пять. Правда, всего три перехода. Потом ученик с наставником пришли в какое-то село, где старик купил лодочку типа байдарки, только из коры. Остойчивостью лодочка могла уверенно соревноваться с яхтой, к которой вместо киля приделали большой кусок пенопласта. Дно лодочки можно было пробить пальцем, зато веса в ней было – всего ничего.

Почетная обязанность грести, естественно, досталась Духареву. Время от времени Рёрех разнообразил эту монотонную работу полезными советами и сожалениями по поводу того, что из этой лодочки никак нельзя сделать ни драккар, ни боевую лодью, ни даже южный насад, пригодный, по мнению варяга, лишь для плавания по спокойным речкам. Воин же, который не умеет сутки напролет ворочать настоящее корабельное весло, не воин, а недоразумение. Вроде вот Сереги Духарева.

А Серега Духарев в это время, выбиваясь из сил, гнал хлипкий и вертлявый челнок против течения.

Зато еще через пару дней они, сушей, перебрались через водораздел и спустились к одному из притоков Днепра.

Теперь течение играло на их стороне, а старик несколько раз, не доверяя ученику, на порожистых участках самолично брался за второе весло. В общем, правильно не доверял. Серега бы их точно выкупал.

Глава тринадцатая

Ярмарка

В собственно Смоленск они не пошли.

– Нечего там делать! – заявил варяг.

По некоторым элементам варягова недовольного бурчания по поводу «спесивых нурманов» Серега сделал вывод, что в городе у Рёреха есть знакомые, которых он предпочел бы не видеть.

Так что Духарев лишь издали полюбовался на белые стены города и поплелся вслед за варягом к заставленному шатрами полю. На ярмарку.

Торжковский рынок отдыхал в сравнении с этим буйством свободного предпринимательства. Если бы не Рёрах, Серега в этой толпе просто потерялся бы. Или дал кому-нибудь по морде, поскольку каждый лоточник норовил схватить за рукав, а от воплей зазывал просто в ушах звенело. Вот уж точно – навязчивая реклама!

Правда, за рукав хватали только Духарева. Варяга тронуть

никто не смел. От него попросту шарахались. Длинноусый, чубатый, бритоголовый, в блестящей кольчуге, с мрачным прищуром и изуродованной рожей, Рёрах внушал такое уважение, что ему тут же уступали дорогу даже оружные воины.

Лошадьми торговали на южной окраине ярмарки. Покупателей здесь было существенно меньше. У загородок с годовалыми жеребятами стояли несколько отроков и гридень с пегими усами, взглянувший на Рёреха с интересом.

У Серегина наставника гридень интереса не вызвал. Жеребята тоже. Он уверенно проследовал дальше, приглядываясь, прицениваясь, даже принюхиваясь, пока не остановился перед мужиком, продававшим двух не слишком крупных лошадок светло-серой масти с подрезанными хвостами.

В лошадях Серега разобрался достаточно, чтобы уверенно отличить жеребца от кобылы. Поэтому интерес Духарева сосредоточился на лошаднике. Раньше подобных ему Сергей не встречал. Здесь. В Питере-то подобные попадались на каждом шагу. Лицо «кавказской национальности». Черные волосы, черные, щеткой, усищи под горбатым носом.

Рёрах коротко поздоровался с продавцом. Не по-русски. Тот ответил. Тоже по-своему.

Внимание варяга переключилось на лошадей, и им он уделил значительно больше времени: щупал, охлопывал, изучал зубы.

Остался доволен.

– Сколь хочешь за пару? – спросил он.

– Хорошие кони, – сказал черноусый. – Овсом вскормлены.

– Вижу.

– К седлу приучены, послушны, не норовисты... Девять гривен.

У Духарева отпала челюсть. Нормальная цена на взрослую лошадь колебалась от одной до трех гривен серебром. А эти даже ростом поменьше, чем прочие.

– Без изъяну коньки! – сказал черноусый.

Рёрах молчал.

Черноусый хотел еще что-то сообщить, но передумал. Ждал.

– Кобыла не пуглива? – наконец спросил варяг.

– Есть немного, – ответил лошажник, преисполняясь еще большим уважением к покупателю.

Варяг подошел к жеребчику.

– Подсади, – сказал он.

Черноусый помог ему взобраться на неоседланного коня.

Рёрах взял поводья.

– Побудь с ним, – велел он Духареву, шевельнул коленями, щелкнул языком – и конь с места взял ровной рысью.

– Ой молодец! – похвалил черноусый.

По-русски он говорил без акцента.

– Хочешь? – он кивнул на кобылу.

Духарев покачал головой.

Рёрах вернулся минут через десять. Неловко сполз на здо-

ровую ногу, дал коню купленную, видно, по пути морковку и похромал к кобыле.

Ее пробовал тоже минут десять, вернувшись, спросил черноусого:

– С седлом продаешь?

– Нет, – качнул головой тот.

Варяг повернулся к Серее.

– Дай ему семь гривен, – сказал он.

Черноусый открыл было рот... и закрыл.

Сергей вручил торговцу деньги, тот передал Духареву лошадей.

– Не много дал? – позже спросил он варяга. – Вон хоть те и покрупнее, а стоят дешевле.

Рёрах фыркнул, но тем не менее снизошел до объяснения.

– Те, – сказал он, – хоть и крупнее, да на подножном корму и сене росли. А наших хузарин зерном подкармливал, потому и ценит дороже. Зато им четырех лет нет, а уже в полной силе. И выезжены. А что мелки, так им корму меньше надо, а повыносливей крупных будут. Я эту породу знаю.

Поехали покупать седла. То есть варяг ехал на кобыле, а жеребчика Духарев вел на поводу и по указанию Рёреха угощал морковкой. К себе приучал.

У седельника они провели почти час. Варяг придирчиво изучал товар и наконец выбрал два седла. Довольно потертых.

– На новом, необмятом ляги сотрешь, – сказал он учени-

ку.

Кроме седел, купили еще большие перекидные сумки и охапку разных ремней с пряжками и без. Ремни старик сунул в одну из сумок. Туда же спрятал и стремяна.

– Они те токо посадку испортят, – буркнул он. Сделав, что планировалось, Рёрах немедленно двинулся в обратный путь. Задержался только, чтобы поесть.

Сереге был огорчен. Он уже Бог знает сколько времени не видел людей... И женщин. Пока жил в лесу, об этом как-то не думалось. Да и до женщин ли, когда тебя вумат затрахал одноногий свирепый дедок? Но стоило глазу увидеть знакомые выпуклости и изгибы...

Варяг, сучок корявый, Серегиным намекам не внял.

«У самого, небось, с этим делом уже лет двадцать – никаких проблем!» – злобно размышлял Духарев.

В трактире им принесли кучу всякой снеди – в дорогу. Еще подали горячей похлебки, горшок тушеных овощей. Сереге умял все. Соскучился он по овощам. В лесу все мясо да мясо.

За длинным столом они сидели, считай, одни, ни слева, ни справа никто не подсаживался. Словно вокруг варяга была обозначена черта, за которую заступать не смели.

Уезжали верхом, по хорошей дороге, поначалу довольно оживленной. Однажды им навстречу попался отряд из дюжины воинов. Молодые, крепкие парни, кто – с бородой, кто брит, шли налегке, сгрузив поклажу, в том числе и брони, на

нескольких выючных лошадей, которых вели в поводу двое мужчин невоинственного вида. Рабы. Один из воинов, что нес на плече здоровенный боевой топор, неожиданно шагнул в сторону и заступил дорогу Рёреху. Серега напрягся, а варяг и бровью не повел. И даже не подумал придержать кобылку. Парень оглушительно свистнул, хузарская лошадка, испугавшись, едва не вскинулась на дыбы, но Рёрех осадил ее, прикрикнул...

– Хаг! – сердито рявкнул на свистуна другой воин.

Свистун захохотал, отпрыгнул в сторону. Тот, кто кричал, подскочил к нему, грубо схватил за руку и показал на Рёрехову деревяшку.

Свистун сразу перестал ржать, приложил кулак к груди и наклонил голову. Рёрех тоже чуть заметно кивнул. Духарев расслабился.

– Это кто? – спросил он, когда они разминулись.

– Нурманы, – буркнул Рёрех.

Глава четырнадцатая

Лошадь – друг человека

Своего жеребчика Серега назвал Пеплом. По масти. И ладили они просто прекрасно. Не без помощи варяга, разумеется. Держаться в седле Духарев научился довольно быстро. Даже и без стремян. Но оказалось, что для всадника умение не вывалиться из седла – необходимое, но не главное. Зада-

чей номер один было поддержание четвероногого друга в рабочем состоянии. Для этого коня надо было регулярно кормить, поить, чистить, не перегружать сверх меры, а меру эту можно было определить только опытом. Конь мог заболеть, повредить ногу или спину, сожрать что-нибудь не то. Сообщить об этом хозяину животное, естественно, не могло и в этом было сродни автомобилю. Вот только заменить поврежденную деталь было невозможно. Да и жаль животину: ей же больно. Таковы были азы всадницкой науки. Кроме этого, воин, намеревавшийся биться в седле, должен был научиться с седла же рубить и колоть, отбиваться и уворачиваться, стрелять на скаку из лука (желательно попадая в цель), перепрыгивать через препятствия и не ломать при этом костей — ни своих, ни животного. Еще нужно было уметь пересекать водные преграды, мгновенно останавливаться (но так, чтобы лошади не было больно), мгновенно бросать коня вскачь, разворачиваться... Короче, много чего было нужно, чтобы в дороге или после окончания боя конь остался цел и не сменил хозяина. Все это требовало нешуточного упорства. Пепел оказался коньком понятливым... Если ему понятно объяснять. Варяг умел. И учил Серегу, попутно школя собственную кобылку. Очень скоро Серега понял, почему варяг взял себе эту лошадку, а ему отдал Пепла. Жеребец был значительно толковее и спокойнее. Уже через несколько недель он стал понимать и выполнять голосовые команды и никогда не устраивал сцен, вроде битья задом и попыток укусить хозя-

ина. Кобылка же – пыталась. Но с варягом такие номера не проходили. Зато Пепел был добряк, что для начинающего всадника – плюс, а для боевого коня – минус. Однако к зиме, под мудрым руководством варяга, удалось внушить жеребцу кое-какие понятия о том, когда и кого можно и даже должно ошарашить копытом по макушке. Впрочем, если у Духарева и возникала мысль, что после приобретения лошадей занятия его сведутся к одной верховой езде, то он быстро убедился в ее ошибочности. Уроки, преподаваемые варягом, были интенсивны и разнообразны. И их в равной мере нельзя было назвать ни приятными, ни спокойными. Единственное исключение – строительство конюшни.

Глава пятнадцатая,
в которой Серега Духарев
заглядывает в омут и обнаруживает
у себя дар ясновидения

– Пей! – Рёрах протянул Духареву деревянную фляжку.

Серега понюхал... М-да! Оставалось надеяться, что вкус лучше запаха. Духарев зажмурился и, стараясь не дышать, втянул содержимое фляжки. Вкус был не лучше. Хуже. Вяжущее, как неспелая хурма, и жгучее, как чилийский перец. Серегу аж передернуло.

– Это что, гнилой мухомор или настойка бледной поган-

ки? – кривясь, сострил Духарев.

– Нет, – совершенно серьезно ответил варяг. – Это другие грибы. *Не плевать!* – рыкнул он грозно, увидев, что Серега собирается сплюнуть. – Давай полезай на ветку, сядь туда, в развилку, и смотри в воду.

– А чего там?

– Омут. Лезь!

Серега вспрыгнул на толстую ветку, пробежал по ней, наслаждаясь собственной ловкостью, до развилки, сел верхом.

– Не так! – рявкнул варяг. – Скрести ноги!

Духарев послушно поменял позу. Под ним была ровная черная вода с зелеными рисками ила.

– Просто сидеть и смотреть? – спросил Серега.

– Да. И думай о том, кто думает о тебе. Это все.

Не оборачиваясь, Духарев следил, как уходит варяг. Слушал, как мнет траву деревяшка, как поскрипывает кожа. По звуку он чувствовал расстояние и направление так хорошо, что мог бы навскидку, с разворота послать стрелу... От которой наставник, впрочем, увернулся бы.

Во рту и горле все онемело. Экую дрянь он выпил, честное слово!

Серега поглядел вниз. Черная, как смола, вода, гладкая. Без единой рябинки. Над ухом раздалось ликующее зудение комара. Скоро слетится целая орава. На прощальный осенний пир. Серега не обращал на комаров внимания. Его все-речь приколело, что лесные звуки как будто стали намно-

го отчетливей. Ну точно! Это началось, когда уходил Рёрах, только Духареву тогда это показалось естественным. Оказывается, не совсем. Раньше такого не было. Чтобы он различал каждый насекомий цвирк, шелест каждого куста... Нет, такого с ним точно не было. То ли он вдруг страшно окрутел, то ли дело в варяговом зелье. Последнее более вероятно.

«Кто же обо мне думает? – подумал Духарев. – Родители? (Надо же, вспомнил!) Нет, родители – это вряд ли. Папаша думает только о марках и конкурентах-филателистах, а мать шляется со своими онанистами-евангелистами и учит, как Бога любить. По-американски. Нет, хорошо, что Серега – поздний ребенок, и нет у него младших сестер-братьев, с такими-то родителями. Хотя, в сущности, их ли это вина? Не поперли бы папку с работы, и не превратилось бы хобби в призвание. И не дал бы он маме в это говно влезть...»

«Можно подумать, ты – замечательный сын...» – сказал он сам себе самокритично.

«Так кто же обо мне думает?» – вернул себя Духарев к теме занятия.

Тут же понял – кто. И попытался увидеть в черном зеркале. Сначала, конечно, не увидел ничего. А потом поверхность воды вроде как поплыла вверх («Или это я падаю?» – успел подумать Серега.), встала у ног, под самой развилкой, и он увидел. Четко. Как на экране монитора. Сразу обоих. Сладу и Мыша. В лавочке. Серега подумал, что надо бы удивиться, но почему-то не удивился. Только смотрел, как

Мыш, сосредоточенно, высунув кончик языка, шьет что-то кожаное, а Слада перебирает крупу на струганом столе и, кажется, что-то напевает. Но звука не было. У Сладиных босых ног вертелся пятнистый щен размером с крупную крысу и примерно такого же вида и цвета.

«Надо же, – подумал Духарев. – Где они такого ублюдка нашли?»

У Сереги запершило в горле. То ли от нежности, то ли от дедова зелья. Захотелось сгрести обоих, расцеловать Сладу, потискать Мыша... Захотелось спрыгнуть с ветки... туда. Только Серега не мог. Ног не чувствовал. И еще вертелась где-то на задворках сознания мыслишка, что *туда* прыгать – *нельзя*.

Слада закончила с крупой, щенок напрудил на пол, и его выгнали.

«Слада, Сладушка!» – мысленно позвал Серега. Он ужасно захотел, чтобы она повернулась, захотел заглянуть ей в глаза... И она повернулась к нему. Или он сам как-то ухитрился... Ее нежное лицо вдруг стало совсем близко, черные загнутые ресницы почти касались Серегиных бровей, он видел каждый волосок...

Но Слада-то его не видела.

Внутри Духарева что-то оборвалось... И Мыш со Сладой пропали. Вместо них появился завернутый в меха мужик примерно Серегиных лет, который лежал на спине, на какой-то деревянной решетке. Кожа у лежащего была очень

бледная – до подбородка. От подбородка до переносицы – загорелая до черноты, а выше – снова бледная. Этого человека Духарев точно видел в первый раз в жизни. Мгновением позже лежащего заслонила чья-то спина, а еще через секунду хозяин этой спины обернулся... и встретился взглядом с Духаревым. В какой-то миг Сереге показалось, что этот человек тоже его видит. Наверное, так и было, потому что тот мотнул головой, словно отгоняя наваждение...

Серегина голова моталась из стороны в сторону, потому что Рёрах методично лупил его по морде: слева, справа, слева, справа...

– Х-хорош... – выдавил Духарев, и поднятая для очередной оплеухи ладонь замерла.

Сереге лежал на песочке, варяг стоял над ним на коленях, и физиономия у него была, мягко говоря, озабоченная. Это у Рёреха, который даже из трясины вытаскивал Серегу в последний момент и с ехидной усмешечкой.

– Ты чего? – удивленно спросил Духарев.

Но тревога уже сошла с лица варяга.

– Выкарабкался, значит, – проворчал он обычным голосом. – Сядь, чего разлежся!

Сереге сел и сразу почувствовал, как накатила слабость. И голова заболела.

– Видишь как? – спросил Рёрах.

– Мутно, – ответил Сереге.

– В глазах не двоится? Тени видишь?

– А чего бы мне их не видеть? – удивился Духарев.

– Где видишь?

– Да вот! – Серега, крайне удивленный, показал на собственную тень на песке.

– Я про *другие* тени спрашиваю! – рявкнул варяг. – Видишь – нет?

Серега потер лоб. Соображалось плохо – башка буквально раскалывалась.

– Нет, – проговорил он. – Других теней не вижу, только обыкновенные.

– Ага, – сказано было таким тоном, что не понять: хорошо или плохо то, что Духарев не видит этих самых «других теней».

– В седле усидишь? – спросил Рёрах.

– А может, я тут останусь? – пробормотал Духарев.

Мысль о том, как отзовется на тряску его несчастная голова, не принесла радости. Оно, конечно, воин должен стойко переносить боль, но совсем не обязательно при этом быть мазохистом.

Вместо ответа варяг взял Серегу за бородку, запрокинул ему голову, заглянул в зрачки.

– Нет, – отрезал он. – Здесь не останешься.

Ухватил Духарева ладонью за затылок и вдавил железный палец Сереге в лоб. Чуть повыше бровей. Боль, только что бывшая просто нестерпимой, превысила всякие пределы – Серега не удержался, застонал. Но вырваться и не пытался.

И правильно. Достигнув максимума, боль внезапно исчезла. Совсем. Обратилась в звенящую пустоту.

– Как ты это сделал? – восхитился Духарев. – Научи!

Варяг отрицательно покачал головой.

– Вставай и пошли, – сказал он. – Не знаю, как ты, репка-сурепка, а я проголодался.

Глава шестнадцатая

Туманные тропы предназначения

Этот же эксперимент они повторили еще два раза. Недель через шесть, на том же самом месте, но уже ночью, безлунной и безветренной. Серега сидел и глядел, а Рёрах стоял над ним, держа в руке факел. А третий, последний раз – уже зимой и опять там же, над омутом, но на сей раз Духареву пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорубить лед, и сидел он уже не на ветке, а на толстом войлоке.

Слады и Мыша он больше не видел. Один раз, совсем недолго, видел того незнакомого человека, уже не завернутого в меха, а нормально (по-местному) одетого, с заметным усилием ворочающего большое и, вероятно, тяжелое весло. Еще Серега видел какую-то молодую женщину, очень сердитую и тоже незнакомую. Прочие образы были совсем смутными, особенно – по третьему разу. Хотя именно к третьему «глядению» Рёрах поставил Сереге совершенно конкретную задачу. Думать, за каким таким хреном он, Духарев, явился

сюда из мира духов или из какого там он мира явился...

Нельзя сказать, что Сереге ответ на этот вопрос был безразличен. Сам он уже раз триста задавал его себе. Особенно когда от перегрузки или еще по какой причине не мог сразу заснуть. Иногда Духареву представлялось некое inferнальное существо, выдергивающее его, Серегу, из катящейся по трассе машины и зашвыривающее в сей дивный мир. Дабы он, Духарев, изменил его к лучшему: наказывал зло, освобождал царевен и творил добрые дела. Правда, образы, возникавшие у Сереги в сознании, больше напоминали всякие фантастические фильмы, а могущественное существо подозрительно смахивало на дедушку варяга. Ах, мечты, мечты... Нельзя сказать, что неведение относительно своего «великого предназначения» очень огорчало Серегу. Где-то в глубине души Духарев был уверен, что рано или поздно все и так станет известно и торопить события – чревато. Потому что единственное действительно неоспоримое доказательство существования посмертного бытия человек может получить только в одном случае. Более того, всякий человек получит его наверняка. Когда помрет. Экспериментировать же в этой области Духареву как-то не хотелось.

Пожалуй, Рёреха вопрос о предназначении Духарева волновал значительно сильнее, чем самого Духарева. Потому что варягу страшно надоело жить в лесу и хранить священное место, как велел ему когда-то волох. Дедушка все еще лелеял надежду, что Духарев – тот самый кадр, которому мож-

но будет передать бессрочную вахту. То, что Серега – крещеный и, следовательно, не очень-то близок по духу местным божествам, конечно, смущало. Но с другой стороны, Духарев проявлял недюжинные способности во всех науках, в которых натаскивал его варяг. А науки эти, издревле, от варяговых пращуров, да и не только варяговых, но и прочих славянских, что полян, что ильмян, – считались вотчинами исконных местных богов, в особенности же – воинственного и кровожадного Перуна. О Христе же варяг имел понятие самое поверхностное и считал его почему-то покровителем богатства. Логика его была проста. Кто поклоняется Перуну – тот здоров насчет подраться. А кто поклоняется Христу, у того карманы полны злата. Вот те же ромеи: грабят их, грабят, а богатства их все прибывают. Потому что христиане. Спорить с ним Духарев даже и не пытался. Ему ли, символ собственной веры помнившему через слово, наставлять закоренелого язычника. Пусть лучше язычник Серегу научит грибную шляпку копьем подхватывать. В галопе.

Язычник учил. Честно. А когда понял, что Духарев воинскую науку освоил вполне прилично, а можно ли его брать в ведуны – своими силами не выяснить, Рёрах решил прибегнуть к помощи специалистов. Но это случилось позже.

Глава семнадцатая

Медвежья охота

Мишку они выследили еще осенью, до снега. Выслеживали аккуратно. Не потому, что боялись. Не медведица с медвежатами, чай, а здоровенный лесной хозяин. Такой зря рисковать не станет, предпочтет убраться с человечесьей дороги. Вот то-то и оно. Уйдет – и ищи его потом. А так – вот он. Хороший мишка. Жирный. Такой как осенью заляжет – так до самой весны проспит.

По указанию наставника Серега наблюдал за зверем очень внимательно. Как ест, как двигается, как купается. Днем наблюдал, а вечером слушал варяговы байки про варяжских воинов, что у могучего мишки воинскому делу учились. А иные даже сами медведем перекидывались при необходимости. Сила зверя, помноженная на человеческий ум и отвагу (сам-то мишка трусоват), вершили чудеса. Тем более что такого оборотня сталь не берет, а только особое, с наговором, оружие.

Серега в байки насчет оборотней не очень-то верил, тем более что Рёрах честно признался, что таких, перекидывающихся, сам он не видел, а только байки слышал. А вот к «звериной» технике относился серьезно. Еще с «той», цивилизованной жизни. «Школа богомола», «Школа обезьяны»...

Один из варяговых горностаев взобрался на Серегино

плечо. Только так их Духарев и различал: один признал нового человека, второй – нет.

Несмотря на немалый рост, Духарев предпочел бы «школу горностая» «школе медведя». Рядом со стремительным, обтекаемым, как пуля, зверьком Топтыгин выглядел неуклюжим увальнем.

Медведь перестал есть обычную пищу, зато жрал траву, какую-то глину... в общем, малосъедобные вещи. Постился по-своему, по-медвежьи.

– Скоро заляжет, – определил Рёрах. И точно. Мишка еще несколько дней пошатался по лесу, помечая территорию, а потом забрался в берлогу под вывороченной старой березой и больше не объявлялся.

– Всегда тут спит, – заметил варяг.

– Зачем тогда мы его пасли? – осведомился Серега, который предпочел бы не за мишкой ходить, а лишний раз с мечом или копьем поработать.

– Надо – вот и пасли, – отрезал варяг. – Больше сюда не ходи. Пускай спит до времени.

За мишкой пошли после третьего снега. Точнее сказать, после зарядившего на целую неделю снегопада. Пошли на лыжах, коротких и широких, подбитых снизу остистым мехом. На голове у Духарева красовался шлем, похожий на строительную каску: формой и натянутыми изнутри кожаными ремешками. Правда, в отличие от каски, шлем был довольно тяжелый, да еще «украшенный» прицепленной к кра-

ям кольчужной бармицей. На плечах у Сереги, под курткой из лосиной шкуры, наличествовал пластинчатый панцирь. Вообще-то его полагалось надеть не под, а поверх куртки, но он и так еле налез. Вооружен был Духарев крепкой рогатиной с упором и узким топором на длинной рукояти. Серега предпочел бы меч, но Рёрах велел взять топор. Что ж, ему виднее. Сам варяг ничего, кроме лука, не взял.

– Может, добуду кого, – заметил он. – А мишка твой. Сам и завалишь.

Если бы Серега не знал точно, где медвежья берлога, так и не нашел бы. «Вентиляционная» дырка в снегу оказалась прикрыта молоденькой елочкой. Заметить слабый парок, выходящий из отверстия, было практически невозможно.

– И что теперь? – спросил Духарев.

– Палку подлинней сруби да пошуруй внутри, – сказал Рёрах. – Вот он и вылезет.

Серега послушно вырубил шест, сунул его в сугроб и принялся шуровать.

Из берлоги раздалось недовольное ворчание. Серега выпустил шест и поспешно схватил воткнутую в снег рогатину.

– Еще шебурши! – недовольно буркнул стоящий поодаль Рёрах. – Это он во сне бурчит.

Серега снова взялся за палку.

Рычание стало громче...

– Счас полезет! – крикнул варяг.

Когда его наставник сказал «полезет», Серега именно так

себе это и представил: из сугроба медленно вылезает недовольный мишка. Представление это было правильно только в одном. Мишка действительно оказался недоволен. А точнее сказать: очень недоволен! Просто в бешенстве. И то, что произошло в следующий миг, меньше всего соответствовало ленивому слову «полезет».

Сугроб внезапно взорвался. Как будто гранату внизу рванули. И в этом снежном гейзере как-то сразу материализовался стоящий на задних лапах здоровенный медведь.

Мгновение назад его и в помине не было – и вот он уже здесь и летит на Серегу, размахивая лапищами. А лапищи эти машут уже над Серegiной головой. Удивительно, что Духарев успел отбросить шест и схватить рогатину. Но он успел – и дальше, на рефлексе, всадил ее в мохнатую мишкину тушу...

Тр-ресь! – рогатина с хрустом переломилась, Серега полетел в сторону, а мишка пронесся мимо, с шумом упал на четыре лапы, развернулся со скоростью фигуриста, снова встал на задние лапы и, ревя, попер на глупого человечешку.

Серега, однако, успел вскочить на ноги и даже высвободить из петли топор.

Первый удар он нанес мишке прямо в морду... И мишка смахнул этот удар небрежным движением лапы, а второй лапой треснул Духарева по голове. Серега успел присесть, и медвежьи когти, лязгнув, вскользь проехали по шлему. Духарев отпрыгнул вбок, пропуская зверя мимо, и, широко

размахнувшись, двумя руками всадил топор в бурую свалявшуюся шерсть медвежьей спины. Он услышал громкий хруст и тут же – рев такой силы, что захотелось присесть и заткнуть уши руками. Но он этого не сделал, а выпустил рукоять безнадёжно застрявшего топора и шарахнулся в сторону. Медведь на мгновение потерял его из виду, и этого мгновения хватило, чтобы Серега успел вынуть из чехла нож.

А зверь уже снова шел на него, прорываясь сквозь мягкий белый снег, обильно пачкая его кровью, но не проявляя ровно никаких признаков слабости.

Духарев отступал, сжимая в руке нож, но сама мысль о том, что эдакую махину можно остановить двадцатисантиметровым ножиком, казалась столь же забавной, как попытка детской лопаткой остановить самосвал.

Внезапно, сквозь медвежий рев, до Серегиного слуха донесся громкий шлепок – и он увидел, как шкура на мишкиной груди лопнула и из длинного меха сам собой вылез красный цветок.

Медведь рыкнул как-то по-особому, удивленно, повалился на бок, и Духарев увидел варяга, сжимающего лук с наложенной стрелой.

Не опуская лука, Рёрах прохромал по окровавленной траншее в снегу – к медвежьей туше, остановился в трех шагах, оглядел ее и вернул стрелу в колчан.

– Готов, – удовлетворенно сообщил он. – Как он тебе, Сергей? Хорош?

– Нет слов, – подавляя дрожь, ответил Духарев.

Снял шлем и поглядел на оставшиеся на металле следы когтей.

– Сам цел? – спросил варяг.

– Вроде бы...

Удивительно, но царапины остались только на шлеме. Серегу зверь не задел ни разу.

– Тогда давай живо за лошадами, – распорядился Рёрах, вынимая из единственного сапога кривой нож. – А я пока мишкой займусь.

Глава восемнадцатая

Стрельба по живым мишеням

Неожиданно ударил мороз. Да такой, что у деревьев стволы трещали, градусов тридцать. Что особенно поразило Серегу, так это то, как быстро, едва ли не за одну ночь их лошади от ушей до копыт обросли мохнатой шерстью. Люди на такое были не способны, поэтому время занятий на свежем воздухе пришлось ограничить, а тренировки с луком и вовсе отложить. Внутри священного дуба, на гранитном камне с естественным углублением посередине, теперь все время горел костерок, над которым, следуя указаниям варяга, Серега установил некое подобие шатра. Материалом для шатра послужила ткань, вымазанная глиной. Конус заканчивался толстой кишкой из той же ткани, выставленной

в душло на «втором этаже». Такая отопительная система, с точки зрения Духарева, была довольно-таки пожароопасна, и дыму от нее было изрядно, но грела нормально. К ночи камень прилично нагревался, а в углублении накапливался изрядный слой углей, на которых можно было и котелок вскипятить, и медвежатину поджарить. Как-то раз варяг развлек ученика фокусом: зачерпнул этих, еще красных углей голой рукой и с полминуты пересыпал с ладони на ладонь. Затем объяснил, как он это делает и что чувствует, а потом предложил Духареву сделать то же самое. Серега отказался. Он видел, что на руках Рёреха не осталось ожогов. Он понимал все объяснения. Теоретически. Практически же – опасался.

– Как же тебе тогда ноги сожгли? – поинтересовался Духарев.

Рёрех только головой покачал, словно удивляясь скудоумию своего ученика, который не видит разницы между дружеским хлопком и ударом секиры по хребтине.

Спали они наверху, где воздух был почище и угарный газ не скапливался.

Морозы стояли четыре дня, потом потеплело, и варяг повел Серегу на расстрел.

Натурально.

Поставил Духарева посреди заснеженной полянки в тридцати шагах от себя и принялся лупить стрелами. Хорошо хоть тупыми, без наконечников. Бил, конечно, не в полную силу, но даже сквозь куртку мало не казалось. Серега сна-

чала пытался, аки японский ниндзя, эти стрелы ловить. Но стрелы не копья. Проворный варяг ухитрился выпускать их пачками, штуки по три в секунду, и поймать Серега успевал от силы одну. Остальные, будь на них жала и бей варяг в полную силу, продырявили бы Духарева, как шампур – цыпленка. Так что хватать стрелы ручками Серега бросил, а просто отмахивался рукавицами, как медведь – от пчел. Так и развлекались. А когда колчан варяга пустел, расстреливаемый получал передышку, то есть бегал туда-сюда, собирая стрелы. Как только у Сереги наметился прогресс, Рёрах тут же усложнил задачу. Обмотал концы стрел меховыми обрезками и стал бить в полную силу. Вот тут Сереге жить стало непросто. Теперь он уже не столько отбивал, сколько уворачивался. Но одна из трех стрел непременно ставила Духареву новый синяк. Садист-наставник был доволен. И после обеда, в виде поощрения, разрешил Сереге использовать меч. Вот это было совсем другое дело! Полчаса – и весь учебный арсенал варяга был приведен в негодность. Для последнего испытания варяг не пожалел двух настоящих, боевых стрел. И наконечники не защитил. Серега отбил обе!

Рёрах был очень доволен. Духарев был доволен еще больше. Он чувствовал, что его тело превратилось в послушный и эффективный механизм, наделенный к тому же самостоятельной волей. Нет, слово «механизм» здесь было не совсем уместно. Скорее, тело стало подобно обученному коню, которому нужно только скомандовать «вперед» и слегка хлоп-

нуть пятками. А уж конь сам разберется, с какой ноги шагнуть и куда ее поставить.

На следующий день Серега с Рёрехом играли в прятки. То есть варяг прятался, а Серега должен был его выследить, обнаружить и не дать себя застрелить. Казалось бы, элементарная задача, учитывая выпавший снежок и неполное количество ног у прячущегося. Но из дюжины попыток Духарев сумел благополучно закончить только две. И то потому, что успевал отреагировать на скрип тетивы и нырнуть в сугроб.

Глава девятнадцатая

В пути

В день, когда Серега и Рёрех отправились на капище, тоже снегу навалило – по грудь. Но день выбрал варяг, руководствуясь собственными соображениями.

– Погода устоится. К празднику поспеем.

О каком празднике шла речь, уточнять не стал. А уж насчет погоды он никогда не ошибался. В синоптиках ему бы цены не было.

Лошадки фыркали паром. Нелегко им идти по глубокому и рыхлому снегу. На лыжах Серега за день прошел бы столько, сколько они отмерили за три. Один прошел бы, без Рёреха. Но без Рёреха волохи, может, и разговаривать с Духаревым не станут. Да и хрен бы Серега по собственной инициативе поперся за сто верст к этим колдунам. Не доверял

им Серега. Очень хорошо помнил, как в Скольдовом кремле такой вот сивобородый придурок с оленьими рогами на башке орал, стуча по полу палкой:

«В огонь кощуна!»

Духарева то есть.

Но в Серегину башку, еще в соплячьи годы, было прочно вбито:

Пункт первый. «Сэнсэй всегда прав».

Пункт второй. «Сэнсэй никогда не ошибается».

Пункт третий. «Если сэнсэй ошибается, смотри пункт первый».

Кто научил Серегу мечом орудовать? Рёрах.

Выходит, кто такой Рёрах? Сэнсэй.

Сказал Рёрах: идем к волохам? Сказал.

Не согласен? Смотри пункт первый.

Пепел шел первым, прокладывая путь. Время от времени Духарев давал ему передышку: вставал на лыжи и бежал впереди. Заодно к следам приглядывался. Следов было много; больше всего птичьих и заячьих. Попадались, впрочем, и лисьи. И волчьи. Может, кто-то из тех волков отметился, что уже вторые сутки за ними тащатся. Наглые зверюги до невозможности. Вчера, когда поднимались на холм, Серега их видел. И даже хотел стрелой угостить, чтоб не наглели. Варяг не позволил. И в результате эти твари всю ночь вертелись поблизости и лошадей нервировали. А с рассветом пропали.

– Лось! – внезапно произнес Рёрах, останавливая кобылку.

Глубокий след шел поперек их пути.

Пепел тоже остановился. Духарев соскочил в сугроб.

Варяг с седла рассматривал след, потом снял с головы шапку, почесал затылок и изрек:

– Сергей, сбегай возьми его.

Вот те раз – тещины блинки! Сэнсэй сказал! Иди и возьми. Не с полки пирожок, а животину под тонну весом. Которая мало того, что прет по снегу, как «Буран», так еще копытом волчью башку с удара проламывает.

– У нас же есть мясо, дед! – запротестовал Духарев.

– У нас, может, и есть, да до капища уже близко, и негоже к волохам без подарка идти, – наставительно изрек варяг.

– Да я за ним неделю гнаться буду, – тоскливо, понимая, что уже не отвертеться, проговорил Серега. – И то не факт, что догоню. А догоню, как я буду такую тушу тащить? На горбу.

– На волокушке, – спокойно ответил Рёрах. – Не шуми. Ты его быстро возьмешь, он молодой и устал.

– Откуда ты знаешь?

– На след погляди.

Серега поглядел. Ну ямы и ямы.

– След малый, и вишь, как копыто ставит, – Рёрах, наклонившись с седла, показал острием рогадины. – Вишь?

Серега смотрел. Но не видел. Наука чтения следов дава-

лась ему не в пример труднее, чем фехтовальная техника.

– Ладно, – буркнул он и принялся отвязывать лыжи. Верхами по снегу за лосем гоняться бессмысленно. Экипировавшись, Духарев закинул повод на дедово седло.

– Бей охотничьим срезом, – наставительно произнес валяг. – В шею бей. Жилу порвешь – не уйдет. – Как будто Духарев раньше лосей не бил.

– Понял, не дурак, – проворчал Серега, толкнулся и победил, легко подминая снег.

Одна приятная новость: до места базирования волохов уже недалеко. Хотя, если вдуматься, куда спешить? Здоровая и интересная жизнь, нормальные мужские развлечения. Что бы он сейчас в Питере делал? Гонял в чужой тачке по слякоти, считал бабки, шмыгал носом, перемогаю очередной вирус... Ну, еще сидел бы с корешами в кафе и водку кушал. Да предложи он Димке или Вовану с луком на лося поохотиться, они от восторга икру черную метать начнут. Нет, нечего Духареву на судьбу пенять! Вот только без девочек скучновато. Еще месяц-другой – и Серега дедову горностаиху трахнет, честное слово!

Глава двадцатая

Лось

Сэнсэй, как всегда, оказался прав. И часа не прошло, как Духарев углядел между стволами темно-серый бок.

Сергея воткнул в землю рогатину, очень осторожно стянул налуч. Тетиву он поставил загодя. Откинув крышечку с колчана, Духарев по перу определил ту стрелу, которая с широким наконечником без зазубрин: охотничий срез. Вытянул, наложил. Ветерок холодил Сергею в правую щеку, поэтому он принял влево, тихонько, по дуге, заходя с подветренной стороны.

Лось, точно, оказался небольшой, безрогий. Рылся в снегу, выщипывал из-под сугроба свой лосиный хавчик.

Сергея подобрался к нему шагов на тридцать, пристроился за деревом, выпрямился...

Над головой заорала сорока.

«Ах ты падла!» – подумал Духарев.

Лосек вскинул горбоносую морду, понюхал, ушами пошевелил, поглядел в Серeginу сторону... Сергей приник к стволу...

Не углядел его зверюга, снова уткнулся в снег. Духарев медленно натянул тетиву...

Щелчок! Тетива мощно хлестнула по рукавице и загудела. Лось подпрыгнул... И чуточку припоздал. Стрела успела раньше. Вошла на ладонь ниже того места, куда целил Духарев, но вошла вроде хорошо. В горло.

Лось захрапел и большими прыжками кинулся прочь. Сергей – за ним. Лосиная кровь ярко выделялась на снегу, так что даже такому хреновому следопыту, как Духарев, потерять след было мудрено.

Метров через пятьсот Серега увидел свою стрелу. Может, сама выпала, может, сохатый копытом скovyрнул. Стрела была попорчена, но наконечник, весь в алой крови, целый. Духарев стрелу подобрал.

Между тем прыжки зверя становились короче, а крови, до земли проплавливающей снег, – больше.

И пятнадцати минут не прошло, как Серега снова увидел зверя.

Лось лежал на снегу, голову еще держал, но она упорно клонилась книзу. Вокруг лежки все алело от крови.

Серега, не сбавляя шага, двинулся к зверю. Лось вскинул голову... и вскочил!

За те пару секунд, когда разъяренный сохатый летел на него, Духарев успел остро пожалеть о том, что оставил рогатину. А меч свой, в ножнах, к седлу притороченный, он вообще как наяву увидел. Громадная зверюга неслась на Серегу с каким-то утробным ревом... Духарев отпрыгнул (на лыжах!) в сторону, шарахнулся за дерево. Лось живым снарядом пронесся мимо... и уткнулся оскаленной мордой в сугроб.

Когда Серега, очень осторожно, подошел к нему, лось был еще жив. Но глаз его уже подернулся смертной мутью.

– Извини, бродяга, – сказал Духарев, ощущая смутную вину. – Так надо.

Чиркнул ножом по мохнатому горлу. Свистящий звук, лось дернулся и затих. Теперь он не выглядел огромным.

Сергеа вынул топорик, поискал взглядом что-нибудь хвойное, не нашел. Пришлось вязать волокушу из голых веток. Взгромоздив на нее тушу, Серега впрягся и пустился в обратный путь по собственной лыжне. По дороге подобрал рогатину.

Уже начало темнеть, когда навстречу ему выехал Рёрах. Заночевали, где встретились.

Сергеа свалил два сухих дерева, варяг ловко расщепил их клиньями, уложил углом, комлями в костер. Лошадей привязали внутри, насыпали в мешки зерна. Сами поужинали лосиным языком и печенкой. Печенку, по требованию Рёреха, съели сырой.

Взошла луна. С луной опять пришли волки. На запах крови. Серые, поджарые, тонконогие, с виду совсем не страшные, но в действительности куда более опасные, чем какой-нибудь огромный домашний ньюф. Лошади забеспокоились, но привязаны они были качественно. Рёрах прикрикнул на них строго. Волки крутились совсем близко, нагло глядели на огонь. Огня они не боялись, боялись людей. Серега вытянул из налуча лук, но только наложил стрелу, как самый наглый зверь, усевшийся буквально в двадцати шагах, тут же вскочил и серой тенью метнулся прочь.

– Пустое, – проворчал старый вояка. – Они не полезут. Вишь, брюхи набиты.

С точки зрения Сереги, «брюхи» у волков были довольно тощие, но деду виднее.

Рёрах сгреб костровые угли в сторону. Кинул на теплое место старую медвежью шкуру.

– Давай спать, – распорядился он. – Если что – лошади разбудят.

Серге сначала было стремно спать, когда совсем рядом тусуется волчья стая, но усталость взяла свое: уснул. Проснулся от холода – огонь уполз дальше по сухим стволам. Волки ушли. Духарев встал, еще раз сгреб уже почти остывшие угли, перетасил шкуру вместе с дедом, улегся рядом и спал до самого света.

Утром, позавтракав, смастерили из пары запасных лыж сани, привязали к ним лосиную тушу. Тащить ее пришлось Пеплу. Сам Духарев, чтобы облегчить коню жизнь, пошел рядом. Так было даже приятнее, чем стирать ляжки в седле.

«Надо бы у дедушки стремяна попросить», – в который раз подумал Духарев.

Себе. Варягу стремяна были без надобности. Он и с искалеченной ногой сжимал конские бока будто клещами. Серега так не мог. Старый вояка рассказывал: когда он еще маленьким был, отец давал ему круглую чурку, которую надо было держать между коленями. Сначала деревяшку, потом камень. После такой тренировки можно было без всяких стремян и конем управлять, и стрелять из лука на всем скаку. Правда, драться на мечях соплеменники Рёреха, он сам это признавал, предпочитали, стоя на собственных ногах.

Глава двадцать первая

Волохова обитель

К Волохову капищу добрались к полудню следующего дня.

На заросшем лесом холме стоял кругом невысокий тын. На тыне, желтыми «украшениями» – черепа. Медвежьи, волчьи, человечьи, «демократично», вперемежку.

Старый вояка сполз с седла, толкнулся в ворота.

Ответом ему было злобное рычание. Не собачье, медвежье.

– Эгей! – гаркнул варяг. – Гостей привечать будем или как?

Мишка за тыном заревел еще свирепее.

– Не слышат, – заметил Духарев.

Он с большим интересом наблюдал, как исполненный сознания собственной важности варяг выйдет из ситуации.

Варяг из ситуации вышел достойно. Вскарabкался обратно в седло, откашлялся, приставил ладони к губам... и испустил леденящий душу вой такой силы, что конь под Духаревым шарaxнулся, а варягова лошадка аж присела от ужаса.

На медведя по ту сторону забора могучий звук тоже, вероятно, произвел впечатление. Потому что рычать мишка больше не осмеливался.

Варяг глотнул из фляжки – промочил горло.

Ворота с натужным скрипом приоткрылись. За воротами обнаружился придурковатого вида парень, босой, в ветхой дерюжке, и скрюченная бабка с клюкой, плотно упакованная в меха.

Въехали. Парень запер ворота. Вокруг всадников завертелись кудлатые крупные псы. Собственно, их больше занимали не всадники, а лосиная туша. Варяг наехал на них. Один из обиженных его грубостью псов попытался цапнуть варягову кобылку, но схлопотал от ее наездника древком по морде и с визгом удрал. Остальных разогнала бабка, орудующая своей палкой с нестарческой лихостью.

– Никак сам Рёрах-ведун пожаловал! – проскрипела она.

Из огромной конуры выглянул мишка. Закосолапил к ним, гремя цепью. Серега взялся было за рогатину, но прикинул, что длины цепи до них не хватит, и успокоился.

– Где все? – спросил варяг, спешиваясь.

Духарев последовал его примеру.

– Дык праздник! – удивилась бабка. – Где народ – там и волохи. На требище. Здеся токо я, старая, да вон дурень. А это кто с тобой?

– Ученик.

– Ой как! И никак из кривичей? – Бабка прищурилась... И вдруг свирепо замахнулась клюкой: – Сгинь! Сгинь! Кыш отселя, злая сила!

Серега еле успел увернуться – едва палкой по голове не схлопотал.

– Взбесилась, ведьма старая? – поинтересовался он.

– Хорошо ты, Шорка, гостей привечаешь! – захохотал варяг.

– От таких гостей мясо слезет с костей! – сварливо прокричала старуха, описывая клюкой замысловатые кривые. Пальцы ее свободной руки при этом сплетались и расплетались, образуя хитрые фигуры.

Справа от них мишка мощно скреб землю. Видно, рассчитывал подтянуть ее к себе вместе с лосиной тушей.

Старуха вдруг села на снег и часто задышала.

– Че, не выходит? – ехидно поинтересовался варяг. – Ты, старая, лучше подумай малость: стану ль я с кромешником по лесу раскатывать?

– Дык видно ж! – обиженно заявила старуха и надсадно раскашлялась.

– Да что тебе видно, осине корявой! – в сердцах буркнул Рёрах. – Давай в дом веди да кашей корми. А дурню своему вели баню растопить, понятно?

– Чего ж непонятного. – Бабка, кряхтя, поднялась со снега, отряхнулась. – Обычай знаю. Токо ежели ты кромешника привел, Медогар тя в барсука обернет. Не, не в барсука, в росомаху. Она к твоей природе ближе будет! – Старуха хихикнула и заковыляла в дом. А Рёрах с Серегой двинулись к конюшне. Судя по тому, как хорошо варяг ориентировался на здешнем подворье, был он тут далеко не впервые.

Глава двадцать вторая

Банька

Рёрах и Духарев валялись на деревянных лавках, завернувшись в льняные простыни, поочередно черпали ковшом из кадушки холодный ядреный квас (Серега предпочел бы пиво, но и квасок был хорош) и вели неспешные речи на баньные темы. Начали с веничков (Рёрах отдавал предпочтение можжевельным и дубовым), а затем как-то незаметно перешли на сакральное. До сих пор Серега считал, что хорошенько попариться полезно для здоровья и приятно для организма, ну и, разумеется, пивка попить в хорошей компании, поболтать о том о сем... И тут Духарев с крайним удивлением узнал, что варяг придает простому «помыться-попариться» ну просто мистическое значение, а парную рассматривает едва ли не как вход в преисподнюю. И каждому элементарному действию, вроде «поддать парку», придается некий особенный символический смысл. Вот бы удивились Серегины питерские кореша!

Варяг поучал, Серега слушал вполуха, расслаблялся и думал о том, что не худо бы пожрать, но вставать лениво. Рёрах отпарил его очень качественно. Ежели человек может в две руки мечами махать, так неужто с вениками не управится? Но Духарев тоже в грязь лицом не ударил и так прошелся по дубленой варяговой шкуре, что у того даже многочисленные

шрамы побагровели.

– ...Не слушаешь! – констатировал Рёрах, с презрением глядя на ученика. – А зря. Только и будет в тебе умения, что железом рубить да весло ворочать. Никогда те с таким понятием своим хирдом не водить!

Варяг уселся, взял свой протез, собираясь приспособить на место.

– Чем водить? – удивился Духарев.

– Хирдом, дурная голова. Так нурманы ватажку воинскую называют.

– Так я ж не нурман, – резонно заметил Духарев.

Тук! – деревянное основание протеза больно хлопнуло Серегу по макушке.

Духарев подскочил, потирая ушибленное место, с опаской поглядел на наставника.

Варяг ухмыльнулся.

– Однако, кость, – заметил он. – Я думал: деревяха.

– Шутки у тебя... – пробормотал Духарев и потянулся за одеждой. – Кормить нас будут?

– А ты понюхай, – предложил варяг.

Серёга понюхал, но нос его не уловил ничего съестного.

– Горе с тобой, – сказал варяг. – Мясом жареным пахнет. Не иначе лосенка твоего пекут.

– Тогда хорошо, – кивнул Серёга и нацепил цепочку с крестиком.

– Ты б его лучше спрятал, – посоветовал варяг. – Мне-то

без разницы, но многие тут вас, христиан, не любят.

– Да? – переспросил Духарев. – Ну так это их трудности.

– А если сам Волох обидится?

Сергеа поглядел на варяга: серьезно говорит или так, испытывает?

Изуродованное лицо старика было непроницаемо.

– Ну, не знаю, – Духарев пожал плечами. – Если я крест сниму, я ж христианином быть не перестану. Неужели твой Волох без крестика во мне христианина не признает? А уж с людьми я как-нибудь разберусь. Твоими науками.

– Даже не вздумай! – строго сказал варяг. – Только попробуй здесь кровь пролить, дурень тупоголовый!

– А что будет?

– Смерть тебе будет! – отрезал Рёрах. – Волох только одну кровавую жертву принять может, а за иное – по башке да под лед.

– Ага... Понял, – пробормотал Серега. А через некоторое время спросил: – Рёрах, а о какой кровавой жертве ты говорил?

Варяг ухмыльнулся:

– Придет время – узнаешь. Если повезет.

Глава двадцать третья

Карнавал по-волоховски

Они вернулись, когда белое зимнее солнышко прошло три

четверти своего дневного пути. Ввалились во двор шумной толпой, с воплями, ревом, улюлюканьем. Их было так много, что на подворье сразу стало тесно, а перепуганный мишка смылся в свою здоровенную будку и выглядывал оттуда с большой опаской. Гремели барабаны, трещали трещотки, гудели, свистели и мычали дудки, бренчали и звякали бубны, успешно соперничая с зычными глотками.

Признаться, Духарев, вышедший во двор вместе с наставником, даже слегка обалдел, увидев эдакое нашествие невиданных зверей. Он на какое-то время решил, что это нахлынула армия лесной нечисти: всяких там леших и кикимор, о которых так занимательно рассказывал Рёрах. И только приглядевшись, убедился, что это не лешие, не гориллы и даже не медведи, а просто толпа людей, обряженных в меха и шкуры, навесивших на себя всякие финтифлюшки и размахивающих совершенно уж невообразимыми предметами. Например, один здоровенный мужик в оленьей шкуре был счастливым обладателем загнутого мамонтового бивня килограммов на сорок, не меньше. Мужик приплясывал и вертелся. Выставляя бивень перед собой, мужик активно изображал из себя секс-символ.

«Если он уронит его на ногу, экстаз ему обеспечен!» – подумал Духарев. И тут его внимание переключилось на более интересные персонажи. Например, на нечто очень и очень аппетитное, с круглой розовой попкой и другими интересными детальками, не менее увлекательными. Это «нечто» вер-

телось и подпрыгивало перед самым крыльцом с такой быстротой, что меховая одежда разлеталась в стороны. Время от времени нечто приостанавливалось в очень пикантной позе, в которой под меховым прикрытием оказывалось то, что обычно доступно взгляду, а то, что, как правило, спрятано от посторонних глаз, наоборот, щедро подставлялось нежарким солнечным лучам и куда более горячему и пылкому взору Сереги Духарева. Истосковавшийся организм Сереги немедленно отреагировал, причем не ограничился слюноотделением и повлажневшими ладошками.

– Иди, попляши, попляши! – гаркнул варяг, сопроводив слова энергичным толчком в спину, от которого Духарев слетел с крыльца, воткнулся во что-то меховое, обхватил это что-то и убедился, что под мехом спряталась парочка гладеньких и теплых зверьков...

– И-и-и-и! – ликующе взвизгнула их счастливая обладательница, длинные светлые волосы которой смешались с кудлатым париком из конского волоса, взвизгнула, уткнулась головой в утоптаный снег и дернула Духарева за то, что Серега абы кому дергать не позволял. От неожиданности Духарев выпустил блондиночку, та перекувыркнулась через голову – мелькнули голые ляжки и то, что между ними, – и, еще раз взвизгнув, смешалась с прочими танцорами. Серега слегка опешил, но толпа уже захлестнула его, завертела. Кто-то сунул Духареву в руку желтый бычий рог, кто-то нахлобучил на макушку нечто вроде огромного вороньего гнезда.

Все вокруг брэнчалю и трещало, выло и визжало.

«Ах ты мать твою! – подумал Духарев. – Гулять так гулять!» Испустил могучий клик «боевого динозавра» и завертелся, запрыгал еще шибче прочих, поскольку был сыт, свеж и силен.

Эт-то было кла-ассно! Супер! Улет!

Серегу был весел и пьян в дугу, хотя даже кружки пива не выпил. Он неистовствовал, как нажравшийся «эксти» дискофил. Но он был круче! Он был такой крутой, что земля под ногами была, как батут, а руки – как лопасти турбины. Бычий рог он где-то потерял – ну и хрен с ним. Серегу хватал тех, кто подворачивался под руку, и швырял вверх. Некоторых потом ловил, некоторых ловить забывал, но они все равно падали на мягкую кучу-малу, которая образовалась во круг. А потом в эту кучу затянули и Серегу, и как-то так вышло, что уже через секунду Духарев оказался без штанов и прочего и ворочался, голый, на жестком меху, пока не подмял под себя какую-то ведьмочку с размалеванной черным и красным мордочкой... А затем ведьмочка красно-черная куда-то сгинула, и Серегу окунулся в прелести рыженькой, как лисенок...

– Значит, это твой ученик. – Медогар, большой волох, здоровенный, почти Серегоного роста, с бородищей, заплетенной в косы, и такими блестящими живыми глазами, что впору шестнадцатилетней девчонке, а не седеющему мужичине.

– Мой, – кивнул Рёрах.

– Хорош, – отметил волох и подмигнул Духареву. – Слышал я, Шорка тя палкой со двора гнала?

Сереге оглянулся на варяга. Рёрах только ухмыльнулся.

– Было дело, – признал Духарев.

– За что – знаешь?

Сереге пожал плечами.

– Может, головкой слабая? – предположил он.

– Ишь каков! – сказал не то с одобрением, не то с осуждением Медогар, обернувшись к Рёраху. – Что ты хочешь для него, ведун?

– Хочу знать, – строго произнес варяг.

– Ты – ведун, – заметил волох.

– Я не вижу, – с ощутимым недовольством сказал Рёрах.

– Что дашь?

– А чего тебе надо?

Медогар усмехнулся и снова подмигнул Духареву.

– *Моему* твой ученик люб, – сказал волох. – Не полон он здесь. Как ты. А жизни в нем – поболее, чем у тебя.

– Я старый, – бесстрастно произнес Рёрах.

– Поболее, чем у молодых, хоть и не наш он, – заметил Медогар. – Равных ему я днесь не видал. Что скажешь?

– Я *вижу*, – с упором ответил Рёрах. – Что ты хочешь?

– Крови его хочу.

«Ну вот, приехали!» – забеспокоился Духарев.

– Мало тебе той крови? – Варяг усмехнулся.

Он и не думал протестовать: похоже, вампиры устремления волоха не вызвали у Рёреха протеста.

– Чистой крови хочу! – заявил волох. – Дашь – попрошу *моего* приподнять завесу. Не дашь... – Волох нахмурился.

– Что тогда? – с ухмылкой осведомился варяг. Грозный взгляд волоха его нисколько не испугал.

– Тогда будете гостями у нас три дня. А потом идите своей дорогой. Вражды между нами нет.

– Добро, – кивнул Рёрех. – Будет тебе чистая кровь. Он у меня парень крепкий.

Глава двадцать четвертая

Жертвоприношение

Все попытки Духарева вызнать что-то о предстоящей процедуре разбивались о глухую стену молчания. Варяг, услышав вопрос, демонстративно отворачивался. У Сереги даже появилась мысль: свалить, пока еще не поздно. Но он не очень-то представлял, как это сделать. Оружия у него не было. Гостеприимный дом, где их с Рёрехом разместили, представлял из себя один большой сарай со столами, лавками, тремя печами и целой прорвой всякого народу. Рёрех был единственным варягом в этом разномастном сборище. Но воины тут были, хоть и не варяги, и без оружия, но вполне узнаваемые. Если бы Серега твердо решил удрать, может, ему это и удалось бы. Но он, как учили, сначала прикидывал

и присматривался: не бежать же в одной рубашке да на своих двоих. Эдак, по зимнему времени, и лыжи отбросить можно. В общем, пока Духарев прикидывал, да приглядывался, да, совершенно уж ни к чему, пытался угадать, с кем из этих веселых девчонок да бабенок он успел перепихнуться на шкурах под зимним солнышком, время ушло. В гостевом доме появились три внушительных волоха в волчьих шкурах и решительно двинулись сквозь толчею к Сереге Духареву.

– Пошли, – скомандовал тот, что постарше, с бородой и волосами чистейшего белого цвета.

– Иди, – сказал Рёрах.

И Серега пошел.

Повели его в баню.

– Да я мытый! – попытался протестовать Духарев, но протест был отклонен. Единственное, что смог сделать Серега, это стянуть с шеи крестик и спрятать его в кармашек сапога. На всякий случай.

После бани Духареву был устроен медицинский осмотр. В медкомиссию вошли три волоха и бабка Шорка. Обследовали его тщательно: обстукали, общупали, даже обнюхали, убедились, что ни паршой, ни геморроем Духарев не страдает, дотошно изучили каждый шрам и потертость... Особое недовольство вызвало состояние Серегиных зубов. А ведь он, наивный, считал, что зубы у него отличные. Всего полдюжины пломб.

В общем, складывалось такое ощущение, что его собира-

ются в космос отправить, а не кровь пустить. Хотя, может, Медогар велел подчиненным удостовериться, что Серегина кровь действительно чистая.

Последней в дело вступила Шорка. Попрыгала около голого Духарева эдаким колченогим гномом, пощипала что-то из воздуха вокруг Сереги и под конец изловчилась и тюкнула его палкой по затылку. Духарев с огромным удовольствием отобрал бы у нее палку и поломал об колено. Лучше – об бабкино. Но не посмел. Уж с больно важным видом наблюдали волохи за Шоркиными манипуляциями: кивали, обменивались непонятными замечаниями. Один к одному: комиссия патологоанатомов, наблюдающая за проводящим вскрытие коллегой.

Когда Серегу в чем мать родила вывели во двор, там уже начало темнеть. У крыльца стояли крытые сани с упряжкой... из двух лосей. Серегу сунули внутрь, дали заячье одеяло, чтоб не замерз, зашнуровали вход – и тронулись.

Окна в повозке отсутствовали, но, судя по звукам, эскорт у Духарева был не маленький.

Ехали долго, Серега даже вздремнуть успел.

Возок остановился, заднюю стенку расшнуровали, и Серега вылез на свет. Вернее, во тьму, потому что была ночь.

Вокруг было много людей и почти столько же факелов. У трех опекающих Духарева волохов факелов не было.

Сереге жестами показали, куда идти, и он пошел, очень надеясь, что идти недалеко. К долгим переходам босиком по

снегу Духарев был не приучен.

Серегины надежды отчасти оправдались. Пару минут они карабкались на поросшую соснами горку, а потом остановились... У входа в пещеру.

«Так, – подумал изрядно подмерзший Духарев. – Сначала в „моржи“, потом в спелеологи».

– Да иду я! – недовольно сказал Серега подтолкнувшему его в спину волоху.

Тот скроил недовольную рожу и приложил палец к губам. Дескать, подопытному говорить не положено.

Под землей было теплей, но не настолько, чтобы удалось согреться. Большая часть эскорта осталась снаружи, но когда Серега, спускавшийся вслед за двумя волохами по узкому коридору, оглянулся, то увидел позади длинную цепочку огней – и получил палкой по шее: не оборачивайся.

Целью путешествия оказалась низкая пещера с озерцом в центре. В пещере пованивало. Вроде бы тухлыми яйцами. Сереге дали понять, что ему следует влезть в озерцо.

«Накаркал! – подумал Духарев. – Посвящение в „моржи-спелеологи“».

Его ждал приятный сюрприз. Вода оказалась горячей. Градусов сорок пять. Воняло, кстати, именно от воды.

Сопровождающие выстроились вокруг и по знаку волоха, который «пас» Духарева, занялись вокальными вариациями на звериную тему: завыли, заревели, загоготали... В общем, как Серегины питерские кореша после пятичасовой пьянки:

громко, заунывно, слов не понять... Зато дружно!

Выпить дали только Духареву. Волох-опекун время от времени совал Сереге в рот горлышко кожаного бурдюка. Внутри бурдюка был нелюбимый Духаревым мед, так густо насыщенный травами, что горечь полностью забила сладость.

Бурдюк был здоровый, литров на пять, и когда Серегу наконец извлекли из «ванны», от этих пяти литров не осталось и половины, а подземный мир вокруг Сереги кружился и качался, как после полутора бутылок водки.

«И с чего это я так окосел?» – подумал Серега.

Но настроение было оптимистичное.

Два волоха взяли Духарева под белые руки и повели дальше. В следующую пещеру, пошире и повыше первой.

Главным украшением этого помещения был здоровенный идол ржаво-красного цвета. Идол изображал сидящего дядьку, наклонившегося вперед, упирившегося ладонями в колени растопыренных ног. Роба у дядьки была грубая и малопривлекательная, борода струилась по груди и животу до самых первичных половых признаков, которые резчик изобразил с куда большим тщанием, чем идолу физиономию.

– А! – сказал идолу веселый Духарев. – Здорово, дед! Ты кто такой? – И с пьяной фамильярностью полез похлопать деревянного дядьку по мужским достоинствам.

– Не смей! – Резной посох уперся в живот, и Серега увидел Медогара.

– И ты тут? – удивился Духарев. – А ты что здесь делаешь? Серегу подхватили и оттянули назад. Он не возражал.

– Нормально, пацаны, – пробормотал он. – Я вас всех люблю...

Четверо волохов принесли откуда-то квадратный помост и разместили меж пяток идола. Помост представлял из себя дощатую платформу, закрепленную на четырех столбиках. Поверх платформы был расстелен белый войлок, а на войлоке... привязанная за руки и за ноги, лежала на спине маленькая девчушка лет одиннадцати.

Серега с полминуты глазел на нее, изо всех сил пытаясь сосредоточиться, потом повернулся к Медогару.

– Слушай, – сказал он. – Ее-то зачем принесли? Ты вроде мне кровь пускать собрался, я так понял?

Медогар покачал головой:

– Она – твоя, человек с половиной души. Она дана тебе, чтобы ты взял ее и смешал свое семя с ее чистой кровью.

До Сереги дошло не сразу. Но когда дошло, половина хмеля тут же выветрилась из башки.

– Ты что, дед, охренел? – спросил он. – Ей же еще года три минимум в куклы играть.

– Она готова, – не пытаясь скрыть нетерпения, произнес Медогар. – Приступай!

– Да пошел ты в жопу, козел бородатый! – разъярился Духарев. – Я не садист, понял! И детей не поганю! Понял, козлина?

Наверное, главный волох не ожидал от Сереги такого фортеля, потому что он был настолько обескуражен, что на несколько секунд утратил дар речи.

Но его подчиненные действовали решительнее. На горло Сереге накинута удавка, рванули в разные стороны...

– Нет! – взревел Медогар. – НЕ СМЕТЬ! ОТПУСТИТЬ ЕГО!

Ремни ослабели, и Духарев сорвал с шеи петлю.

Он оглянулся, прикидывая, как половчее выхватить у кого-нибудь посох...

Медогар шагнул вперед и положил ладонь на грудь Духарева.

– Я понял тебя, – произнес он без гнева. – Твои помыслы достойны уважения, но ты ошибаешься. Это чистое дитя богов уже уронило первую кровь. Поверь, она жаждет близости с тобой! Это – честь для вас обоих! Присмотрись к ней... – Он взял Серегу за локоть и подвел к помосту.

Наверное, волох был прав: малышка созрела для взрослых игр. Наверное, она была симпатичная: беленькая, кожа гладкая, животик...

Наверное, зря он возмутился. У них свои обычаи, и это все-таки лучше, чем перерезанное горло.

– А можно ее хотя бы отвязать? – попросил Духарев.

– Нельзя, – спокойно ответил Медогар. – Возьми ее.

Серега присел на корточки, положил ладонь на влажное бедро и почувствовал, как малышка дрожит. Личико у нее

было маленькое, круглое, губы – влажные, ротик приоткрыт...

– Я, наверно, не смогу... – пробормотал Серега.

– Сможешь, – настойчиво проговорил Медогар. – Мы знаем, как ты силен. Если ты не сможешь – *он* разгневается. Большая беда будет. Всем.

– Да не могу я... – сердито сказал Духарев. – Не понимаешь, что ли? Это твоя идея! Придумай что-нибудь!

Медогар нахмурился... Но через мгновение лоб его разгладился. Он позвонил одному из волохов, пошептал ему на ухо. Тот поспешно удалился.

Ждать пришлось почти час. За это время Серега успел допить бурдючок, а волохи – дважды сменить факелы.

Посланный наконец вернулся. И привел с собой рыженькую.

Рыженькая, очень смущенная, быстренько разделась.

– Помнишь ее? – улыбнулся Медогар.

Серега помнил. Не лицо, конечно. Лица он тогда не разглядел, но все остальное помнил отлично.

– Ну это же совсем другое дело! – Духарев расплылся в улыбке. – С ней – хоть до утра!

Медогар покачал головой.

– Она поможет тебе обрести силу, – сказал он. – Но семя твое достанется не ей. Она не девственна.

– Вот блин! – пробурчал Серега. – Как вы меня достали со своими правилами!

Он справился. С помощью рыженькой. Но осадок остался крайне паскудный. Обидно! Такой хороший день испортили!

Настроение Духарева не улучшилось, когда, пообщавшись с Медогаром, Рёрах сообщил подопечному, что тот – большой пружник. Не умеет главный волох читать в людских душах – гореть бы сейчас обездушенному Серегину телу в очистительном пламени. За оскорбление божества не-действием.

Впрочем, общими результатами ночного «жертвоприношения» варяг остался доволен. Поскольку Медогар подтвердил свое обещание. Через пару дней, когда Духарев полностью восстановит силы, его снова отправят в «астральное путешествие». И с помощью волоха-человека и Волоха-бога выяснят, для чего он, Серега Духарев, явился на эту многогрешную языческую землю.

Глава двадцать пятая

Гулять так гулять!

А праздник все продолжался. День сменяла ночь, ночь сменял день... Еще в сумерках санный поезд: собачьи упряжки, сопровождаемые гурьбой лыжников, уносились на капище – к Хорсу, Дажьбогу, «светлому» Волоху и прочим «дневным» богам. Там язычники встречали солнце, ели, пили (Серега подозревал, что и в еде, и в питье – изрядная примесь наркоты), затем катились обратно, уже в личинах, раз-

малеванные, под бубны и дудки, с плясками вваливались на подворье, и уже через полчаса шкуры валялись на снегу, а разгоряченные тела мужчин и женщин содрогались в древнейшем из танцев. Самых выносливых хватало часа на полтора. Неплохой результат, учитывая предыдущие нагрузки. Потом был расслабон под ясным небом, под лучами Хорса, чей светлый лик за все это время ни разу не затмила тучка. Деловитые, облаченные в меха жрецы перешагивали через голые тела, раздавали и собирали чаши с горячим медом, иных, совсем утомленных, поили с рук. Тех же, кто вычерпался до донышка, поднимали и уносили в дом. Насладившись групповушкой и позагорав, народ отправлялся обедать. После обеда наступал тихий час, вернее, несколько часов, после которых веселье возобновлялось с новой силой. В программу входили катания с гор, состязания в беге, борьба (без оружия) и всевозможные игры. В играх Серега с большой охотой принимал участие, но к победе не стремился. Дух соперничества в нем как-то ослабел, что особенно чувствовалось, если Серега присоединялся к веселью пораньше и успевал до обеда и на шкурах накувыркаться, и позагорать с кайфом. Никогда раньше он не думал, что можно загорать зимой. Оказывается, можно, и совсем не холодно.

С темнотой большая часть народа перемещалась под крышу, а меньшая часть отправлялась служить Волоху-темному. Непосвященные к этому ритуалу не допускались. Они могли подождать снаружи, что было, разумеется, не так интересно,

как послушать пение сказочника или поиграть в угадайку.

Они все были как дети. Безусые юнцы, розовощекие девчонки и пышногрудые тети с боролатыми дядями. Мальчишка-подмастерье и плечистый воин, чьи руки испещрены шрамами, формально были равны и наравне участвовали во всех игрищах. А вот у Рёреха и, соответственно, у его ученика статус был особый. Прямо скажем, привилегированный. Например, понравилась варягу некая розовотелая девица, подзвал варяг волоха, показал на девицу мозолистым пальцем – а вечером указанная девица, весьма польщенная, оказалась у Рёреха в постели. Серега подозревал, что он имеет такие же права, но не опускался до того, чтобы по столь деликатному поводу обращаться к жрецам. Ему и так не отказывали.

Где-то на пятый день их пребывания у волохов Серега все же спросил у наставника, на каких правах они здесь находятся.

– Ты – на сорочьих, – ухмыльнулся варяг.

– А ты?

– А я... – Рёрах на мгновение задумался, потом нашел подходящее сравнение. – Император ромеев нанимает северных воинов, чтобы охраняли его от врагов. Этим воинам не обязательно любить императора, и поклоняться его богам тоже не обязательно, хотя и не запрещается. Воины служат императору, и он дает им деньги, пищу, женщин и позволяет развлекаться по собственному обычаю... Если они достойно несут свою службу. Я почитаю Волоха и служу ему, но я не

раб ему и не жрец. Все понял, репка-сурепка?

Сергеа кивнул. Его такой подход тоже устраивал. Он тоже не раб языческого бога и поклоны бить ему не намерен. Но если выпал случай повеселиться, так почему бы и нет?

Однако все хорошее, равно как и плохое, рано или поздно заканчивается. В первую очередь это относится к праздникам.

Как-то вышел Сергеа Духарев на крылечко и увидел, как выводят из конюшни лошадок, разбирают сложенные штабелем розвальни. Увидел, как деловито суется вчерашние сотрапезники, а недавние подружки, смыв с бровей чернь, чистят снегом шкуры и сворачивают их рулончиками, прежде чем уложить в сани. И понял Сергеа – празднику конец. Началась обычная жизнь, и в этой жизни Сергеа им уже не нужен. Четверо гридней, может, из Полоцка, может, из Витебска или еще откуда, оседлали застоявшихся лошадок, шикую, разом взлетели в седла. Один наклонился, вручил волоху-привратнику мешочек. Деньги, вероятно. Другой засвистел и пустил коня вскачь, обгоняя сани и пеших. Остальные пустились за ним. Звонкий девичий голос что-то крикнул им вслед.

Сергеа неприкаянно бродил по двору. На него обращали внимания не больше, чем на обленившихся кудлатых псов. Кто-то толкнул его в поясницу. Духарев обернулся. Мишка. Такой же неприкаянный. Сергеа почесал ему лоб. Мишка печально вздохнул.

– Серегей!

К Духареву спешил волох.

– Идем, Серегей! Медогар кличет.

**Глава двадцать шестая,
в которой Серега Духарев
снова смотрит в воду и узнает
довольно неприятные новости**

– Будут тебе видения, – наставлял Медогар. – Будут тебе картины от тех, кто любит тебя, кого ты любишь, кто думает о тебе в этот час или помнит. Но ты картинами не прельщайся! Гони их прочь и тянись в самое нутро, пока двойня своего не увидишь. А уж его хватай и держи. Он оборачиваться будет: может, змеей, может, волком иль огнем, но ты не бойся. Зла он тебе не сделает, потому что он – это ты. Держи его крепко, а как устанет он оборачиваться, то просить будет: отпусти меня. А ты ему и скажи, не голосом, сердцем скажи: «Кто ты есть, и от кого твоя силушка?» И слушай его, но уже не сердцем, потому что сердце он обманет, а разумом мертвым слушай...

А зелье уже действовало. Чувства обострились, мир стал четче и объемней, проник внутрь, стал частью Сереги. И Духарев тоже стал частью мира. Легко.

– Гляди, – велел волох, нажимая на Серегин затылок и

наклоняя его голову книзу, к поверхности прозрачной талой воды. В воде плавали редкие льдинки, а сквозь нее просматривалось неровное дно медного таза. – Гляди!

Серегу потянуло книзу, нос его едва не коснулся воды...

Волох одобрительно зацокал языком. Совсем по-беличьи. Рёрах ухмыльнулся. Серега не видел, но слышал, как старый варяг самодовольно кривит рваную губу...

– Ты гляди, гляди, молодец! – внезапно ударил в ухо голос Медогара, и Серега обнаружил, что уже довольно долго сидит не шевелясь, наслаждаясь своим состоянием...

Опомнившись, Духарев посмотрел в таз. Тонкие льдинки растаяли. Вода была гладкой, темной. Теперь в ней отражался огонь лучины и, смутно, – Серегино лицо. Может, это и есть двойнь, о котором говорил Медогар?

Духарев потянулся к отражению, к воде, под нее, ощутил, как эта талая влага незримо связана со всей влагой мира. С ее источниками, реками, морями... У нее не было дна, и в эту бездонность всегда уходила жизнь. И приходила тоже из нее.

«Сейчас, – подумал Серега. – Я сделаю, что велено. Только разок погляжу, как они там».

Одной мысли было достаточно, чтобы Сергей увидел Сладу. И увидел не дома, не в лавке, а в совсем незнакомом месте, какой-то захлавленной комнатухе без окон. Впрочем, занималась Слада делом привычным: растирала что-то в ступке. Минуту спустя дверь в каморку-чуланчик откры-

лась. Слада подняла голову, и Духарев понял, что она недавно плакала. Слада встала, сделала шажок. Маленький. Ноги ее были скованы цепью!

Вошедший протянул руку, девушка вручила ему небольшой пакетик. Человек повернулся и вышел. Но в самый последний момент Духарев узнал его и вспомнил: один из приказчиков Горазда...

Сильный толчок, резкий запах, резанувший ноздри.

Духарев дернулся, отстранился, сморщился от вонючего дыма. Волох тут же загасил чадящее пламя, передал железную чашку варягу, взял другую, с питьем, влил Духареву в рот какую-то дрянь, затем крепко взял Серегу за уши и целую минуту мял их довольно жестоко.

Когда остатки транса выветрились из Духарева, а осталась только слабость и сердцебиение, волох оставил его истерзанные уши и развернул Серегу к варягу.

– Ты что сделал, репка-сурепка? – рыкнул Рёрах, приблизив к Серегиным глазам изуродованное лицо. – Я тя для чего сюда привел? Корень твоего духа искать я тебя привел! А ты, недоумок, что сделал?

– Не кричи, – пробормотал Духарев.

Язык шевелился трудно.

– Не кричи, – прошептал он. – Завтра еще раз сделаем. – И услышал короткий смешок Медогара.

– Совсем дурной, – сказал Рёрах, обращаясь уже к волоху.

– Он не знает, – отозвался жрец. – Ты ему не сказал. Зав-

тра нельзя, Серегей. До нового месяца нельзя. Кто часто за край глядит, того туда и утянет.

– Тогда все, – Духарев встал. Его пошатывало. – Рёрах, мне надо ехать.

– Надо? – мохнатая бровь поползла вверх.

– Извини, дед! Надо! Оседлай мне Пепла. У родичей моих беда.

– Обождут, – отрезал варяг.

– Что говоришь, ведун! – воскликнул Медогар. – Что говоришь! Род – это свято!

– Да куда он такой поедет? – фыркнул варяг. – Свалится в сугроб по дороге!

По тому, как отрывисто говорил Рёрах, Духарев сообразил: дед смущен волоховым упреком. Потому что поначалу и вовсе не собирался отпускать Серегу по родственным делам.

Чихал он на проблемы духаревских родичей.

Но сейчас он был прав. Не усидеть Сереге в седле.

– Завтра и отправимся, – решительно заявил варяг. – Ты, Медогар, вот что: спать его в бане положи. Беззащитен он ныне. И девку подошли. Греть.

– Девку не надо, – возразил Духарев. – Сам согреюсь.

Волох и ведун переглянулись. И усмехнулись совершенно одинаково.

Мнение Духарева их интересовало не больше, чем мнение цепного дворового мишки. А может, и еще меньше.

– Я с ним посижу, – сказал Медогар. – Обороню. Не тре-

вожься, ведун.

Снилась Сереге девочка на белом войлоке. Между деревянных колен идола. Серега склонился над ней, поцеловал и увидел, что это не та девочка, а его Слада. И рассердился Серега, потому что никому не разрешал приковывать ее цепями. И схватил он ближнюю цепь, и разорвал ее, как бумажную бечевку, а когда схватил вторую, то его самого схватила чужая рука. И пальцы у этой руки были из дерева: каждый – толще Серегоного запястья. Сжались эти пальцы – и захрустела кость.

Но Серега не сдался. Кинул свободную руку за спину, выдернул меч и отсек схваченную руку...

– Ой, злые ему сны снятся... – пробормотала девка, отирая пот с Серегоного лба.

– Не злые... – обронил Медогар. – Вещие.

Глава двадцать седьмая

В путь!

Старый варяг за базар отвечал конкретно. Ровно на третий день они покинули капище и отправились в обратный путь.

Еще через пять дней прибыли «домой», то есть к священному дубу. По пути Серега намекнул было, что желает побыстрее вернуться в Новый Торжок и накостылять кому следует. Предложил даже Рёреху составить ему компанию.

Насчет «побыстрее» варяг высказался в том смысле, что самая быстрая собака – это не та, которая первой кусает медведя, а та, которая после этого еще может кусаться. А насчет «составить» компанию заявил, что с таким пустячным делом Духарев и сам разберется, а если не разберется, так земля ему пухом.

Сергея дулся на Рёреха весь обратный путь, но когда они оказались «дома», очень скоро обижаться перестал, поскольку по возвращении старый варяг со всей серьезностью занялся экипировкой Духарева. И снарядил его в дорогу так качественно, как сам Серега никогда бы себя не снарядил. Отдал Духареву Пепла! Вручил тугой мешочек, набитый иноземными серебряными монетами...

И еще подарил свой меч. Тот, что висел у деда в «спальне».

Подобной щедрости Серега от варяга даже и не ждал. Меч, равно как и деньги, был из воинской добычи, привезенной с юга Рёреховой ватажкой. Добычи, на которую позарился жадный плесковский воевода, но которая ему так и не досталась. А сработан меч, по словам варяга, был даже и не у ромеев, а еще дальше, и в хорошей руке мог посесть или пробить даже ромеями сработанный панцирь или без вреда принять на тупую часть клинка вражий меч. Перебить такую сталь мог разве что тяжелый нурманский топор, каким с удара разваливают щит. Но отбивать дорогим подарком топоры Серега не собирался. Равно как и без толку рубить кольчу-

ги и панцири. Еще бы Сереге дедушкин лук... Но варяг не предложил, а Духарев попросить не решился. И так старик одарил его сверх всякой меры.

Последний вечер, проведенный Духаревым в старом дубе, был посвящен картографии. Варяг вычертил на кусках бересты фрагменты местности, потом сложил их вместе, и получилась довольно внятная карта, включавшая в себя территорию от Новгорода до Смоленска и от Суздаля до Полоцка и Изборска. Здесь были все главные тракты и все озера и реки, большие и малые. Даже и без тайных троп – неплохое подспорье для путешественника. Серега прикинул, что понадобится не так уж много времени, чтобы добраться до Малого Торжка.

Утром следующего дня Духарев отправился в путь. Варяг проводил его до смоленского тракта.

– Я вернусь, – пообещал Серега.

Рёрах пожал плечами, мол, дело твое, повернул лошадку и уехал, а Серега целую минуту глядел вслед, ощущая, как будет ему не хватать этого замечательного деда...

Пепел нетерпеливо фыркнул, Духарев встряхнулся, поморгал, прогоняя из глаз влагу, и послал жеребца вперед. Впервые с того момента, как Духарев увидел над собой резную дубовую листву нового мира, у Сереги появилась конкретная цель. Конкретное дело. Доброе дело и ощущение силы, достаточной, чтобы это дело свершить... Что еще нужно человеку, чтобы поувствовать себя мужчиной? Да ничего!

Чсть третья

Варяг

Глава первая

Старые знакомые...

Мохнатые ноги Пепла весело топали по накатанному санями зимнику. До городка оставалось всего километров десять. Серега с удовольствием узнавал местность. Именно по этой дорожке он топал, прикидывая, куда его занесло. Память услужливо показывала картинку, оставалось только сделать поправку на зимний сезон.

Из ноздрей Пепла вырывались клубки пара. Вчера на постоялом дворе Серега купил полмешка овса. Осталась четверть. И от варяговых, данных в дорогу, денег – тоже осталась четверть. Но Серегу это мало беспокоило. Из-за уха у него торчала рукоять меча, за который дали бы столько серебра, что для него не кошель – мешок нужен. Но Духарев меча не продаст. Да и ни к чему. Денег он заработает, не проблема. По дороге Серегу уже дважды пытались нанять охранником. Еще бы! Благодаря росту и сложению Духарев смотрелся очень даже внушительно. А меч, да еще такой длинный, что сподручней носить на спине, а не на поясе, одно-

значно определял его профессию – воин. Не гридень, конечно, даже не дружинный отрок (у тех не только меч, но доспехи и прочая военная снасть), но конный и оружный. Идеальный кандидат в караванные охранники.

Было бы по пути, может, Серега и подрядился бы. Но оба санных поезда двигались на юг...

Задумавшись, Духарев расслабился. Выражаясь военным языком, утратил бдительность. Решил, что он такой важный и грозный, что все вокруг должны три раза приседать от почтения. Лоханулся, короче. Забыл, что не по Михайловскому парку катается, а меч – не сотовый телефон. Могут и отобрать.

Удалец сиганул на него прямо с ветки. Сидел тихо, а прыгнул лихо. Кабы не стремяна, полетел бы Духарев на утопанный снежок. И взяли бы его нежным и тепленьким. Но стремя выдержало, и подпруга не лопнула. Пепел гневно заржал, вскинулся на дыбы... Серега, опять чудом, не вылетел из седла – ведь на шее у него висел «грузик» килограммов под семьдесят. Духарев вцепился в гриву, разбойнички, выскочившие на дорогу, шарахнулись от молотящих воздух копыт. Пепел под двойной ношей едва не опрокинулся, попятился, но удержался, тяжело осел на передние ноги и рванул галопом, только оснеженные ветки замелькали.

– Стой! – рявкнул Духарев.

И жеребец встал. Нет, не зря Рёрах наставлял приучать коня к голосу. Руки-ноги могут быть и заняты. Так и вышло.

Руками Серега в этот момент отрывал от себя неожиданного попутчика, всерьез вознамерившегося Духарева задушить. Но у Сереги были другие планы, и через секунду «прыгун» взмахнул конечностями и полетел в сугроб. Приятели «прыгуна», пустившиеся было за ускользящей добычей, разом остановились. Пешему за конным гнаться – пустой номер.

Но Серега убежать не стал. Он был сердит. В первую очередь – из-за собственной оплошности. Развернув Пепла, он поглядел на лесных хулиганов, остановившихся шагах в двадцати. Увидел, что оружия дистанционного боя при них нет, а есть деревянные рогульки очень знакомого вида. И рожи у хулиганов раскрашены очень даже знакомо.

Неудачливый прыгун тем временем выкарабкался из сугроба и припустил к своим.

Серега усмехнулся. И спрыгнул на землю.

Приласкав Пепла, он закинул повод на луку седла и не спеша двинулся к старым знакомцам. Те же убежать не спешили, напротив, разошлись полукругом, изготовились. Шестеро на одного – обнадеживающий расклад. Это потому, что они еще не видели Серегу в деле. Или наоборот: видели – и вспомнили? В таком случае шаловливых мальчишек ждал небольшой сюрприз.

Двое разбойничков, что стояли в середине, попятились. А те, что по краям, – нет. Маневр был очевиден, как мухомор на полянке. Серега сделал вид, что купился, а когда снежок заскрипел под ногами подбиравшихся со спины удальцов,

оглядываться не стал, просто выдернул клинок да и закрутил двумя слившимися воронками. Шажок назад – один хитрец прыснул в сторону, другой, напротив, сунулся вперед, понадеявшись, что его рогулька длинней клинка.

И рогулька стала на метр короче.

– Ай-яа-яй! – укоризненно произнес Духарев. – Ехал я спокойно, никого не трогал, не обижал, а вы что же?

Голос его был ровен и спокоен, хотя меч летал вокруг стрекозиным крылом.

– Ехал – и ездай, – так же спокойно отозвался один из разбойников.

Все шестеро держались от Сереги на порядочном расстоянии. Наверняка прикидывали, как, в случае чего, сделать ноги.

– Кто из вас Перша Лебеда? – спросил Духарев.

– Я, – чуть помедлив, признался тот, что говорил.

– Я тебе кое-что должен, – сообщил Духарев. – Надо вернуть.

– Давай, – ледяным голосом ответил Лебеда.

Нет, не соврал Гораздов приказчик: очень похоже, что был когда-то гриднем Перша Лебеда. Кто знает, может, он и сейчас со своей палкой стоит Серегиного клинка?

Духарев опустил меч, воткнул в снег. Под пристальными взглядами разбойников развязал кошель, выудил серебряный резан.

– Брал медью – возвращаю серебром, – сказал он и швыр-

нул резан Лебеде под ноги.

Лебеда поглядел на резан, почти неотличимый от снега.

– Я тебя не знаю, – произнес он с легким замешательством. – Кто ты?

– Меньше знаешь – дольше живешь! – с важностью изрек Духарев.

Повернулся к разбойникам спиной и двинулся к коню. Если бы попытались напасть, он бы услышал. Но ватажка нападать не стала.

Глава вторая

...И старые друзья

Малый Торжок утонул в снегу. Сугробы поднимались до половины стен. Белая гора, белые крыши, белая шапка на кремлевской башне. А внизу – белая лента замерзшей Сулейки, исчерченная узкими полосками от лыж и широкими – от саней. У берегов чернели вмерзшие в лед причалы.

– Кто таков? – Скольдов отрок, стражник у ворот, встал на пути Духарева, предупреждая подняв сулицу. Заметил, значит, меч за спиной.

– Не признал, Выдр? – Духарев соскочил с коня, мотнул головой, стряхивая снег с отросших кудрей.

– Сергей? – не очень уверенно спросил отрок.

– Я, – подтвердил Духарев.

– Ишь как оно! – Отрок оглядел Духарева и его жеребца

с явным одобрением. – Степной коник, я чай?

– Хузарский.

Отрок опустил копые, потянулся к конской морде.

Пепел тут же прижал уши и нацелился куснуть, но Выдр убрал руку и засмеялся.

– Добрый коник, – произнес он с удовольствием. – Откуда?

– На смоленской ярмарке взял, – ответил Духарев.

– Много отдал?

– Четыре гривны.

– Не дешево... – покивал Выдр. – Отдашь мне за пять?

Серегу погладил Пепла. Тот ткнулся в ладонь мягкими губами. Морковку искал.

– И за десять не отдам, – сказал Духарев. – Он теперь мой.

– Да я так спросил, – не особо огорчился отрок. – Мало ли...

– Войти-то мне можно?

– Входи, – Выдр отодвинулся, уступая дорогу, и Духарев, ведя Пепла в поводу, двинулся наверх, к родному дому.

Дом стоял пуст. Ни утвари, ни живности – ничего. Холодная печь, стылая изба. В хлеву даже сена нет. Во дворе – ничего. Только ведро у колодца. Сергей ждал худого, но в самое худое верить не хотелось. И до самого конца не хотелось верить в то, что привиделось.

Серегу отвел жеребца в хлев, снял сумки, расседлал, подсыпал овса.

Когда вышел, увидел соседку. Поздоровались.

– Ить ты зря тут располагаешься, – заметила женщина. –

Это теперь не ваше.

– А чье? – нахмурился Духарев.

– Гораздово.

– А мои где?

– У него ж.

– Это как так? – мрачно спросил Серега.

Женщина смутилась.

– Ты лучше дружка своего расспроси, – посоветовала она. – Чифаню.

Чифаню Духарев отыскал в Любимовой лавке. Чифаня резал пояс. Тут же был и Сычок.

– Здорово!

– Здравствуй! – Чифаня даже улыбнулся сначала, но тут же помрачнел. А вот Сычок обрадовался искренне, сгреб Серегу в охапку, стиснул по-медвежьи. Духарев еле высвободился.

– О! У тя меч! – закричал новгородец. Глаза его заблестели. – Покажь!

Духарев закинул руку, привычно выдернул длинный клинок. Аккуратно, чтоб не задеть низкую балку.

– Ух ты! – восхитился Сычок. – Эк ты наловчился!

Серега не удержался, похвастал: вертанул меч двойной петлей. Сычок отшатнулся. Любой отшатнется, когда перед глазами с шорохом рвет воздух смертоносное лезвие. Любой,

кроме воина. Духарев понял это – и устыдился. Бросил меч обратно в ножны.

– Чифаня, – сказал он. – Где мои?

– Горазд взял, – не поднимая глаз от работы, произнес внук Любима.

– Как?

– За навет.

– Да он... – воскликнул Сычок.

– Помолчи, – зло, не по-приятельски, а по-хозяйски оборвал его Чифаня. – Я говорю. Когда ты пропал, Серегей, Слада сказала: на вас Горазд со своими людьми напал.

– Верно сказала, – подтвердил Духарев.

Чифаня пожал плечами: теперь-то какая разница?

– Горазда в городе не было, – продолжал он. – Только к зиме вернулся. Князь полоцкий за данью приехал, и Горазд с ним. Мыш пошел на Горазда жаловаться. Я ему говорил: глупость, но он не послушался, дурачок! Пошел. А у него один видак, да и то девка. А у Горазда – полная дюжина. И гневом Перуна он поклялся: нет тебя у него, и никому он тебя не продал.

– Не соврал, – кивнул Духарев. – Я от него сбежал.

– Надо было тебе в город вернуться, – сказал Чифаня. – А так... В общем, перед Перуном с Гораздом не Мышу биться. И заступников у него не нашлось. А князь полоцкий с Гораздом дружен, вот и присудил: за лжу на княжьем суде с Мыша виру в двадцать гривен. И Горазду за навет – десять.

Сроку дал – два дня.

А у Мыша всего – девять гривен нашлось. Хотел дом продать – никто не купил. Горазд – муж большой, советник, с князьями дружен, Скольд его слушает. Кто с ним ссориться станет из-за девки и мальчишки? Не добыл Мыш денег. Виру за него Горазд заплатил, а их со Сладой к себе холопами взял... Да ты не думай! – быстро проговорил он. – Горазд их не забижал! Чего ему! Он же их продать хочет весной, в Киеве или еще где. Ты плохого не думай!

– Я плохого не думаю, – процедил Духарев. – Я только хорошее думаю. Например, об одном нашем знакомце, который для друга двадцать гривен пожалел!

Чифаня побледнел, но смолчал.

– Или скажешь, что не смог бы набрать два десятка гривен? – язвительно спросил Духарев.

– Это большие деньги, – не поднимая глаз, проговорил Чифаня. – Но я бы набрал.

– И что же тебе помешало? – осведомился Серега.

– Дед запретил! – отрезал Чифаня.

Все, разговор окончен.

Серега повернулся и вышел вон.

Уже за рынком его догнал Сычок:

– Серегей! Стой! Да стой ты!

– Что нужно? – холодно спросил Духарев.

– Ты куда?

– К Горазду.

– Не ходи. Его в городе нет. Он с князем в Полоцк уехал. И твоих забрал.

– Значит, и мне в Полоцк, – отрезал Сергей.

– Ага... Понятно... – Сычок не отставал, тащился за Духаревым. – Слышь, Серегей... Ну зачем ты так? С Чифаней? – выдавил новгородец. – Он знаешь как горевал! Да не может же он старшего в роду послушаться! Да никто не сможет! Вот ты бы смог?

– Я бы смог, – сухо ответил Духарев и ушел, оставив Сычка застывшим посреди улицы с разинутым ртом.

За время его отсутствия в Мышовом доме кое-что изменилось. Во дворе, помимо следов Сереги и Пепла, появились еще чьи-то. Некто в больших валенках прошел через двор, заглянул в дом, а затем в хлев.

Духарев подошел к хлеву. За стенкой что-то бубнил мужской голос. Хотя следы, определенно, одного человека.

Серега сильным толчком распахнул дверь...

Ба! Старый знакомец! Трещок!

Духарев недобро усмехнулся и шагнул внутрь.

Гораздов приказчик повернулся на звук.

– Ага, – сказал он совершенно спокойно. – Вернулся. Конь-то твой?

– Мой, – признал Духарев.

– Так себе конь, мелковат, – авторитетно изрек Трещок. – Гривны за полторы зачтется.

– Это ты о чем? – От Трещковой важности Серега даже

слегка опешил.

– Брат твой Горазду двадцать гривен должен, – деловито объяснил Трещок. – Конь этот в уплату пойдет. В счет долга.

– А еще что скажешь? – с нехорошей улыбкой поинтересовался Духарев.

– Ты тож со мной пойдешь. – Серегиной усмешки Трещок не заметил, а если и заметил, то не понял, что она означает.

– Седло тож возьми, – продолжал он. – Седло старое, но на полгривны... Э-э-э! Ты чего это? – воскликнул он, увидав в Серегиной руке меч. – Ты чего это? – Трещок потянулся к ножу.

– Давай! – поощрил его Духарев. – Рискни слабым здоровьем!

Трещок попятился.

– Ты ж это... Биться не умеешь? – не очень уверенно проговорил он.

Пепел фыркнул. Очень уместно.

– Ты так думаешь? – ухмыльнулся Духарев... и вдруг коротко полоснул мечом. Трещок отпрянул, но недостаточно быстро. Отточенное жало клинка вспороло его полушубок от плеча до бедра. Только полушубок. Духарев пока не собирался его потрошить.

– Значит, не умею? – осведомился он, подсовывая ледяной клинок под бороду Трещка и дотрагиваясь до его горла. – Уверен?

– Н-нет...

– Жить хочешь?

– Тебе виру платить надобно будет... – пробормотал Трещок. – И головное...

– Я спросил: жить хочешь? Или – нет?

– Хочу!

– Где Горазд?

– В П-полоцк поехал.

– Мои – с ним?

Трещок покосился на уходящий под бороду клинок.

– Д-да!

– Из Полоцка до оттепели вернутся?

– Н-нет!

– Почему?! – рявкнул Духарев.

– Из Полоцка Горазд сразу в Киев пойдет! – быстро проговорил Трещок. – Сначала – к Днепру, а как вскрыется – на лодьи и вниз, к Киеву.

– Молодец, – похвалил Духарев. – Живи пока.

Он убрал меч в ножны.

Трещок вздохнул с облегчением. Поглядел, как Духарев седлает Пепла.

– Значит, со мной не пойдешь? – спросил Гораздов приказчик через некоторое время. – А ежели я гридням пожалуюсь?

– Не пожалуешься, – не оборачиваясь, ответил Духарев.

– Это почему же? – запальчиво спросил Трещок.

– А вот поэтому! – Духарев мгновенно развернулся и уда-

рил наглеца кулаком в висок. Тот упал физиономией прямо в свежее Пеплово «яблоко». Духарев брезгливо перевернул приказчика носком сапога. Готов. Минимум полчаса проваляется.

Серегу вывел Пепла (жеребец аккуратно переступил через лежащего) во двор, прыгнул в седло.

– Далеко собрался? – крикнул вслед всаднику Выдр.

– В Полоцк! – крикнул в ответ Серегу.

Отрок поглядел, как уходит уверенной рысью серый жеребец, вздохнул и вернулся на свое бревнышко. Караулить.

Глава третья,
*в которой Серегу представляется
возможность на собственном
опыте убедиться, что бывают
случаи, когда хороший меч
эффективней хороших законов*

Санный путь сначала вел вдоль берега, а потом свернул вниз и сполз с берега на лед. Белая гладкая дорога. Слишком просторная для одинокого всадника. Ну не то чтобы Духарев был на ней таким уж одиноким... Вот побежал от берега к берегу лыжник, вот Серегу обогнал санки, а вот навстречу – трое мужиков волочат здоровенную медвежью тушу.

– Эй! – окликнули Серегу. – Лошадку не одолжишь?

– Не могу, спешу! – отозвался Духарев.

Пепел, учуяв медвежий дух, заржал, шарахнулся.

– Тих-хо! – прикрикнул на него Серега, подпернув поводья.

Справа показался черный высокий тын. Городок. С высокого берега скатывались на санях ребяташки. Визжали, хохотали... Серега поглядел на них, и ему почему-то взгрустнулось.

Он тронул каблуками Пепла, и понятливый конь перешел с шага на ровную рысь.

«Все-таки как красиво у нас на Руси», – подумал Духарев, хотя и знал, что скажи он это вслух при любом кривиче – и тот наверняка возмутится, а потом начнет толковать глупому чужаку, что русь – это там, в Киеве, дружина княжья, да старшие мужи, да варяги, да нурманы... В общем, русь – это княжье, а тут земля вольная.

Духарев усмехнулся: вольная-то вольная, а дань князю платят. И киевскому, и полоцкому.

– Молодец! Эй, молодец! – с берега, спотыкаясь и оскальзываясь, бежала баба.

Сначала Серега хотел крикнуть ей обычное: «Спешу!», но что-то его удержало. Может, то, что чесала баба к нему слишком уж заполошенно. И одета была как-то слишком легко, не по сезону.

– Стой, – скомандовал Духарев, и конь послушно остановился.

Баба подбежала, бухнулась ничком в снег, прямо под копыта брезгливо попятившегося Пепла.

– Ой, человек добрый! Ой спаси-помоги! – заголосила баба, запрокидывая вверх красное зареванное лицо. – Ой, защити, родимый, ради Хорса светлого! Оборони от убивцев-насильников, добрый человек!

«А ведь не шутит тетка!» – подумал Серега. Он спрыгнул на снег.

– Вставай! – скомандовал нарочито грубо. – Хорош выть! Поехали!

Сообразив, что дело сладилось, баба тут же умолкла, уставилась на Духарева снизу вверх с такой искренней надеждой, что у Сереги от взгляда ее что-то в груди предательски екнуло.

– Полезай! – рыкнул он, буквально забрасывая женщину на спину Пепла, хлопнул коня, и тот пошел вперед, а Духарев побежал рядом, держась за седло.

– Ой быстрее, родной, ой быстрее! – забормотала тетка.

– Ша! – оборвал ее Духарев. – Ну-ка говори толком, что у тебя стряслось.

И баба зачастила с пулеметной скоростью.

Серега понимал через два слова на третье. Общую суть. Суть же сводилась к тому, что муж у бабы – кузнец, причем живут они от мужнина рода отдельно. Сами, да две дочки, да сын, да холоп... Короче, семьей живут, а не родом, а родичи у них в трех поприщах, в городе Витебске.

И был у них недавно князь полоцкий Роговолт. То есть не то чтобы был, проезжал мимо с дружиной и дань взял. Сколько причиталось. Еще муж двух коней княжьих подковал. Задаром.

А сегодня вот заявились четверо. При оружии. Сказали: тоже люди княжьи. За данью. Да только не княжьи они, а лишие люди. Мужа прибили, холопа вообще убили до смерти. Говорят: кажи, где серебро-злато закопано, а не то железом жечь станем да дочек насильничать. А дочкам-то десять да восемь годков! Тут баба заревела и едва не вывалилась из седла.

Духарев прикрикнул на нее, и баба замолкла. Перепугалась, что бросит.

А между тем покрыли они уже с полкилометра.

– Далеко еще? – спросил Духарев.

– Да еще два раза по столько! – всхлипнула баба.

– След твой?

– Мой, – баба еще раз всхлипнула.

След был мощный. Баба на стрессе ломила по сугробам, будто бульдозер.

– Слезай, – скомандовал Духарев.

Баба в ужасе вцепилась в седло.

– Да не бойся ты! Я один поеду, побыстрей. А ты уж как-нибудь ногами дойдешь. Дойдешь?

– Дойду, – всхлипнула баба и сползла с коня.

Духарев глянул на нее, быстро стянул куртку, бросил бабе:

– Накинь, простудишься!

Он не вспрыгнул, как обычно, в седло, а воспользовался стремением. Устал. Пепел тоже устал, и, жалея, Духарев пустил рысью, а не бросил его в галоп. Однако ж не успел он проехать и полста шагов, как увидел, что между деревьями кто-то бежит. Серега придержал коня, на всякий случай приготовился.

Бежали двое. Топали друг за дружкой по пробитой в сугробе тропе. Один – оружный, с секирой на поясе, второй – только с ножом. Первый зыркнул на всадника. Морда раскрасневшаяся, борода взлохмачена.

– Прочь! – гаркнул на бегу.

Серега подал Пепла, уступая дорогу.

Второй протопал, даже не взглянув.

Серега развернул Пепла, тронул каблуками, скомандовал:

– Шагом.

– Вон она! – заревел один из бегунов. – Вон, вон! Ах ты стервь! Волчье семя! Ах ты!..

Баба истошно завизжала.

Духарев ударил каблуками в конские бока, отпустил поводья. Пепел с ходу взял в галоп, вмиг нагнал увлеченных преследователей. Серега привстал на коротких стременах, откинулся назад и рубанул не наклоняясь, длинно и мощно, точно как рубил с седла воткнутые в землю ветки. Клинок упал – и взлетел, роняя алые брызги. Снесенная голова подпрыгнула и нырнула в сугроб. Густая кровь ударила в два фонта-

на, а безголовое туловище еще продолжало бег, еще тянуло вперед жадные руки...

Второй – он уже хватался за Серегину куртку на перепуганной бабе – почуял нехорошее или услышал глухие удары копыт, выпустил бабу, обернулся, рука его метнулась к поясу, где топор... Но Пепел уже летел на него грудью, разбойник явно не успевал поднять оружие. Он шарахнулся в сторону, уворачиваясь, так, чтобы оказаться слева от всадника, выиграть мгновение, поставить под удар застывшую с разъявленным ртом бабу...

Но Серега ему этого мгновения не дал. Жестоко осаженный Пепел обиженно заржал, развернулся влево, повинувшись воле всадника...

Разбойник только и успел, что вскинуть левую руку в отчаянной попытке уберечь голову. Попытке отчаянной и смешной. Лучше было б ему броситься на снег, под копыта... Клинок начисто отсек руку, полоснул жалом по груди, разрывая одежду и мышцы, отбрасывая разбойника назад, опрокидывая... Но второй, последний удар настиг его раньше. Клинок, догоняя, упал между плечом и шеей, разрубил стеганую ткань, мышцу, ключицу, увяз, рванув вниз руку всадника. Серега мощным движением кисти крутанул меч, вырвал, взмахнул еще раз. Яркие капли полетели в снег, на рассевающую в снегу бабу, на Серегину куртку...

Упавший задергался, щедро орошая снег собственной дымящейся кровью, захрипел и умер.

Духарев развернул жеребца движением колен, приник к его гриве, шепнул в мохнатое ухо:

– Прости, мой хороший... Марш! – И Пепел, забыв обиду и усталость, рванулся вперед.

Через несколько минут всадник с запятнанным кровью мечом вынесся к распахнутой калитке, проскочил сквозь нее, впритирку, вылетел на широкое подворье.

Сереге, еще на скаку, прыгнул с седла, мельком отметил раскинувшееся в снегу мертвое тело, услышал голоса, не из избы – из кузницы, в три прыжка одолел расстояние до дверей и ворвался внутрь.

Их было пятеро. Кузнец, прикрученный к столу, подтянутому к самому горну, две девочки и два негодяя. Одна из девочек плакала, вторая, младшая, даже плакать не могла от ужаса, потому что один из негодяев до самой шейки задрал ее рубаху, а второй держал у втянутого, бледного до синевы живота раскаленный железный прут...

При виде Духарева первый негодяй выпустил девочку, которая тихо осела на земляной пол, а второй, не раздумывая, метнул в Серегу прут.

Духарев присел, и прут вылетел во двор и зашипел, остывая в снегу.

Метнувший прут глянул туда, где стояли прислоненные к стене копыя, сообразил, что до Сереге вдвое ближе, чем до оружия, подхватил первое попавшееся – тяжелые железные клещи. Тот, что держал девочку, окинул Духарева грозным

взглядом.

– Пошел прочь, смерд! – раздувая ноздри, рявкнул он. – Мы – княжьего посадника смоленского гриди!

– А мне по ...! – негромко, яростно произнес Серега.

Его меч описал в воздухе полудугу – смолянин или кто он там был, пригнулся, уклоняясь от удара в голову... И получил в пах.

Завизжал, как свинья.

Второй (в отваге ему не откажешь!) налетел на Духарева, размахивая клещами, – и остановился, выпучив глаза.

Жало меча выглянуло у него из спины. Негодяй силился что-то сказать, но не мог. Серега физически чувствовал, как теплеет у разбойника внутри стальной клинок... И как от этого клинка растекается леденящий смертный холод по внутренностям разбойника...

Выражение его глаз постепенно изменялось. Ярость уходила. Вместо ярости проступало некое понимание, глубина...

Серега вынул у него из рук клещи и положил на стол. И с каким-то алчным вниманием наблюдал, как смерть медленно завладевает жизнью... Наконец опомнившись, Духарев толкнул умирающего назад, и тот упал навзничь. Серега взялся за рукоять двумя руками, наступил сапогом на живот разбойника, с усилием вытянул меч, повернулся ко второму... Тот перестал визжать, жадно уставился на Серегин меч.

«Добей!» – просил его взгляд.

– Сам сдохнешь, – буркнул Духарев и принялся отвязывать кузнеца.

Глава четвертая, *в которой Серега стал значительно богаче, но к цели приблизился ненамного*

Убитых зарыли в лесу. Со всем тщанием, поскольку они и впрямь носили княжьи золотые гривны, хоть были люди не Игоря киевского, а его смоленского посадника. Земля здесь, у самого торгового пути в Киев, еще считалась полоцкой, и кузнец, которого звали Чернокаш, мог бы пожаловаться Роговолту, тем более что тот совсем недавно получил свое. Но проку от этого было бы – пшик. Скорее всего, посадник смоленский отбрехался бы: мол, не мои людишки. А уж учинять розыск на своей территории точно не разрешил бы. Справедливость можно было восстановить только в одном случае: если бы вымогатели приехали в Витебск или Полоцк, а там Чернокаш опознал бы их и приволок на суд князю. Он бы, может, и приволок. Особенно в Витебске, где у него родня. Только пошли бы разбойники в Витебск? Как бы не так! А вот раскройся, что Серега зарубил княжьих «налоговых полицейских», виру ему выставят – по полной программе. По сорок гривен с головы, не менее. И даже разбираться не станут, поскольку по Правде так и выходит, а на такие деньги

можно десяток гридней в бронь одеть.

В общем, зарыли поганцев основательно, хоть и пришлось попотеть, разбивая мерзлую землю. Зарыли, кровь да следы затерли, одежду сожгли, железо – в переплавку, две золотые гривны Чернокаш исплющил и разрубил на мелкие части. То же и с украшениями. Все ценное вручил Духареву, отчего тот сразу же ощутил себя богачом, поскольку серебра-злата у насильников оказалось немало. Кузнец еще и от себя порывался добавить. Он вообще не знал, как Духареву угодить. Хотел Пепла подковать, но Серега воспротивился, так как Рёрах говорил: если по камням не гонять, лошадям без подков лучше. К печали Чернокаша, никакой готовой брони для Духарева у него не было. На разбойниках были обшитые железом куртки, но шили эти куртки не на Серегины плечи. Единственное, что Духарев согласился взять, – небольшой кулачный щит с коротким торчем⁹. В общем, всерьез опечалился кузнец, что не может как следует отдарить спасителя. Он даже жену свою ему в постель намеревался уложить, да, к облегчению Духарева, бедная баба от переживаний слегла.

В общем, уехал Духарев на следующее утро с тугим кошельем, набитыми до отказа седельными сумками, мешком отменного овса для Пепла и подробными рекомендациями, как добираться до Полоцка, у кого остановиться в Витебске (у родичей кузнеца, разумеется!), с кем в Полоцке говорить о своих делах. В суть этих дел Духарев кузнеца вкратце по-

⁹ Торч – шип в центре щита, иногда заостренный.

святил, и тот очень советовал силу не применять, прав не качать, а просто выкупить своих, да и дело с концом. Благо, денег на это у Духарева точно хватит.

Сергея спорить не стал. Но и выкупать у Горазда ребят не собирался. Нечего ворюгу поощрять! Приедет Серега в Полоцк и потребует пересмотра дела. Теперь-то есть кому за ребяташек заступиться! Пусть мечи решат, кто прав. Серега был уверен: теперь он Горазду не по зубам. Ну, почти уверен...

Однако вышло так, что до Полоцка Серега на этот раз так и не доехал.

Глава пятая

Приятные новости

Придорожный трактир был, по местным меркам, никак не ниже, чем четырехзвездочный. Во дворе разместилось с дюжину саней. При них маялся сторож, мрачный бородатый парнище в шлеме, смахивающем на ночной горшок. На Серегу сторож глянул вполне равнодушно.

«Сани – это хорошо», – подумал Духарев.

Он уже давно решил пристать к какому-нибудь купцу. Одинокий всадник внушает романтикам больших дорог разные нехорошие мысли. Серега был уверен в себе, но к чему рисковать понапрасну?

Первым делом следовало заняться конем. Поэтому, вру-

чив пару резанов хозяину заведения и распорядившись насчет ужина, Серега повел своего жеребца на конюшню. Чистить Пепла Серега считал собственной привилегией. За процедурой внимательно наблюдал белобрысый парень с вороватой мордой, хозяйский конюх. Выглядел конюх недовольным. Очевидно, решил, что пришлый вой мог бы и ему доверить уход за жеребцом. Ну, и отстегнуть немного за услуги.

– Балуешь ты его, – пробурчал конюх, отнаблюдав всю процедуру с начала и до конца, когда Духарев заботливо прикрыл коня попоной и сыпанул в ясли полведра овса. – Он и так круглый, че его овсом кормить? Вона эти сено жрут – и ниче! А тож не клячи, войсковые лошадки. Да покрупней твоего будут! – Парень махнул рукой туда, где стояли лошади, вероятно, принадлежавшие тем, кто охранял отдыхавший во дворе санный поезд.

Серега не удостоил конюха ответом. Но, выйдя из конюшни, не отправился ужинать, а постоял снаружи с полминуты и вернулся.

Как он и предполагал, белобрысый был слишком глуп, чтобы ждать возвращения хозяина коня, и преспокойно пересыпал овес из яслей в холщовый мешок.

Духарев бесшумно приблизился и крепко взял воришку за ухо. Тот взвизгнул и тут же притих, когда Серега поднес к его носу любовно отточенный нож.

Рука конюха ослабела, и содержимое мешка высыпалось

обратно в ясли.

– А у нас за воровство ухо режут, – ласково проговорил Духарев. – А у вас?

Парень побледнел.

– Тебе какое дороже, левое или правое? – тем же задушевым голосом поинтересовался Серега.

– А... И... Пожалей, господин! – в ужасе забормотал конюх. – Я больше не буду, Хорсом светлым клянусь! Не надо ухо, господин! Пожалей! Я, ей-ей, больше не буду!

– Как думаешь, не врет? – спросил Духарев, обращаясь к Пеплу.

Жеребец фыркнул.

– Врет, значит? – Серега усмехнулся и покрепче сжал мягкое ухо.

– Нет, нет, господин! – завопил конюх, хватая Духарева за руку. – Да ни в жисть, да чтоб мне лопнуть, да чтоб у меня мужество отсохло!

Пепел, которого вопли конюха раздражали, запрядал ушами и мотнул головой.

– А теперь, значит, не врет? – с напускным удивлением проговорил Духарев. – Ну тогда ладно.

Он отпустил ухо. Белобрысый тут же ощупал его, чтобы убедиться: на месте ли?

– Что ж ты мне сначала врал? – укоризненно спросил Серега.

– Да я... Да... А это он тебе сказал? А он – кто?

И без того круглые выкаченные глаза конюха еще больше округлились и выкатились.

– Меньше знаешь – дольше живешь, – наставительно произнес Духарев и пошел к выходу.

– То-то я гляжу, ты его овсом-то... – крикнул ему вслед конюх.

Что бы там ни надумалось в белобрысой башке, а теперь за Пепла можно быть спокойным. Теперь можно и самому перекусить. Да и с купцом заезжим побеседовать.

Купец кушал. Это был очень серьезный процесс. Челюсти купца работали, как электрическая мясорубка, борода лоснилась от жира. Даже мясистые волосатые уши принимали участие в этом процессе.

Вокруг вился восхищенный хозяин, подкладывал, подливал.

Серегу уселся напротив.

– Куда путь держишь, уважаемый?

– А тебе что за дело? – пробурчал купец.

Серегу усмехнулся, вытянул длинные ноги, устраиваясь удобней, спросил напрямик:

– Возьмешь охранником?

Купец исподлобья зыркнул на Духарева.

– На броню, что, не заработал? – не переставая жевать, осведомился он.

– Мне броня ни к чему, – нагло ответил Духарев. – У меня меч есть. И руки.

– Покажи, – сказал купец.

– Руки?

– Меч!

Духарев усмехнулся и вытянул даренный варягом клинок. Поднес к жующей морде, услышал, как за спиной повскакивали с мест купцовы охранники.

Их хозяин махнул рукой: все в порядке.

– Знатный меч, – признал он. – Люди мне не нужны. Но совет дам. Здесь три дня назад купец ночевал. У него товаров много и челяди тоже. В Киев идет. Такому хороший боец лишним не будет. Догонишь: скажи, что Осянник ты послал. Это я Осянник. Запомнишь?

– Запомню, – кивнул Духарев. В Киев – это не по пути. – А как его зовут? – спросил он на всякий случай.

– Купца-то? Гораздом кличут. Горазд из Нового Торжка. Слышал?

Вот это номер!

– Слышал, – после паузы ответил Духарев. – Я сам из Торжка.

– Ну тады точно возьмет, – кивнул купчина и еще энергичней принялся за еду.

«Это я возьму, – подумал Духарев. – И пусть попробует не отдать!»

Удача определенно не обошла Серегу вниманием.

Глава шестая, *в которой Серега узнает кое-что о местных локальных конфликтах и еще кое о чем, касающемся его самого*

На ночь глядя Духарев в погоню не кинулся. Утро вечера мудренее. Тем более что к вечеру погода испортилась. Зима, видно, решила повеселиться напоследок. Именно напоследок, потому что, по Серегиным прикидкам, на дворе стоял если не апрель, то уж март точно.

Снаружи выюжило, но в большом трактирном зале было тепло и пахло дымком. А еще съестным. И, к сожалению, человеком. Причем человеком, не злоупотребляющим мылом и мочалкой.

Серега пристроился неподалеку от очага, спиной к стене – лицом в дверям, заказал кувшин пива и потреблял его неспешно, почти не участвуя в разговоре, который вели его соседи, четверо купцовых охранников. Пятый только что ушел караулить сани. Остальным это удовольствие еще предстояло, и разговор, естественно, вертелся вокруг этой самой начинающейся метели и, традиционно, нынешней погоды. Беседующие сошлись на том, что зима в этом году очень уж долгая, но это и хорошо, потому что плесковский воевода, сын прежнего, посаженного еще при Олеге, тоже алчный и

прожорливый, как россомаха, да еще подзуживаемый своими нурманами, совсем оборзел и взялся брать с проезжающих по Ловати дорожный сбор. Словно это не тракт торговый, а его вотчина. Сын, как и отец, не боялся никого и ничего, потому еще, что Ольга, жена киевского князя, – его названная сестра. Не брал воевода только с новгородских и, по слухам, новгородским же отстегивал долю с собранного. Услыхав об этом, многие задерживали поезда, выжидали, чтобы не платить глупую пошлину, а обобранные тем временем пожаловались полоцкому князю, потому что киевскому – бесполезно. Игорь – не Олег. Да и ссориться с Новгородом ему не с руки, а Плесков – это, считай, новгородский пригород. А вот Роговолт, у которого с Новгородом и так вечные дразги, а земля бедна, торговлей только и кормится, Роговолт воеводу приструнил: побил в поле крепко. Так, что воевода в городок свой сбежал, за стенами заперся да заслал к новгородским: помогите! Как же, разбежались!

Роговолт Плескова жечь не стал. Но обещал пожечь, если воевода не угомонится. А все знают: полоцкий князь хоть годами молод, но в сече лют, а в слове тверд.

Сереге слушал и мотал на отросший ус. Рано или поздно ему придется примкнуть к кому-то из здешних политических лидеров. И тут важно было не ошибиться. А для этого следовало знать, что представляет собой каждый из вождей. Как ни странно, несмотря на отсутствие средств массовой информации (а может быть, как раз благодаря их от-

сутствию?), здешний народ – по крайней мере значительная часть его – был совсем неплохо осведомлен. Конечно, свежие новости доходили медленнее: тому же санному поезду мог потребоваться чуть ли не месяц, чтобы добраться от Новгорода до Смоленска. Гонец с запасной лошадей преодолел то же расстояние значительно быстрее, но зато во время распутицы дороги превращались в болота, и требовались крылья, чтобы попасть даже из Витебска в Полоцк. Крылья или лодка. Но тем не менее власть киевского князя на далеком севере была отнюдь не формальной. Что Олег, что Игорь не ленились периодически навещать даже дальнюю Ладогу, лично собирать причитающуюся дань, а заодно контролировать деятельность собственных наместников. Поэтому и на Двине, и на Ильмене Игоря знали не понаслышке. Не говоря уже о собственных, местных правителях вроде Роговолта.

К утру погода прояснилась, так что с рассветом Духарев оседлал Пепла и отправился в путь. Дорогу присыпало снегом. Широкие копыта жеребца оставляли на пушистом искрящемся покрывале аккуратные отпечатки. Единственные следы, если не считать птичьих «крестиков» или заячьих «пунктиров». Под неглубоким слоем свежего снега лежала крепкая, укатанная санями дорога. Пепел бежал веселой рысью и примерно за два часа покрыл полное поприще – расстояние дневного перехода. После этого по взаимному соглашению всадник и конь сделали небольшой привал и позавтракали. Собственно, для Пепла это был уже не завтрак, а

полдник. Перекусив, Духарев решил размять ноги и отвязал лыжи. Следующий отрезок пути Пепел бежал налегке.

К полудню Серега обогнал небольшой санный поезд. Охранники с подозрением покосились на одинокого всадника.

Неожиданно Пепел по собственному почину прибавил ходу. Минут пять Серега дивился этой инициативе, потом тоже учуял дымок, а еще через некоторое время впереди показался постоялый двор.

Пепел изогнул шею, скосил выпуклый глаз на хозяина.

– Без базара, – ответил ему Духарев. – Мы оба заработали приличный обед.

Долго рассиживаться Серега не стал. Перекусил, выяснил, что нужно, – и в путь. Тем более что хозяин сообщил приятную новость: купец Горазд останавливался здесь в позапрошлую ночь. Значит, если сохранить взятый темп, вполне реально догнать его до завтрашнего вечера.

И тут дорога преподнесла Духареву сюрприз. Развилочку. Зрительная память у Сереги была неплохая, и Рёреховы схемки он в свое время разглядывал очень внимательно. Ну не было в этом месте никакой развилки! Серега помнил: справа, километрах в сорока, – излучина двинского притока. Если идти по нему вверх – дойдешь до волока к Днепру. А зимник шел напрямик, срезая, через схваченную морозом топь. Один зимник, а не два.

Духарев спешился, прошелся туда-сюда. Пепел – за ним,

как привязанный, тычась губами в ухо.

Вот черт! Обе дороги – как близнецы. Одинаково нака-
таны, одинаково широки. «Слева лес, справа лес, посреди –
головорез!» – придумалась смешная строчка.

«Это я – головорез, – подумал Духарев. – Головорез на
распутье. Как в анекдоте. Приходит Илья Муромец к раз-
вилке. А там надпись: „Налево пойдешь – мертвым будешь;
направо пойдешь – коня потеряешь; прямо пойдешь – педер-
растом станешь!“ Завелся Илюха: „Это кто ж меня, падла,
опустить хочет?“ Вскочил на коня, поскакал прямо. Видит:
Змей Горыныч о трех головах, из речки воду пьет. Подска-
кал Илюха, Горыныч и опомниться не успел – двух голов уже
нету. А третья к Илюхе поворачивается и говорит: „Ну, и кто
ты после этого?“»

Рассказанный самому себе анекдот слегка развеселил Се-
регу. Он еще раз поглядел на две дороги, на следы саней, на
неглубокие отпечатки копыт, на желтые пятна, на втоптан-
ные в снег клочки сена... И неожиданно *увидел*, по какому
из двух путей прошел санный поезд Горазда. То есть не то
чтобы увидел... Теперь он это просто *знал*. Но это знание
было сродни тому, что он видел в черной воде омута, опив-
шись Рёреховой отравой.

Одним прыжком Серега взлетел в седло. Пихнул жеребца
каблуками. Пепел недовольно фыркнул и взял легким гало-
пом.

– Я знаю правду, – он сказал, —
Сдержите бег коней!
Нам не пройти за перевал,
Здесь горы нас сильнее!

Я знаю правду, – он сказал. —
Пройдет немного дней:
Нас встретит стрел визжащий вал
И зарево огней...

Это была песенка, кажется, из какого-то фильма. Серега запел ее, как всегда, громко и, как всегда, фальшиво, но слушатель у него был один, и этот слушатель в музыке не разбирался, хотя уши у него были почти как у легендарного Мидаса.

Глава седьмая, в которой Серега настигает- таки караван Горзда

Когда на дороге стали попадаться еще «дымящиеся» конские «яблоки», Серега свернул в лес. Там Духарев спешился и надел лыжи. Пепел очень осторожно ступал по снежной корке. Серега уверенно скользил впереди, ныряя под тяжелые от снега ветки. В общем-то, это была довольно приятная прогулка. Дома Духарев тоже любил по зимнему времени нацепить лыжи и прогуляться по лесу где-нибудь в окрестно-

стях Репина или Комарова. На заливчик сбегать под бледным солнышком.

Сознание Сергея как будто раздвоилось. С одной стороны, это был тот самый веселый парень Серега Духарев, который жил в оттяжку, никого не обижал, если его не обижали, не искал проблем и не создавал их без надобности, катился по жизни, как футбольный мяч по полю: легко и естественно. Пока не остановят. А остановят – отскочит упруго и летит со свистом – только держись!.. В заданном направлении. Это с одной стороны. А вот с другой...

С другой же, человек, который подминал лыжами снег впереди невысокого мохнатого жеребца, ничего общего с тем, бесшабашным и немного безбашенным, Серегой Духаревым не имел. Потому что человек этот не просто и незамысловато бежал по лесу, а «держал» при этом все, что происходило в радиусе минимум ста метров, замечая и беличий прыжок слева, и окровавленные клочки заячьей шкурки справа. Он слышал каждый звук и фиксировал каждое движение на этом участке леса. Это был воин, который поставил себе цель. Он был – оперенная стрела с тяжелым стальным наконечником. Стрела, летящая в цель. И при этом он был человек, который видел и то, как такая стрела пробивает матерого медведя. И легко мог «увидеть» (первый, беззаботный, Духарев такого даже представить не мог), как эта же стрела входит ему в спину и выходит из груди. Навылет...

Серега чувствовал это «раздвоение», но еще не вполне

осознавал, почему так происходит. Он просто не врубался пока, что опытный варяг работал не только (и даже не столько) с Серегиным телом, обучая Серегины руки и ноги воинской пляске, сколько – с сознанием. С этой аморфной, неопределенной массой желаний и побуждений, с густой массой, похожей на пересыщенный раствор. Мастер-варяг не мог за десяток месяцев выпарить воду и отполировать кристалл, зато он сумел вложить в этот раствор крохотное зернышко, твердый центр, на который теперь сам собой наращивался слой за слоем, превращая вязкую податливую рапу¹⁰ в твердые и острые кристаллические грани.

Превращение уже шло, медленное, необратимое, хотя Духарев еще понятия об этом не имел, а если бы знал да еще имел возможность выбирать, то, скорее всего, пожелал бы остаться прежним веселым и бесшабашным Серегой. Вот только старый варяжский вождь-ведун был настоящим мастером и лишь единожды предоставил ученику выбор. Когда спросил: «Ты и впрямь этого хочешь?» Больше Рёрах не спрашивал. Честно ли это? Трудно сказать. С другой стороны, хузарин, вырастивший коня, который шел у Сереге на поводу, и вовсе не поинтересовался, хочет ли веселый жеребенок стать боевым конем, или предпочитает свободно носиться по степи. Правда, хузарин с самого начала знал предназначение жеребенка, а кем предназначено стать Сереге Духареву, не знал ни он сам, ни его одноногий наставник. Воз-

¹⁰ Рапа – соляной раствор высокой концентрации.

можно, в обоих известных Сереге мирах никто не знал об этом, и в книге его судьбы оставалось еще достаточно незаполненных листов... Разве кузнец, выковавший наконечник стрелы, может точно знать, кого поразит эта стрела? Впрочем, кузнец может хотя бы догадываться...

Саный поезд растянулся почти на четверть версты. Более двух дюжин саней, длинный унылый хвост челядников, за которыми приглядывали двое специально назначенных воев. Один из челядников – в цепях. Вероятно, тот, кто способен рискнуть и податься в бега, предпочтя холод, голод и волков невольничьему рынку.

«Рядом с ним мог быть и я», – подумал Духарев.

Раньше. Теперь-то – вряд ли.

В печальной череде рабов женщин было раза в два больше, чем мужчин.

Сладу Серега узнал сразу. Сердце у него сжалось: такая она была маленькая и печальная.

А Мыш, как всегда, ухитрился устроиться козырно: сидел на третьих от хвоста санях и погонял лошадок.

Поезд медленно тянулся мимо притаившегося Духарева. Пепла Серега предусмотрительно укрыл в зарослях.

Замыкал караван высокий воин в островерхом шлеме, с длинными усищами, выкрашенными в синий цвет. Варяг. В седле воин сидел твердо, посадка его была схожа с Рёреховой. И тоже – без стремян.

Рядом с ним бежала маленькая лохматая собачонка, но

насчет собачонки Серега не тревожился, поскольку загодя учел направление ветра.

Головой замыкающий варяг попусту не вертел, но, сразу видно, обступивший дорогу лес «держал» четко: спугни какую-нибудь глупую сороку или урони с ветки чуток снега – вмиг окажешься в поле зрения варяга. Да даже и без всяких сорок... Едва синеусый поравнялся с деревом, где укрывался Духарев, – и увенчанная острым шлемом голова как бы сама собой повернулась в Серегину сторону.

Между всадником и Духаревым было добрых пятьдесят метров, деревья, чьи ветки припорошены снегом, кустарник. Куртка на Духареве – светлая, шапка – тоже. Бдительный варяг ну просто никак не мог его разглядеть. И тем не менее Духарев ощутил, как будто от синеусого к нему тянется некая ниточка... И поспешно выбросил из головы все мысли и мысленно же превратился в спящее зимнее дерево...

Варяг проехал мимо, скрылся за стволами. Серега вздохнул с облегчением. И подумал: «С этим парнем могут возникнуть трудности».

Но выбора у Духарева все равно не было. Поэтому он тихим свистом подозвал Пепла, проверил лыжи и двинулся параллельно дороге. Пепла он вел в поводу. Наст был прочный, но все равно не выдержал бы коня, если бы в седле сидел всадник. Хуже того, ледяная корка могла поранить ноги жеребца.

Они опять обогнали караван, но еще около километра

двигались между деревьями, а когда выбрались на дорогу, Серега не поленился и замел следы. Он вовсе не хотел насторожить внимательного варяга. По дороге они легко отмахали еще километров пятнадцать – до следующего постоянного двора.

Горазд, видно, неплохо знал дорогу, поэтому, по прикидкам Духарева, санный поезд должен был достичь этого места как раз к вечеру.

Вот и замечательно. Когда солнце коснется верхушек деревьев, Серега, уверенный в себе и отдохнувший, оставит Пепла в здешней конюшне, а сам не спеша отправится навстречу каравану.

И – прочь сомнения!

Глава восьмая, *где наконец выясняется, кто круче*

Все вышло так, как Серега и рассчитал. Когда Духарев услышал звуки приближающегося санного поезда, уже начало смеркаться. Это было то самое время, которое так ценил Рёрах. Время, когда, по мнению старого варяга, тот, кто одновременно принадлежал обоим мирам, Темному и Светлому, обретал особенную силу, потому что мог черпать из обоих Миров, находясь как бы на их грани. А те, кто принадлежал только одному миру, живых или мертвых, наоборот, слабели и теряли возможность укреплять силу равно от Зем-

ли и от Неба.

Была ли это правда или просто самовнушение, но Духарев действительно чувствовал в сумерках (безразлично, вечерних или утренних) необычайный подъем. Даже сейчас, когда его отделяли от наставника многие километры лесов и болот.

Духарев тщательно проверил амуницию: если в решающий момент на сапоге развяжется шнурок, это может стоить ноги. Все оказалось в порядке. Выяснив это, Серега укрылся в тени старой сосны и ждал, пока из-за поворота не покажется голова санного поезда, а тогда просто вышел на зимник и остановился точно посередине дороги.

Двое верховых, ехавших в голове каравана, завидев Серегу, заступившего путь, мигом спешили, схватились за оружие и завертели головами, озираясь. Думали: сейчас стрелы посыплются.

Духарев внутренне усмехнулся. Наивные ребята! Будь в лесу засада, их уже давно нашпиговали бы стрелами. Обычные вои-ополченцы. Им известно, с какой стороны братья за копьё, но перехватить его в полете и, крутанув вокруг кисти, отправить обратно – уже не их уровень.

Духарев, однако, знал, что среди охранников каравана есть парни покруче этой парочки.

А караван продолжал вытягиваться из-за поворота.

Первые сани остановились, когда между ними и Духаревым осталось шагов пятнадцать.

Всадники держались у головных саней. Над лошадиными

мордами клубился пар. Негустой – мороз спал градусов до пяти. Чувствовалось: скоро весна.

Вторые сани тоже остановились. С них соскочил кряжистый мужик в черной лисьей шубе. Горазд.

Духарев поглядел дальше, в хвост каравана, где теснилась Гораздова челядь, но своих не разглядел. Темновато. Впрочем, Серега точно знал, что Мыш со Сладой – там.

Горазд вразвалочку обошел первые сани, встал напротив Духарева. Еще двое оружных подтянулись вперед. Один из них – тот самый варяг с синими усами. Подскакал, плавно осадил коня, легко соскочил на укатанный снег. За оружие, в отличие от прочих, варяг хвататься не стал, и Духарев это оценил.

– Узнал? – спросил Серега, сделав шаг навстречу Горазду.

– Узнал, – купец не удержался, метнул взгляд на заснеженные елки. Тоже, как передовые, боялся жалящей стрелы? Неужели у него под шубой и доспеха нет?

– Не бойся, – усмехнулся Духарев. – Я один.

– Ага... – Горазд не очень-то поверил. – А чего надо?

– Отдавай моих – и езжай своей дорогой, – спокойно произнес Духарев.

Горазд еще раз поглядел наверх – понизу зимний лес просматривался хорошо. Поглядел – ничего не заметил. Снег на хвое лежал ровно. И внизу – никаких следов.

– Отдавай, значит, говоришь? – Теперь и Горазд усмехнулся. – А не то что будет?

– А не то – сам возьму!

Тут купец окончательно уверился, что Духарев в самом деле один. И сделал единственно возможный вывод: совсем чужак обнахалился. Или, что скорее, умом тронулся.

– Вижу, ты зброю надыбал, – произнес Горазд с иронией. – Украл? Или мертвеца ободрал?

– Я – не ты, Горазд! – отрезал Духарев. – Я чужого не хапаю.

– ...Значит, оружием разжился, – продолжал купец, словно и не заметив Серегиной реплики. – Токо оно тебе ни к чему. Ты ж биться не умеешь!

– Может, и не умею, – не стал спорить Духарев. – Да правда на моей стороне. Горазд! – Он покосился на варяга и произнес торжественно: – Вызываю тебя, Горазд, на оружный бой! До крови! Одолеешь – все мое твоим станет. Я одолею – возьму свое. А ежели сам боишься, – добавил он пренебрежительно, – настоящего бойца выставь. Вон хоть его! – Серега кивнул на синеусого. Этот и еще один воин, совсем молодой, розовощекий, но уже с варяжскими отвислыми усиками на типично славянской скуластой физиономии, были в Гораздовой ватажке самыми опасными. Оба они глядели на Духарева очень внимательно и за мечи хвататься не спешили. Зато стояли так, чтобы удобно было напасть на Серегу одновременно и с разных сторон.

Горазд засмеялся. Он помнил, каким был Духарев летом. Купец точно знал, что за неполный год из кулачного драчуна

воина не вырастишь.

– Засиделся я в саях, – громко заявил Горазд. – Разомну косточки!

Он скинул шубу на руки ближнего. Под шубой оказалась пластинчатая броня с рукавами по локоть, надетая поверх меховой куртки.

«И не жарко ему?» – подумал Духарев.

Горазду подали круглый щит с выпуклой тарелкой умбона¹¹ посередине и булаву, которую он прицепил к поясу справа. Купец притопнул, выдернул меч, провернул над головой, разминая кисть. Дружинники его разошлись, освобождая место, а остальные: домочадцы, сбившиеся кучей челядники – наоборот, придвинулись. Тут Духарев наконец-то углядел Мыша, вскарабкавшегося на сани, чтобы лучше видеть. Заметив радость и испуг, одновременно проступившие на физиономии мальчишки, когда тот признал Духарева, Серега ему подмигнул: не бойсь, прорвемся.

Абсолютной уверенности в победе у него не было: Серега ведь еще никогда не сражался по-настоящему. С готовым к бою, хорошо вооруженным бойцом. Разбойники, которых он побил несколько дней назад, – не в счет. Не застань их Духарев врасплох, еще неизвестно, кто кого побил бы!

Духарев подхватил со спины маленький кулачный щит и одновременно правой рукой выдернул из ножен дареный

¹¹ Умбон – железная накладка в центре деревянного щита. У древнерусских круглых щитов умбоны обычно полусферовые или сфероконические.

клинок. Завертел им в воздухе так, что сталь размазалась блестящим веером.

Горазда это не впечатлило. Он сам мог бы вертеть не хуже. Бегать за более молодым противником он не собирался, поэтому спокойно стоял. Ждал, пока Серега начнет сам.

Духарев сделал пробный выпад – Горазд не удостоил выпад вниманием: ясно, что не достаает. Серега повторил движение еще раз, а на третий метнулся вперед. Целя мечом под нижний край щита. Горазд с легкостью отшиб клинок, рубанул в ответ, длинно, наискось. Серега ушел. Он внимательно наблюдал за противником, оценивал каждую мелочь. Мечом купец орудовал неплохо, а вот щит держал жестко, с наклоном вперед. Щит был Горазду явно не по руке. Слишком тяжел. Зато – большой и крепкий. Такой рубить – только меч портить. Еще одна трудность была в том, что Серега не хотел убивать купца. Горазда следовало свалить аккуратно, а то еще вмешаются варяги, и тогда Духареву придется круто.

Если не взять силой, значит, надо брать хитростью. Чем-нибудь совершенно неожиданным. Серега с минуту покрутился вокруг Горазда, пробуя его так и эдак. Купец отмахивался с большой ловкостью. Он уже понял, что имеет дело не с тем лохом, которого побил летом. Видел, что мастерство его противника существенно возросло. Только еще не знал, *насколько существенно.*

Атака, встречный выпад Горазда – Духарев отшатнулся, споткнулся на ровном снегу и упал на спину. Купец подско-

чил, намереваясь добить. Щит Горазд держал низко, с прежним наклоном вперед, и Духарев, выгнувшись, упершись лопатками, изо всех сил ударил в этот щит двумя ногами как раз в тот момент, когда купец откинулся назад, замахиваясь мечом. От неожиданного удара щит подпрыгнул, край его угодил купцу по зубам, а сам купец, весивший в доспехе никак не меньше центнера, пушинкой отлетел назад, мимо светлусого дружинника, и влетел спиной в придорожный сугроб. Меч, правда, не выпустил, но Духарев не дал ему опомниться, подскочил, прижал подошвой Гораздову руку с мечом, придавил собственным клинком Гораздову жилистую шею, не забывая, впрочем, держать боковым зрением варягов: вдруг решат заступиться за хозяина?

– Твоя взяла, – прохрипел Горазд окровавленным ртом. – Заберешь своих.

Серегу убрал ногу и меч, отступил назад. Купцу подали руку, он поднялся, ощупал языком передние зубы, убедился, что на месте.

– Хитростью взял, – сказал он ворчливо.

Духарев увидел, как заухмылялись варяги. Для них это звучало как похвала.

Горазд подумал немного. Еще раз ощупал языком зубы и неожиданно предложил:

– А давай-ка ко мне служить!

– Ага, – усмехнулся Серега. – Опять в полные холопы?

– Не-е, – мотнул головой купец. – По ряду. Платить буду,

кормить... Доспех дам хороший!

«Не обманет, – подумал Духарев. – Свидетелей сколько! Непонятно только, зачем я ему? Своих дружинников не меньше дюжины!»

– Три куны в день, – заметив его колебания, сказал купец. – Соглашайся!

– Проси мехами по ослецкой цене, – деловито проговорил возникший под Серегиным локтем Мыш.

– Мехами, – повторил Духарев. – По ослецкой цене.

– Ну, землеройка... – прошипел Горазд, глядя на Мыша... и вдруг махнул рукой: – А-а-а, будь по-твоему, Серегей!

«Смотри-ка, – подумал Духарев, – оказывается, ты знаешь, как меня зовут!»

– А ты, землеройка, давай расти, – продолжал он, глядя на Мыша. – Дорастешь брату до плеча – в приказчики возьму. Толк из тебя будет.

Глава девятая, в которой Серега, помимо всего прочего, узнает, почему в Полоцке больше нет церкви

Духарев сговорился с Гораздом, и тот уступил ему, до Смоленска, гнедого мерина. Для Слады. Вообще-то купец оказался вовсе не таким дерьмом, как раньше думал Серега.

По местным меркам – совершенно правильный мужик. Если что плохо лежит – подберет. Если кто должен – взыщет. Да и кто сказал, что в рабах у Горазда хуже, чем в армейской учебке? Кормежка точно лучше. А иному человеку в холопах даже уютнее, чем на свободе. Думать не надо, распорядок жизни устоявшийся... Как в армии. А кому не нравится – всегда найдет выход. Вот Серега же нашел, верно? А если Горазд пакости Духареву и ребятам строил, так не из врожденной подлости, а из соображений престижа. Слыханное ли это дело, чтоб ему, лучшему мужу, торговому гостю, князю советчику Горазду, противоречил какой-то бродяга? Спустить такое – потерять лицо. Это как если в кабаке у тебя какой-то ханурик нагло бабу увел. Тут уж хочешь не хочешь, а надо власть показать. Иначе собственные кореша уважать перестанут. А когда выяснилось, что Серега вовсе не ханурик, а человек вполне авторитетный: меч у него добрый, конь хузарский, да еще вышколен по-варяжски... Короче, не бомж бесполезный, а серьезный воин. Вот тут ситуация существенно изменилась, и оказалось, что никаких претензий у Горазда к Духареву нет. Два авторитета забили стрелочку, перетерли по понятиям – и пришли к выводу, что полезней дружить, чем разборки затевать. Строго по понятиям здешнего рабовладельческого общества.

Серега склонен был Горазду верить. Так было проще. Кроме того, купец, похоже, очень сомневался, что внезапно обнаружившиеся воинские навыки Духарева обретены за

минувшие полгода с хвостиком. А склонен был Горазд предполагать, что навыки эти Серега имел уже в первую их встречу, но по некоторым причинам решил их скрыть. И мастерский побег Духарева с лодьи – тому подтверждение. Причины же такой скрытности, по мнению Горазда, могли состоять в том, что Серега явился, скажем, негласным соглядатаем от князя Игоря, а скорее даже не от него, а еще более вероятно – от княгини Ольги, пользовавшейся у киевской (да и не только киевской) старшины едва ли не большим уважением, чем ее корыстный и не очень дальновидный муж. А раз так, то с Духаревым следовало не ссориться, а дружить. Единственное, что позволил Горазд, это слегка укорить Серегу за его «рукопашные подвиги». Прилично ли воину никчемно махать кулаками, как какому-то смерду, если ему подвластна благородная сталь? Духарев возразил: мол, есть случаи, когда умение врезать между глаз или провести бросок очень даже не лишнее. Например, когда оружие потеряно или сломалось. Горазд только усмехнулся. В умелых руках оружие не ломается, разве что щит порубят, но это дело обычное. А уж потерять его... Это даже не смешно.

Серега продолжать спор не стал. Мерина для Слады Горазд отдал, ну а думать он может – что заблагорассудится.

«Хоть глечиком¹² кличь, только в печь не тычь», – как говорил Мыш.

Слада мерину обрадовалась. Впрочем, с момента возвра-

¹² Горшком.

щения под широкое крыло Духарева славная девочка радовалась любому пустяку, а главное – возможности быть рядом с Серегой. Надо сказать, что и Серега в сиянии ее глаз чувствовал себя ну совершенно счастливым. Но виду особо не подавал. Воин должен быть сух и суров. Хотя вряд ли он был настолько хорошим актером, чтобы обмануть свою умницу-невесту.

А наездницей Слада оказалась совсем неплохой. Особенно когда отобрала у брата меховые штаны и села верхом по-мужски. Держаться в седле ее научил отец. Это было давно, но, как понял Духарев, ездить верхом – это как на велосипеде кататься. Навыки остаются пожизненно.

Серега и Слада ехали замыкающими, за последними санями. Раньше это «почетное» место принадлежало, попеременно, Драю, светлоусому воину-плесковичу, косящему под варяга, и, надо признать, не только внешне, и настоящему варягу, Устаху. Эти двое, которых и Серега сразу выделил среди прочих, в Гораздовой дружине считались лучшими. Держались усачи соответственно положению, но к Духареву отнеслись уважительно. Видно было: Серегино мастерство оценено, и оценено достаточно высоко. Отнеслись уважительно, но в друзья не набивались. Духарев тоже пока только присматривался. Для общения ему хватало Слады.

– Это хорошо, что мы в Киев едем, – застенчиво проговорила Слада. – В Киеве храм нашей веры есть.

– А в Полоцке нет?

– Был, – Слада вздохнула. – Папа говорил: в Полоцке было много христиан. И наших, восточной веры, и тех, кто служит по обычаю Рима. Их всех убили. Тамошний кениг принес их в жертву своим богам, а храм сжег. Это было еще до того, как Олег стал княжить в Киеве. Олег потом убил того кенига. Не потому, что тот замучил наших братьев, а потому, что хотел взять под себя Полоцк.

– Однако... – пробормотал Духарев. – А я думал: здешние язычники христиан не обижают.

– Язычники знают, что Христос против насилия, и думают, что наш Бог слабее их идолов. Сильного из наших они могут убить, слабого обратят в холопы. Мы, христиане, все безродные. А если кто из сильного рода захочет креститься, родовичи ему не дают. А кто не послушается, того убьют или изгоем объявят. А изгой для всякого – легкая добыча.

– Даже воин?

– Воинов среди нас мало, – вздохнула Слада. – В Киеве есть. Из варягов, что у ромеев при императоре стражу несли. А так воины никогда в истинную веру не обращаются. Они Перуну служат. Им кровь проливать весело, а не в смирении жить. И женщин они любят, а по нашей вере больше одной жены иметь нельзя. – Она озабоченно глянула на Духарева. – Ты не забыл, Серегей? Это ведь грех!

– Не согрешишь – не покаешься! – усмехнулся Духарев, но, заметив, как задрожали Сладины ресницы, немедленно подъехал к ней вплотную, взял за руку: – Ты и только ты! –

проговорил Серега, заглядывая ей в глаза. – Других мне не надо!

Девушка несмело улыбнулась. Может, даже поверила, потому что Духарев сказал то, что думал. По крайней мере, в этот момент.

– Скажи, а варяги, которые стали христианами... В Киеве их не обижают?

– Папа говорил: на Горе их не любят. Но одно дело – мы с Мышом, а другое – князьи русы. Таких тронуть побоятся. Да варяг – он и есть варяг. Он всех богов чтит, каких важными считает. Хоть Христа, хоть нурманского Одина.

Это Серега уже слышал от Рёреха. «У каждой земли или моря свои боги, – говорил он. – Кто знает, кто тебя по ту сторону Кромки примет? Там пути темные. Может, в Валхаллу, а может – к твоему Христу».

«А что бы ты предпочел?» – спросил тогда Духарев.

«Ирий, – не раздумывая ответил Рёрех. – В Валхалле мне скучно будет. Что я, мальчишка – день-деньской есть-пить да на мечях биться! А про ваше посмертье я ничего не знаю».

Глава десятая

Новые друзья

Серега Духарев легко сходился с людьми. Легко. И почти никогда не грузил других своими проблемами. Правда, и другие как-то не рвались рассказывать ему о своих бедах.

То есть, если кому-то требовалась пара крепких рук и спина пятьдесят четвертого размера, другое дело. Такими трудностями с ним делились охотно, и Духарев редко отказывал, если дело касалось, скажем, перевозки мебели или объяснения каким-нибудь слишком упорным молодым людям правил поведения в обществе. Иное дело – проблемы действительно личные. Например, у жены любовник завелся или с работы вот-вот выпрут. Те, кто знал Духарева достаточно давно, помнили, как он, без единого печального вздоха, перешел от учебы в универе к армейской жизни, ухитрился побывать на войне, в госпитале, вернуться, снова поступить, на этот раз уже не на матмех, а на жур, вылететь, опять-таки без всяких трагических заламываний рук, – с того же третьего курса, сменить полдюжины работ... И при этом внешне ни на йоту не измениться. Ну вот и пожалуйся такому, что начальник-сука второй месяц бабок не платит, а он, вместо того чтобы посочувствовать и сообщить, что у него такие же проблемы, немедленно предложит: «Не платит? Пошли, дадим ему в рыло!» Вот поэтому у Сереги Духарева было море приятелей, табунок любовниц – и ни одного настоящего друга. Не то чтобы вообще никогда не было. Были двое школьных приятелей, с которыми Серега вместе болтался по стройкам и занимался рукопашкой. И еще один, Сенька, – по спорту. Более успешный, чем Духарев, поскольку не разбрасывался на разное, Сенька четко шел по выбранному спортивному профилю – от медали к медали – до призера Евро-

пы.

Целых трое, но...

Сенька-биатлонист канул где-то в Канаде, а одноклассники – в земле. Одного убили в Чечне, второй на зоне отравился какой-то дрянью. Три минус три...

Такая вот была у Духарева проблема. Собственно, он ее проблемой не считал, полагая, что так и должно быть. А чего? Или ему не с кем в кабаке посидеть или по летнему времени на байдарочках сплавиться? Да его, Сереги, компании куча народу обрадуется.

Вот тут он был прав. Повеселиться в клубе или пробежаться по Карельскому перешейку – лучше Духарева не найти. А ежели девочек снять, так Сереге в этом вообще равных нет.

Вот и вышло, что ничего действительно настоящего у Сереги-то и не было. Ни друзей, ни любви, ни дела-работы. Однако понимать это Духарев начал только здесь. Когда уловил разницу между приятелем Чифаней и другом Мышом. Между девушкой Сладой, которая глядит на него сияющими глазами, Сладой, которую он *не осмеливается* тронуть, и какой-нибудь молоденькой бабенкой из Торжка, с которой барахтался на сеновале.

Да, Серега начинал кое-что понимать и, понимая, приглядывался к другим, к варягам и воям Гораздовой ватажки, к понурым челядникам, к тому, как полочанин Зубок разговаривает со своей молодой женой Неленей, к самому

Горазду, у которого тоже не было друзей, равных, из числа нынешних спутников. Но при этом Серега чувствовал, что вообще у купца настоящие друзья есть. Может быть, в Полоцке или Киеве...

В общем, Серега присматривался к своим спутникам, а те, в свою очередь, присматривались к нему.

Когда сидишь у одного костра да еще и ешь из одного котла – общение налаживается быстро. Полугодом раньше Серега просто отметил бы, что компания подобралась неплохая. И все. Теперь же он глядел чуть поглубже и видел немного больше. Он видел, что в паре двух лучших воинов, Драя и Устаха, первый взирает на второго с тем восхищением, с каким младший брат-второклассник смотрит на старшего – восьмиклассника. Он видел, что из семерых воев, что рангом пониже варягов, некоторые повязаны между собой настоящей дружбой, например Теша с Зубком, кривичи из Полоцка. И их дружбе ничуть не мешает, что Зубок недавно женился и взял жену с собой. Полочане, кстати, охотнее других общались с Серегой и Сладой, звали садиться рядом с собой за стол, норовили положить в миску лучший кусок, что, как уже знал Духарев, было здесь таким же проявлением симпатии, как и там, в прежней жизни, – угостить кружкой пива.

Вообще-то, как узнал Духарев, и до Серегиного появления в Гораздовой ватажке Сладу и Мыша привечали не как иных рабов-челядников. Может, оттого, что остальные холопы, за исключением одной женщины, были из других пле-

мен. Может, оттого, что Слада – лекарка.

Лекарка... Вроде бы и не такая важная профессия в мире здоровых людей. С одной стороны. А с другой... Попробуй-ка себе представить мир, где нет не только больниц-поликлиник, но и аптек, в которых можно купить простейший анальгин или йод. Где некому ни вколоть пенициллин, ни даже наклеить на ссадину бактерицидный лейкопластырь. Где пустяковая ранка, промытая болотной водой, может гноиться неделями... Если рядом не окажется целителя. А от раны серьезной можно и вовсе помереть на месте, если не знать, как остановить кровь. Конечно, каждый более или менее опытный воин мог прижечь, наложить жгут, зашить хотя бы вкривь и вкось, заткнуть колотую рану паутиной, смоченной в собачьей слюне... Конечно, любой раненый или болящий предпочел бы помощь не юной девушки, а седобородого волоха, знающего не только травы-настои, но и заговоры, способные и кровь остановить, и злую силу от раны отвести. Но никакой волох не станет сопровождать купеческий караван. Разве что по собственной надобности. Короче, любой из этих людей понимал, что в любой момент его здоровье, а то и жизнь могут оказаться во власти юной черноволосой болгарки. Трудно этого не понимать, когда даже Серега врубился с ходу, что Гораздова ватажка – не столько торговая, сколько воинская дружина. Сплоченный военный отряд, передвигающийся по потенциально враждебной территории.

По местным масштабам это была довольно сильная ко-

манда. Кроме наемных охранников в ватажку входили еще девять приказчиков, родичей и домочадцев Горазда, которые трудились не за плату, а за стол, кров и положенную долю прибыли. Эти тоже умели в случае чего помахать топорами или стрелой попасть чуть ниже шапки. А самого Горазда можно было по уровню мастерства причислить даже не к воям, а к воинам, элитным бойцам вроде варягов. В общем, вместе с Серегой ватажка насчитывала теперь два десятка бойцов. И я представляла слишком зубастую добычу для обычных разбойников. И правильно, поскольку Горазд вез на торг одной мягкой рухляди – двое саней. А ведь за иную шкурку ромеи серебром по весу дают. А за доброго горностаю или черного соболя – так и золотом. А еще мед, воск, моржовую кость, купленную у северян, большой мешок необработанного янтаря, купленного еще у кого-то... И рабов.

Что человек может быть товаром, для Духарева было не такой уж новостью. Видел он рабов и в более цивилизованном мире, причем не только в Чечне, но и в как бы «европейском» Питере. Однако помня о том, как он сам попал в этот мир, Серега поначалу поглядывал на челядников Горазда с интересом: а ну как (чем черт не шутит!) окажется среди них такой же кочевник-междумирок, как он сам? Только менее удачливый. Но очень скоро Духарев присматриваться перестал. Не было среди челяди никаких междумирных кочевников, а были здешние неудачники, большей частью слом-

ленные люди, из воинской добычи тех же нурманов. Здешний же человек, чудин ли, вятич или кривич, будучи выдернут из своего рода, из привычного окружения, вырван с кровью, унижен и потоптан, уподоблялся выпавшему из гнезда птенцу. Безвольное, покорное существо. Был лишь один чудин, который, предоставь его самому себе, мог бы сбежать в лес и даже добраться домой, если только дом его и хоть кто-то из родичей уцелел после свирепого нурманского набега. Потому на чудина надели цепи и присматривали за ним не в пример строже, чем за какой-нибудь купленной у тех же нурманов запуганной рабыней. Вообще-то, такой социальный порядок Сереге не слишком-то нравился. Не дело это, когда безответного раба палкой по голове лупят, чтоб ногами быстрее шевелил, а рабыню, если Горазд разрешит, можно пользоваться хоть всем кругом. Не порядок это, а какой-то бандитский беспредел. Но когда Серега поделился своими мыслями с Тешей, тот обиделся.

– Все знают, что мы, словене, с челядью по-доброму обходимся! – запротестовал молодой кривич. – Ты б видел, что с полоняниками нурманы творят! Зато и нурманский полон – самый спокойный! – тут же сделал Теша неожиданный вывод. – Сколь челяди ни водили – от нурманских рабов никакого озорства.

– И много ты таких вот, – Духарев кивнул на понурую череду невольников, – в Киев водил?

– Да по четвертому разу уж! – не без гордости ответил

Теша.

– А если тебя самого нурманы схватят и вот такому же, как Горазд, продадут? – осведомился Духарев.

– Того не будет! – твердо ответил Теша.

– Почему ты так думаешь?

– Перун не позволит. А если случится... – Теша малость помрачнел. – Нурманы воев в холопы не берут. Могут в ватажку свою, хирд, взять, если ты им почему-то полюбился, ну там бился крепко или некого за весло посадить. Но это редко бывает. Чаще если захватят воя или гридня живьем, то мучат до смерти. Так что, ежели что, нурманам в полон лучше не попадать. И своих не отдавать. Лучше их самому убить... – Тут обычно веселый Теша стал совсем мрачен. Вероятно, его мнение основывалось на фактах, а не общих предположениях.

Ночевала ватажка, как правило, на постоянных дворах, но иногда и в самом лесу. Шатров не ставили. Прогревали землю огнем и ночевали, завернувшись в шкуры. Челядь – по овечьи сбившись в кучу, остальные – кому как нравится. Костры жгли всю ночь. Для тепла. Даже самая голодная волчья стая не рискнула бы напасть на такую толпу людей. Но, по требованию Устаха, кроме костровых выставляли и дозорных. Больше для порядка, чем по необходимости.

Беда пришла в одну из таких «лесных» ночей. Пришла не от природы, а от человека. Беда, в очередной раз круто изменившая жизнь Сереги Духарева.

Глава одиннадцатая

Нурманы

Они вышли прямо к кострам. Четверо. Серега даже не успел удивиться, каким образом они обошли дозорного. Из темноты появились еще двое, волоча Тешу. Дотащили, бросили в освещенный огнем круг.

Кто-то из женщин сдавленно вскрикнул.

Теша, ударившись оземь, застонал, попытался ползти. Прямо в костер.

К нему подскочил Зубок, удержал.

Шестеро словно и не заметили этого. Рослые, самый высокий – с Духарева ростом. В полных бронях, с закинутыми за спину щитами. Мечи – у каждого. И сулицы. У двоих еще – боевые топоры, широкие, с «бородками».

– Нурманы... – прошептал Мыш.

Слада, всхлипнув, подалась назад, соскользнула с бревна и спряталась за спину Сереги.

Нурманы неторопливо приблизились. Один из них опустился на корточки у огня, снял рукавицу, содрал сосульки со светлых усов, бросил в пламя. Молча. Кривичи тоже молчали, поглядывали на Горазда.

Купец сделал знак: одна из молодых челядниц налила в чашу горячий сладкий медовый вар, поднесла тому, что присел на корточки. Тот, не обращая внимания, демонстратив-

но глядел на огонь. Внезапно один из его спутников грубо схватил женщину, та вскрикнула, уронила чашу. Нурман грубо, спиной, притянул ее к себе, укусил за шею. Женщина вскрикнула, попыталась вырваться. Нурман захохотал, сдавил ее, укусил еще раз, затем отшвырнул в сугроб.

Сергея увидел, как заходили желваки у сидящего справа от Горазда Устаха.

Но никто из кривичей опять ничего не сделал. И Сергей тоже. Хотя ему очень хотелось.

Непонятки. Конечно, пришельцы в броне и при оружии, а Гораздовы – кто в чем есть. Но нурманов всего шестеро, а Гораздовых – почти два десятка. Втрое против нурманов. Чего ж эти вотановы ублюдки борзеют? И почему им позволяют борзеть?

– Мыш, – шепнул Духарев. – Мой меч.

«Учил же Рёрах меня, дурака: не клади оружие дальше протянутой руки!» – сердясь сам на себя, подумал Сергей.

– Ты че, Сергейей... – испуганным шепотом начал Мыш.

– Живо! – прошипел Духарев.

Мыш скатился с бревна и, пригибаясь, как будто ждал стрелы, кинулся к тюкам. Двое нурманов схватились за сулицы, но, разглядев, что это только мальчишка, остановились.

Их вожак все так же сидел у костра, глядел в пламя. Как будто вокруг – никого. На спину его поверх рыбьей чешуи доспеха была наброшена волчья шкура. Белая, с темной полосой по хребту.

Хищные глаза нурманов посверкивали в круглых прорезях шлемов.

Мышь подбежал, сунул Сереге меч в ножнах и сразу присел, прячась за Серегину широкую спину.

Нурманы это видели. Тут же один из чужаков – на нем тоже была волчья шкура, только не белая, а серая – обогнул костер и уселся на бревно рядом с Духаревым. Глянул на него нагло и вызывающе, ухмыльнулся. Воняло от нурмана, как от бомжа.

И сразу еще двое сошли с мест. Один быстрым движением выхватил нож, отмахнул от подвешенной кабаньей туши красную полоску, вытянул из-за пазухи мешочек с солью, сыпанул и стал жрать сырое мясо. Второй плюхнулся на бревно рядом с Зубковой женой, Неленей, скинул шлем, встряхнул спутанными волосами и вдруг ухватил Неленю за пшеничные косы, запрокидывая молодой женщине голову...

Зубок, вскрикнув, бросился к ней...

Нож нурмана, евшего мясо, свистнул в воздухе и ударил Зубка между лопаток. Брони на Зубке не было, и нож вошел почти на ладонь. Кривич споткнулся, широко раскрыл рот... Беззвучно, как рыба... И упал.

Над поляной прокатился дружный вздох.

Мгновением позже дико вскрикнула Неленя, нурман зажал ей ладонью рот и засмеялся, когда женщина попыталась укунить его ладонь.

– Зачем? – глухо произнес Горазд.

Предводитель отвернулся от огня – к Горазду. На нем был пластинчатый панцирь без рукавов и нашейника. Из-под панциря торчали рукава кольчужной рубахи.

– Виру стребуешь, словенин? – негромко поинтересовался он. – Или, может, – кровь за кровь возьмешь?

Говорил он по-своему, но Горазд понял. Да все поняли, даже те, кто не знал языка.

– Князь возьмет, – совсем тихо ответил купец.

– Если узнает. – Нурман глядел на Горазда, а Горазд – в утоптаный снег.

Нурман сдвинул на затылок шлем. Лицо у него было строгое и спокойное. Красивое мужественное лицо вождя-воина.

Его товарищ тем временем давил пальцами лицо Нелени. Женщина уже не кричала, подвывала на одной ноте, как собачонка. Нурман распахнул на ней полушубок...

«Эта сука нас провоцирует! – подумал Серега. – Ну ладно же!»

Он сжал рукоять меча, нажал большим пальцем, и клинок, щелкнув, выдвинулся из ножен. Тотчас сидящий около Духарева нурман небрежным движением обнял Серегу за шею, царапнул горло железными бляшками, нашитыми на раструб рукавицы. Его шлем был тоже сдвинут на затылок. Нурман выдохнул прямо Сереге в лицо, ухмыльнулся-оскалился, полностью уверенный в своем превосходстве рыжебородый наглец...

Духарев ударил его локтем, снизу вверх, в нос. Меховой

рукав куртки, конечно, смягчил удар, но голова нурмана мотнулась назад, и хватка на шее Серегиной ослабла.

Духарев, разворачиваясь, врезал нурману по зубам оголовьем меча, с удовольствием услышал хруст и перекатом ушел назад, одновременно стряхивая с меча ножны.

Брошенная в него сулица с шелестом вспорола снег. Серега встал на ноги, увидел, как Мыш лаской метнулся к упавшему нурману, скорее почувствовал, чем заметил еще одну сулицу, прыгнул и выхватил ее из воздуха буквально в метре от Мышовой спины, развернулся, увидел оскаленную пасть бросившего копье нурмана и метнул сулицу обратно. Нурман присел, и сулица прошла мимо.

Боковым зрением Духарев увидел, как Устах опускает меч на затылок схватившего Неленю разбойника, перескочил через костер и из верхней позиции рубанул нурманского вожака, схватившегося с Гораздом.

Нурман затылком угадал опасность, отскочил, и меч впустую звякнул по панцирю, отхватив клоч волчьей шкуры.

Нурман вертанулся волчком. Жало его меча прочертило параллельную земле линию в сантиметре от Серегиной куртки, упало вниз, и Серега, не отдерни он ногу, – остался бы калекой.

Свист... Серега инстинктивно присел – и клинок другого нурмана пропел у Духарева над макушкой. Приседая, Серега боковым зрением увидел набегающего третьего, взлетающий топор...

Духарев кувыркнулся ему навстречу, с кувырка оттолкнулся-ударил нурмана ногами в грудь – и тот исчез из поля зрения. А Серега кувыркнулся обратно – меч второго разбойника с маху врубился в мерзлую землю там, где только что был Духарев, – кувыркнулся и встал: нос к носу с нурманским вожаком.

Вот это было зрелище! В общем-то довольно красивое лицо нурмана перекосила страшная гримаса. Из оскаленного рта на бороду обильно стекала слюна, расширенные зрачки, красные белки глаз...

Даже если Серега и собирался испугаться, то не успел. Горазд с кряканьем рубанул нурмана по спине.

Может, у купца с возрастом ослабел поставленный удар. Может, двойная, на совесть выкованная броня нурмана оказалась тверже кривичского клинка... В общем, панцирь выдержал, а брошенный ударом нурман налетел на Духарева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.